

Пленник янтаря

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Nara May

18+

Nara May

ПЛЕННИК ЯНТАРЯ

«Автор»

2026

May N.

ПЛЕННИК ЯНТАРЯ / N. May — «Автор», 2026

Я не верил в истинные пары. Пока не учуял её. Меня зовут Дарий. Пятнадцать лет назад Картель Наследия уничтожил мою стаю. Мой отец, отравленный «Эклипсом», убил мою мать. Я бежал, запечатав своего волка ритуалом «Железной Воли», и поклялся вернуться. Я стал наёмником. Чистильщиком. Оружием. Искал следы Картеля, чтобы отомстить. Но судьба привела меня в городишко, где правит страх. Айрин. Я учуял её запах. Янтарь. Тёплый, сладкий, сводящий с ума. Девушка с глазами цвета солнца, которая ненавидит оборотней так же сильно, как я ненавижу себя. Она — моя истинная пара. Моё спасение. Моё проклятие. Потому что Картель охотится не только за мной. Им нужна она. Её кровь — ключ к их дьявольской программе «Генезис». Я не должен к ней прикасаться. Я опасен. Мой зверь рвётся наружу к ней, а они идут по моему следу. Но когда я вижу, как чужие руки тянутся к ней, - я забываю обо всём. Она - моя. И я уничтожу любого, кто посмеет её тронуть. Даже если это будет весь Картель Наследия. Книга - БЕСПЛАТНАЯ

© May N., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава.1	9
КРОВЬ «ВОЛЧЬЕГО КЛЫКА»	9
Глава.2	12
ЗАТМЕНИЕ	12
Глава.3	17
ПОИСК ВЕДУНЬИ	17
Глава.4	20
РИТУАЛ «ЖЕЛЕЗНОЙ ВОЛИ»	20
Глава.5	23
ЧИСТИЛЬЩИК	23
Глава.6	26
СЛЕД «ЭКЛИПСА»	26
Глава.7	29
СРЫВ АМУЛЕТА	29
Глава.8	33
ПОБЕГ	33
Глава.9	36
ВСТРЕЧА	36
Глава.10	40
СТЫЧКА	40
Глава.11	44
СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА	44
Глава.12	48
ХОЛОДНАЯ ВОЙНА	48
Глава.13	52
ОГОНЬ И ЛЁД	52
Глава.14	55
ПРИТЯЖЕНИЕ	55
Глава.15	59
НОЧЬ ОПАСНОСТИ	59
Глава.16	63
ОТКРОВЕНИЕ	63
Глава.17	67
ПЛАМЯ	67
Глава.18	72
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ	72
Глава.19	76
ПЕРЕД БУРЕЙ	76
Глава.20	79
АУКЦИОН	79
Глава.21	83
УДАР В СПИНУ	83
Глава.22	86
ПО СЛЕДУ	86
Глава.23	89

ОНА	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Nara May

ПЛЕННИК ЯНТАРЯ

ПРОЛОГ

Грузовой состав шёл на север.

Я лежал в вагоне, пахнущем сырым лесом и соляжкой, и смотрел в потолок, которого не видел. Темнота здесь была не просто отсутствием света — она была живой. Вязкой, как смола. Она затекала в ноздри, в уши, в открытую рану под рёбрами и сворачивалась там, тяжёлая, горячая, пульсирующая в такт сердцу.

«Эклипс».

Красивое слово для того, что выжигает душу изнутри. Затмение. Мол, свет гаснет, и остаётся только зверь. Только чистый инстинкт, который можно направить куда угодно. На врага. На друга. На собственную жену, чьё горло ты рвёшь, глядя в глаза, полные ужаса и любви.

Я знал это не понаслышке.

Вагон тряхнуло на стыке рельсов, и тело отозвалось глухим, многоголосым стоном боли. Она не била в одну точку — она текла, как расплавленный свинец по жилам, находя каждую трещину в костях, каждый старый шрам, каждую пощёчину, которую нанесла мне жизнь, и заставляла их гореть заново. Особенно — место под рёбрами слева, куда вошёл отравленный клинок Сайлуса.

Я помнил его лицо. Высокий, шрам через щёку, глаза — холодные, как декабрьский лёд на реке. И голос. Спокойный, почти ласковый, когда он произнёс: *«Наследник Волчьего Клыка Альфа, который пришёл умирать в одиночестве. Ты даже не представляешь, Волков, как долго я тебя ждал».*

Я сжал кулак, чувствуя, как ногти — уже не совсем человеческие, заострённые, загнутые — медленно, со скрипом вспарывают ладонь. Эта маленькая, честная, простая боль на секунду перекричала вой «Эклипса» в венах. Дыхание выровнялось. Глаза на мгновение сфокусировались на щелях между досками вагона.

Амулета на шее больше не было.

Шея горела от непривычной, пугающей наготы. Я сорвал его сам — в тот момент, когда понял, что иначе сдохну прямо там, на полу собственной квартиры, как загнанный пёс. Серебряная цепочка лопнула, почти не сопротивляясь, камень «Ока Бури» выпал и покатился по полу, а я впервые за пятнадцать лет вдохнул воздух, не пропущенный через магический фильтр.

И внутри проснулся ОН.

Волк.

Не рывком, не взрывом. Он поднимался медленно, тяжёлыми толчками — так просыпается вулкан перед извержением, когда земля ещё держит корку, но магма уже вспучивает её изнутри, готовая прорваться в любую секунду. Пятнадцать лет «Железная Воля» держала его на цепи в подвале моего сознания. Пятнадцать лет я слышал его глухое рычание во сне, чувствовал его злобу, его голод, его тоску по луне, но не мог до него достучаться. А он не мог вырваться.

Теперь цепи треснули.

Не разорвались — Северная Ведунья сказала, что для полного освобождения нужна Истинная Пара, а она, старая карга, врать не умела. Но трещины уже пошли, и сквозь них сочилась сила. Звериная. Дикая. Первобытная, как раскат грома над горами.

Я не помнил, как дрался. Вспышками — вкус чужой крови на клыках, хруст чужих костей под пальцами, вой ветра в ушах, когда я летел из окна четвёртого этажа. А потом — бег. Долгий, слепой, рваный бег сквозь ночной город. Я не выбирал направление. Ноги несли сами, петляя, сбивая след, уходя от погони, которая, возможно, уже и не шла за мной.

Я забрался в первый попавшийся грузовой состав на сортировочной станции, просто потому что сил больше не было. Вагон с лесом — брёвна пахли смолой и морозом, хотя мы ещё даже не выехали из средней полосы. Я упал между ними, прижался спиной к шершавой, живой коре и закрыл глаза, проваливаясь в горячечный, липкий бред.

Поезд дёрнулся и пошёл. На север. Я понял это позже, когда холод начал забираться под одежду, под кожу, в самые кости — и боль от «Эклипса» вдруг немного отступила. Холод замедляет яд. Я знал это по досье «Корпуса С», но сейчас чувствовал собственным телом. Север меня не звал. Север меня спасал, сам того не желая.

В бреду я видел мать.

Она стояла на берегу горной реки — там, в стае «Волчий Клык», где вода пенилась о валуны, а мы собирали дикую малину в подол её синего платья. Волосы распущены, и ветер трепал их, бросал на лицо, а она отводила пряди тонкими пальцами и улыбалась. Мягко. Грустно. Так, как улыбаются мёртвые, которые знают то, чего живым знать не положено.

«Дарий там, на Севере, тебя ждёт она твоя Пара»

Я хотел закричать. Спросить — кто? Где? Как я узнаю её среди тысяч лиц? Но горло сдавило невидимой рукой, и я не смог выдавить ни звука, только смотрел, как её фигура тает в тумане над рекой.

«Янтарь, — прошептала она, и её голос был как шелест сухой листвы под ногами. — Ты узнаешь её по запаху янтаря Тёплому. Солнечному. Живому. Найди его, сынок. И не отпускай».

Янтарь.

Я никогда не знал этого запаха. Не представлял, как пахнет окаменевшая смола. Но в тот момент, в темноте трясущегося вагона, среди вони солярки, сырого дерева и моей собственной отравленной крови, я вдруг почувствовал ЕГО.

Он проник сквозь всё. Тёплый. Смолистый. Солнечный. Он коснулся ноздрей, проник в лёгкие, разлился по венам — и там, глубоко внутри, волк, мой израненный, запертый, обезумевший от боли волк, поднял морду и тихо, жалобно, как щенок, заскулил.

Найти. Защитить. Не отдать.

Я повторял это как молитву, проваливаясь в темноту: *«Найти. Защитить. Не отдать».*

Поезд мчался сквозь ночь, унося меня туда, где мороз под сорок, где чужие земли и чужие стаи, где где-то среди снегов и сосен ходит девушка, от которой пахнет янтарём. Она пьёт свой утренний кофе, ругается с наглыми посетителями паба, поправляет волосы перед зеркалом и даже не подозревает, что она — единственное, что может меня спасти.

Или единственное, что я уничтожу.

Потому что я — сын своего отца. А мой отец, отравленный «Эклипсом», разорвал горло своей Истинной Парой. Моей матери.

Я открыл глаза. Вагон трясло. Темнота всё так же давила на грудь, но теперь в ней был не только холод, боль и страх. В ней был запах. Едва уловимый, призрачный, почти воображаемый, но от него внутри разливалось живое, человеческое тепло.

Янтарь.

Я не знал, явь это или бред умирающего разума. Но я цеплялся за этот запах, как утопающий цепляется за гнилую верёвку, зная, что она может не выдержать, но другой надежды нет.

Я выживу. Я найду тебя. Я не повторю судьбу отца.

С этой мыслью я снова провалился в беспмятство, а поезд всё шёл и шёл на север, унося меня к станции «Сосновка», к путевому обходчику Макару Иванычу, к пабу «Горький

Штопор» и к девушке с янтарными глазами, которая ещё не знала, что её спокойная жизнь только что закончилась. Навсегда.

Глава.1

КРОВЬ «ВОЛЧЬЕГО КЛЫКА»

Детство в стае

Моё детство пахло сосновой смолой и дымом костра.

Если закрыть глаза — я и сейчас могу вернуться туда. В горы. В земли «Волчьего Клыка». Туда, где небо синее до рези в глазах, а воздух холодный, звенящий, чистый — никакого бетона, никакой вони выхлопных газов, только лес, скалы и река внизу, ледяная, ревущая после таяния снегов.

Отец говорил: «Волк, забывший запах леса, перестаёт быть волком».

Теперь я знаю, что он был прав. Теперь я многое знаю, чего не знал тогда. Тогда — мне было двенадцать, и мир был простым и крепким, как мускулы под шкурой зверя.

Отца звали Ратмир Волков. Альфа «Волчьего Клыка». Когда он стоял на скале над долиной — высокий, прямой, с руками, способными свернуть шею взрослому оленю, — ветер трепал его тёмные волосы, а он смотрел вдаль так, будто уже видел всё, что случится с нами через месяц. Может, и видел. Может, поэтому никогда не улыбался по-настоящему — только скупой, уголкем рта, когда я делал что-то правильно.

Глаза у него были янтарные. Волчьи. Такие же, как у меня сейчас. Такие же, какими я смотрю на Рину, когда она спит, и думаю: «Не дам. Никому. Сдохну, но не дам».

Он учил меня охоте. Не убивать — понимать. Чувствовать зверя, лес, землю. На рассвете, когда туман стелился в низинах, мы уходили вдвоём, и он показывал мне следы на влажной траве, надломленные ветки, запах зверя на коре. Никогда не кричал, если я ошибался. Просто останавливался, оборачивал голову — хищный профиль на фоне светлеющего неба — и спрашивал тихо, почти ласково:

— Что ты сделал не так, Дарий?

И я думал. И исправлял. И когда его тяжёлая, мозолистая ладонь ложилась мне на плечо, а голос ронял короткое «Хорошо», — внутри разливалось тепло, от которого хотелось жить.

Мать была другой.

Милана. Луна стаи. Истинная Пара отца. Я не понимал тогда, что значит это слово — «Истинная», — просто знал, что, когда они смотрят друг на друга, мир вокруг становится тише. Мягче. Правильнее. Она не носила оружия и никогда не повышала голоса, но стоя слушала её, как слушают ветер перед грозой — внимательно, почтительно, зная, что за тишиной стоит сила.

Волосы у неё были тёмные, длинные — она заплетала их в косу каждое утро, стоя у окна. Глаза — голубые, прозрачные, как горное небо после ливня. Такие же были у меня тогда. Теперь они янтарные — волчий огонь, проступивший после ритуала, — но двенадцать лет я смотрел на мир её глазами. И она учила меня тому, чему не мог научить отец.

— Ты будешь Альфой, Дарий, — говорила она по вечерам, когда мы сидели у камина, сложенного ещё прадедом из дикого камня. Огонь плясал в её зрачках, и голос был как шёпот листвы. — Но запомни: Альфа без Луны — половина целого. Придёт день, и ты встретишь свою Истинную. Береги её. Цени. Слушай. Потому что она увидит то, чего не увидишь ты.

Я кивал, хотя не понимал тогда ни черта. Пары, связь, Луна Всё это было далёким, взрослым, почти сказочным. Мне было двенадцать. Мой мир состоял из охоты, тренировок с Мирном, школы в Высокогорске и запаха розмаринового хлеба, который мать пекла по четвергам.

В четверг всё и случилось.

* * *

Приход Картеля

Я сидел на крыльце и чистил охотничий нож — подарок отца на двенадцатый день рождения, с рукоятью из рога и гравировкой «В» на лезвии, — когда услышал моторы.

Звук был чужой. Резкий. Неправильный.

Наши машины — старый пикап Мирона, пара внедорожников — так не рычали. Эти двигатели звучали ровно, мощно, дорого. Так звучат звери, которых кормят деньгами, а не мясом.

Я сунул нож в ножны и пошёл к дому старейшин.

Три чёрных внедорожника, забрызганных грязью горных дорог, стояли на площадке. Из них выходили люди. Четверо. Все в тёмном — дорогие пиджаки, начищенные ботинки, чужие запахи. Не лес, не стая, не кровь. Что-то металлическое, химическое, с примесью одеколона — резкого, как пощёчина.

Главный — высокий, сухощавый, с бледным лицом и светлыми, почти бесцветными глазами — двигался плавно, слишком плавно. Хищник. Но не волк. Что-то другое. Что-то, от чего мой внутренний зверь — ещё юный, только-только начинающий ворочаться внутри — напрягся и оскалился.

Отец уже стоял перед домом. Спокойный, прямой, как скала над долиной. За ним — Мирон и несколько старших волков. Мать осталась на крыльце нашего дома, в стороне, но я чувствовал её взгляд — острый, цепкий, ничего не упускающий.

— Ратмир Волков, — произнёс бледный. Голос — под стать внешности: скользкий, лишённый интонаций, как змеиная кожа. — Картель Наследия приветствует «Волчий Клык». У нас к вам предложение.

Отец не ответил. Просто смотрел. Так он смотрел на молодых волков перед наказанием — и те вжимали головы в плечи. Но бледный даже не моргнул.

— Союз, — продолжил он, доставая из кармана портсигар с гербом. Чёрное солнце, пронзённое копьём. — Ваши земли — стратегический узел. Мы предлагаем сотрудничество: вы сохраняете автономию, но даёте нам доступ к перевалам и лояльность на Совете Стай. Взамен — защита, финансирование, технологии.

— Мы не торгуем землёй, — голос отца прозвучал низко, ровно. Так он говорил за секунду до рыка. — И не заключаем союзов с теми, кто носит оружие, приходя на переговоры.

Я перевёл взгляд на чужаков. У двоих пиджаки топорщились на боку — кобура. У одного — длинный нож на поясе. Бледный стоял с пустыми руками, и именно это пугало больше всего.

— Оружие — предосторожность, — он пожал плечами, выпуская дым. — Времена неспокойные. Картель предлагает вам безопасность.

— Безопасность? — отец чуть склонил голову набок, и в его глазах вспыхнули янтарные искры. Те самые, что теперь горят в моих. — Вы приходите на мою землю без приглашения, угрожаете моей стае и называете это безопасностью? Убирайтесь. «Волчий Клык» не нуждается в покровителях.

Повисла тишина. Густая, вязкая, как смола. Люди Картеля напряглись. Один из них — молодой, с бегающими глазами и дёрганой шеей — бросил быстрый взгляд на бледного, ожидая приказа. Но тот не шевельнулся. Просто смотрел на отца — долго, оценивающе, как смотрят на редкий трофей, за который пока не готовы заплатить.

— Жаль, — произнёс он наконец. — Позвольте оставить подарок. В знак уважения.

Щелчок пальцами. Молодой с бегающими глазами достал из машины чёрный лакированный футляр. Протянул отцу, держа на вытянутых руках. Внутри, на бархатной подкладке, лежал флакон из тёмного стекла. Жидкость внутри казалась чёрной, но солнечный луч, упавший на стекло, высветил багровый отлив. Как венозная кровь.

— «Эклипс», — произнёс бледный. — Новейшая разработка. Расширяет возможности зверя. Усиливает рефлекс, обостряет чутьё. Попробуйте. Возможно, вы передумаете насчёт союза.

Отец опустил взгляд на флакон. Всего на секунду. Потом перевёл его на бледного, и я увидел, как желваки заиграли на его скулах. Он не взял футляр. Не разбил его — рядом стояли люди, в тридцати метрах был дом с детьми, и никто не знал, что это за дрянь. Распылится в воздухе? Взорвётся? Он не мог рисковать стаей. Поэтому он просто сказал:

— Уезжайте. И не возвращайтесь. Подарки заберите с собой.

— Оставьте, — бледный улыбнулся уголком рта. — Вам понравится.

Он потушил сигарету о каблук, бросил окурочок в пыль — на нашей земле, нагло, демонстративно — и развернулся к машине.

— Как знаете, Альфа. Но помните: Картель не забывает отказов.

Они уехали. Три чёрные машины скрылись за поворотом, оставив после себя запах выхлопных газов и что-то ещё — липкое, мерзкое, как предчувствие беды.

Я выдохнул. Не помню, чтобы я вообще дышал всё это время.

Отец стоял неподвижно. Его плечи были напряжены, кулаки сжаты. Он смотрел на дорогу, даже когда машины исчезли из виду. Потом перевёл взгляд на футляр — бледный оставил его на земле, прямо в пыли, будто мусор.

— Мирон, — бросил отец. Голос был спокойным, но я слышал в нём сталь. — Убери это в хранилище. Завтра отнесём в лабораторию в город, пусть проверят состав. И удвой посты. С сегодняшнего дня — полная боевая готовность.

Он знал. Он всё знал — что они вернутся, что это не конец. Но даже он не знал, что враг уже внутри.

Егор выступил вперёд. Молодой волк, тихий, услужливый. Мне он никогда не нравился — слишком сладкий, слишком незаметный. Такие, как он, не смотрят в глаза.

— Я уберу, — сказал он, наклоняясь за футляром. — Не стоит утруждать старшего Бету.

Никто не обратил внимания. Никто не заметил, как дрогнули его пальцы, сжимаясь на лакированной крышке.

А я заметил.

Но мне было двенадцать, и я не понимал, что именно вижу. Просто почувствовал — холодок вдоль позвоночника, хотя ветер был тёплым.

Сумерки сгустились над «Волчьим Клыком». Где-то далеко, в горах, тоскливо завыв одинокий волк.

Я пошёл домой. Мать накрывала на стол. Пахло хлебом с розмарином.

Последний спокойный вечер в моей жизни.

Глава.2

ЗАТМЕНИЕ

Первые дни после отъезда чужаков всё было обычно.

Я говорю «обычно», но сейчас, спустя годы, я понимаю: ничего обычного в эти дни уже не было. Просто я не замечал. Не хотел замечать. Двенадцатилетний пацан, который думает, что мир прочен, как скала под ногами, и что с его семьёй никогда ничего не случится.

Отец стал энергичнее. Бодрее. Он вставал затемно, уходил в лес, возвращался с оленем на плечах — один, без помощи. Молодые волки восхищённо переглядывались: Альфа в расцвете сил. Мать сначала улыбалась, глядя на него, но потом я стал замечать в её глазах что-то ещё. Тень. Тревогу. Она смотрела на отца, когда он не видел, и между её бровей залегала тонкая морщинка.

— Всё хорошо? — спросил я однажды вечером, когда она месила тесто для хлеба, и её руки двигались как-то механически, без обычной лёгкости.

— Конечно, родной, — ответила она слишком быстро. — Просто устала.

Она лгала. Я знал это. Знал по голосу, по запаху — волчата учатся чують ложь раньше, чем читать. Но я не стал допытываться. Мне было двенадцать. Я не хотел верить, что может быть иначе.

Потом началось «Затмение».

Слово это я узнал позже, от людей «Корпуса С», когда разбирал досье на «Эклипс». А тогда для меня это было просто изменение. Отец стал другим. Не сразу. Постепенно. Как небо затягивает тучами перед грозой — вроде бы ещё светло, но воздух уже потрескивает от напряжения, и где-то вдалеке погромыхивает гром.

Он перестал узнавать людей. Не всех — только мать. Сначала он просто смотрел на неё дольше обычного, странным, чужим взглядом. Потом начал вздрагивать, когда она касалась его плеча. Потом — отстраняться.

Однажды я вошёл в дом и увидел, как он стоит у окна, уперев ладони в подоконник, и смотрит на неё через стекло. Мать развешивала бельё во дворе, и ветер трепал её волосы, выбившиеся из косы. А он смотрел на неё так, как никогда не смотрел раньше. Так волк смотрит на чужака, зашедшего на его территорию.

С подозрением.

С угрозой.

— Пап? — позвал я тихо.

Он обернулся. И на секунду — на долю секунды — я не узнал его глаз. В них горело что-то тёмное, багровое, как та жидкость во флаконе. Но он моргнул, и всё исчезло. Передо мной снова стоял отец — усталый, хмурый, но мой.

— Всё нормально, Дарий. Иди к себе.

Я ушёл. Идиот. Я ушёл.

Если бы я остался. Если бы понял. Если бы рассказал матери о том, что видел. Может быть, она успела бы уйти. Может быть, Мирон успел бы запереть отца в подвале, пока не станет поздно. Может быть

Но мне было двенадцать. И я ничего не сделал.

В ту ночь я проснулся от крика.

Не от шума. Не от рыка. От крика — высокого, женского, полного такого ужаса, что у меня кровь застыла в жилах прежде, чем я открыл глаза.

Я знал этот голос. Я слышал его каждый день, всю свою жизнь. Но я никогда — никогда — не слышал, чтобы мать так кричала.

Меня подбросило с кровати раньше, чем мозг успел осознать, что происходит. Босые ноги застучали по деревянному полу. Дверь в спальню родителей была распахнута настежь.

Я вбежал.

И

Есть моменты, которые не укладываются в голове. Которые мозг отказывается обрабатывать, потому что они не помещаются в картину нормального мира. Я видел это, но не понимал. Стоял и смотрел, а внутри — белый шум, и время растягивалось, как резина, и каждая секунда длилась вечность.

Отец стоял над матерью.

Он был в волчьей форме — огромный, чёрный, с вздыбленной шерстью на загривке и горящими багровым глазами. Его челюсти сомкнулись на её горле. Я видел её руки — тонкие, изящные пальцы, которые ещё утром заплетали косу, — они бились, царапали воздух, пытались оттолкнуть его. А он рвал. С хрустом, с утробным рыком, который не был похож ни на один звук, что я слышал от него раньше.

Кровь. Везде кровь. На стенах, на постели, на её ночной рубашке — белой, которую она купила в Высокогорске месяц назад и радовалась, как девчонка.

Запах. Медный, солёный, горячий — он ударил в ноздри и забил всё остальное. Я не чувствовал ни сосны, ни лаванды, ни дома. Только кровь.

И её глаза. Голубые. Мои. Наши. Они смотрели на меня — смотрели, пока свет в них гас, как задувают свечу. Она видела меня. В последний миг она видела меня.

— Мама

Я не закричал. У меня не вышло. Горло перехватило так, что я не мог вдохнуть.

Но он услышал.

Отец разжал челюсти. Медленно, дёргано, как заевший механизм, он повернул голову ко мне. С его морды капало. С клыков свисало то, о чём я не хочу писать и не хочу помнить. Багровые глаза уставились на меня — и в них не было ничего. Ни узнавания. Ни любви. Ни отца.

Только зверь.

Я должен был бежать. Каждый инстинкт, каждая клетка моего тела вопила: беги, прячься, спасайся. Но я не мог. Потому что там, за его спиной, лежала мать. И я подумал — глупо, по-детски, — что если я дотянусь до неё, если я позволю ей коснуться меня, то всё исправится. Она встанет. Она обнимет меня. Она скажет, что это был просто страшный сон.

Я бросился к ней.

Я не добежал. Огромная лапа — не рука, лапа, с чёрными когтями — ударила меня в грудь и отшвырнула назад. Я пролетел через комнату и врезался в стену. Затылок взорвался болью, в глазах вспыхнуло белое.

И темнота.

*** * * КРОВЬ ВОЛКОВЫХ**

Тишина.

Она была первой, что я услышал, когда пришёл в себя. Густая, вязкая тишина, какая бывает только в самые страшные моменты, когда мир замирает.

Я лежал на полу. Голова гудела так, что тошнило. Перед глазами всё плыло, но я заставил себя приподняться. Затылок был липким. Кровь. Моя кровь. Наверное, разбил голову о стену.

Сколько я пролежал без сознания? Минуту? Десять? Час?

Я не знал. Время потеряло смысл.

Огонь в камине почти погас, только тлели угли, отбрасывая на стены красноватые отсветы. И в этом полумраке я увидел его.

Отец. Снова в человеческой форме. Голый, перепачканный кровью — её кровью, — он сидел на полу у кровати и держал мать на руках. Её голова запрокинулась, волосы рассыпались по его коленям. Он не рычал. Не метался. Он просто сидел и смотрел на неё. И выл.

Это был не волчий вой. Не боевой клич. Не зов стаи. Это был звук, который я никогда не забуду — низкий, утробный, идущий откуда-то из самой глубины души. Воют так, когда теряют всё. Когда понимают, что случилось непоправимое, и что это ты — ты сам — сделал это.

— Папа?.. — прошептал я, и мой голос прозвучал как чужой. Тонкий. Детский. Сломанный.

Он поднял голову.

И я увидел его глаза. Янтарные. Наши. Отцовские. Багровая муть ушла. «Эклипс» отпустил.

Слишком поздно.

— Дарий — его голос был хриплым, надтреснутым. — Прости. Прости меня. Я не хотел. Слёзы текли по его лицу. Мой отец — Альфа, вожак, сильнейший волк, которого я знал, — плакал, баюкая мёртвую жену, и я не мог пошевелиться. Не мог подойти. Не мог ничего.

— Прости, — повторял он. — Прости. Прости. Прости.

А потом он посмотрел на меня — долгим, ясным взглядом, в котором плескалась такая боль, что у меня перехватило дыхание. И сказал уже другим голосом. Спокойным. Почти мирным.

— Береги стаю. Они придут за ней. Ты — последняя кровь. Ты — наследник. Ты должен выжить.

Я не сразу понял, что он делает. Он наклонил голову. Поднёс запястье к своей шее — туда, где билась жилка. И прежде чем я успел открыть рот, прежде чем успел закричать, он перегрыз себе вены. Волчьи зубы — острые, как бритва. Одно движение. Алая струя хлестнула по стене, смешиваясь с её кровью.

— НЕТ! — заорал я, бросаюсь к нему, забыв о боли, о голове, о стене.

Я упал рядом. Схватил его за плечи. Попытался зажать рану руками — глупо, бесполезно, кровь хлестала сквозь пальцы, горячая, липкая, неостановимая. Он смотрел на меня. Его глаза меркли, но он смотрел. И в последний миг, когда свет уже уходил из них, он прошептал:

— Милана я иду

Его сердце остановилось. Связь с парой разорвалась — она умерла раньше, но его держала ярость и яд. Теперь яд отпустил. И он ушёл за ней.

Я сидел между ними. Меж телом матери с перегрызенным горлом и телом отца с разорванными венами. В их крови. В их тишине. Мне было двенадцать лет.

Я не плакал. Не мог. Слёзы придут позже, спустя годы, когда я повзрослею и пойму, что тогда случилось. А пока внутри была пустота. Огромная, чёрная, ледяная пустота, в которой эхом билось только одно:

Я не успел. Я ничего не сделал. Я их не спас.

Не знаю, сколько я так просидел. Может, час. Может, два. Но когда начало светать, я услышал новые звуки.

Выстрелы.

Автоматные очереди — резкие, отрывистые, совсем не похожие на охотничьи ружья, с которыми ходили наши. Крики. Вой — боевой, яростный, и тут же захлебнувшийся. Рычание. Звуки борьбы.

Картель. Они пришли.

Я вскочил на ноги. Пошатнулся — голова всё ещё кружилась, — но удержался. Наклонился и подобрал с пола охотничий нож — отцовский подарок, с гравировкой «В» на лезвии, — прежде чем в дверях спальни появился Мирон. Лицо старого Беты было белым как полотно.

Он посмотрел на тела. На меня. И я увидел, как его глаза — старческие, мутноватые, вечно прищуренные — наполнились слезами.

— Мальчик мой — выдохнул он. — Они убили Альфу они убили Луну

— Не они, — услышал я свой голос. Чужой. Мёртвый. — «Эклипс». Им отравили отца.

Мирон замер. Что-то промелькнуло в его лице — понимание, ужас, ярость. Он понял. Егор. Пропавший Егор, которого никто не видел со вчерашнего дня. Предатель.

— Беги, — бросил Мирон, хватая меня за плечо. — Беги, Дарий. Ты — последняя кровь «Волчьего Клыка». Если тебя убьют — всё. Конец. Не будет ни стаи, ни памяти, ни дома. Беги. Вернись, когда станешь сильным. Верни нам Дом.

— Но

— НИКАКИХ «НО»! — рявкнул он так, что я вздрогнул. — Ты — наследник Ратмира! Ты — наша надежда! Я выведу тебя через задний ход. Уходи в лес. К ручью. А дальше — сам. Ты знаешь тропы лучше любого из них. Ты выживешь.

Он тащил меня через заднюю дверь, пока я оглядывался. Наш дом — тот самый, где я вырос, где мать пекла хлеб по четвергам, — горел. Пламя лизало крышу, и дым поднимался в рассветное небо чёрным столбом. Вонь горелого дерева забивала ноздри, а сквозь неё пробивался ещё один запах — сладковатый, тошнотворный. Запах горячей плоти. Я не знал, чьей именно. И не хотел знать.

Вокруг метались тени. Волки в человеческой форме и в звериной. Крики. Рычание. Выстрелы. Кровь на слежавшемся, сером снегу, который ещё не растаял в тени домов.

Люди Картеля убивали всех, кто был верен отцу. Методично. Хладнокровно. Как скот на бойне.

Мирон толкнул меня к кустам у задней ограды.

— Беги, Дарий. И не оглядывайся. Никогда не оглядывайся.

— Я вернусь, — услышал я свой голос. — Я убью их всех. Клянусь.

Старый Бета посмотрел на меня — долгим, странным взглядом, в котором была и гордость, и боль, и что-то похожее на прощание.

— Знаю, мальчик. А теперь — беги.

И я побежал.

* * *

Лес принял меня как своего.

Я знал здесь каждое дерево, каждый камень, каждый ручей. Мы с отцом исходили эти тропы вдоль и поперёк. Но сейчас лес был чужим. Враждебным. Он отражал то, что случилось. Серое небо над головой. Голые ветки, царапающие лицо. Запах дыма, который ветер нёс от горящего поселения.

Я бежал.

Ноги стучали по мёрзлой земле. В лёгких жгло от холодного воздуха. Перед глазами стояло лицо матери — её угасающий голубой взгляд, её тонкие пальцы, царапающие воздух. И лицо отца — его слёзы, его «прости», его последний выдох.

Я всё ещё сжимал в руке нож. Подарок отца. «В» на лезвии — Волков.

За спиной — вой. Крики. Выстрелы. Они становились тише, пока совсем не стихли. Я ушёл. Они меня не заметили.

Я упал у ручья — того самого, где мы с отцом пили воду после долгой охоты. Холодная вода обожгла ладони. Я наклонился к ней, чтобы напиться, и замер.

Отражение. Мальчишка. Двенадцать лет. С разбитым затылком, в рубашке, пропитанной кровью. Не своей. Их. Отца и матери. Голубые глаза — наши, волковские — смотрели на меня из воды, и в них стоял ледяной ужас.

Я не узнал себя.

— Я вернусь, — сказал я отражению. — Я убью их всех. Всех, кто это сделал. Клянусь кровью отца. Клянусь кровью Волковых.

Слова прозвучали глухо, унеслись с ветром. Но я их запомнил. Врезал в память, как вырезают инициалы на коре сосны — на всю жизнь.

Я встал. Ноги дрожали. Голова кружилась. Внутри было пусто и холодно, как в могиле. Но я встал.

И ушёл в лес. Один. В неизвестность.

За моей спиной горел «Волчий Клык». Дом, в котором я вырос. Родители, которых я любил. Всё, что было моим миром, превратилось в пепел и кровь.

Но я остался. Последняя кровь. Наследник. И я поклялся вернуться...

Глава.3

ПОИСК ВЕДУНЬИ

Три месяца.

Три месяца я шёл на север, сам не зная почему. Может, потому что юг пах дымом и кровью, а север — ничем. Может, потому что холод замедлял боль, и я чувствовал это кожей, костями, каждой клеткой своего израненного тела. Север не звал меня — он просто был. Пустой. Чистый. Без прошлого.

Мне было тринадцать.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: любой нормальный ребёнок после того, что случилось, сломался бы. Лёг бы у того ручья и больше не встал. Или пошёл бы в город, сдался бы в приют, позволил бы жизни перемолоть себя в фарш и забыть всё, что было.

Но я не был нормальным. Во мне текла кровь Волковых. Кровь Альф, которые вели стаю сквозь века — через войны, мор, предательства. И эта кровь не позволяла мне лечь. Она жгла изнутри, гнала вперёд, даже когда я не понимал — куда и зачем.

Я выживал. Отец научил меня охоте, и теперь эти уроки стоили мне жизни в самом прямом смысле. Я ставил силки на зайцев — первые пять раз пустые, пока не понял, как читать звериные тропы по-настоящему. Я ловил рыбу голыми руками в ледяных ручьях — быстрых, горных, где форель увёртывалась от пальцев, но голод делал меня терпеливее. Я знал, какие коренья можно есть сырыми, а какие надо вымачивать в воде, чтобы не скрутило живот. Я знал, где растёт дикий щавель и как отличить съедобные ягоды от волчьих — тех, что пахнут миндалём и убивают за час.

Я похудел так, что рёбра торчали, как клавиши. Но я не сдох. Волчья кровь держала.

Днём я шёл. Ночью падал без сил, зарывшись в прошлогоднюю листву или под еловый выворотень. Спал чутко, вполглаза — просыпался от каждого шороха, сжимая в руке отцовский нож. Разговаривал я только с теньями. Люди в редких деревнях, через которые я проходил, шарахались от меня. Ещё бы: тощий, грязный волчонок с голодными глазами и запёкшейся кровью под ногтями. Я и сам себя не узнавал.

Но самое страшное происходило, когда я закрывал глаза.

Сны.

Каждую ночь — одно и то же. Отец в волчьей форме, с багровыми глазами. Мать на полу, с запрокинутой головой и угасающим голубым взглядом. И я — бегущий к ней, но никогда не добегающий. Стена. Удар. Темнота.

Я просыпался в холодном поту, с криком, застрявшим в горле. Сердце колотилось так, что рёбра трещали. И волк — юный, неопытный, но уже пробуждённый — рвался наружу. Он чувствовал мою боль. Он хотел ответить на неё единственным способом, который знал: обернуться, разорвать, убить.

В такие моменты я ненавидел его. Ненавидел зверя внутри, который мог проснуться и сделать со мной то же, что «Эклипс» сделал с отцом. Я боялся, что однажды утром очнусь в луже чужой крови и не вспомню, чьей. Поэтому я держал его. Сжимал внутри, как сжимают кулак на горле врага. Но с каждым днём это давалось всё тяжелее.

Если я обернусь — я погибну. Я знал это. Неопытный волк, без стаи, без наставника — он либо сойдёт с ума, либо его убьют охотники. А значит — я не верну «Волчий Клык». Не отомщу. Не восстановлю Дом.

Я должен был что-то сделать. Но не знал — что.

Ответ пришёл на исходе третьего месяца.

Я набрёл на него случайно. Старый волк — даже не волк, высохший, как зимняя трава, закутанный в облезлую волчью шкуру, — сидел у костра на опушке леса. Глаза у него были мутные, как у дохлой рыбы. Но когда он посмотрел на меня, я почувствовал: он видит. Видит всё. И шрам, которого ещё нет. И путь, который я ещё не прошёл.

— «Волчий Клык», — прошамкал он беззубым ртом. — Я чую пепел на тебе, щенок.

Я остановился. Напрягся. Нож сам собой лёг в ладонь.

— Откуда знаешь?

— Я много чего знаю. Меня Ефимом звать. Садись. Не бойся, не обижу.

Я не сел. Он хмыкнул, полез в заплечный мешок и достал краюху чёрного хлеба — тяжёлую, плотную, от которой пахло так, что у меня свело желудок. Протянул мне.

— Ешь. Ты ж на одной траве три месяца, я чую.

Я колебался секунду. Потом взял. Хлеб был чёрствым и горчил золой, но я вгрызся в него, как зверь. Ефим смотрел на меня и молчал. Потом кивнул каким-то своим мыслям.

— Гордый. Это хорошо. Гордость — последнее, что остаётся у волка, когда у него отняли всё.

— Мне нужна помощь, — сказал я, дожёвывая. Голос прозвучал хрипло — я почти научился говорить за эти месяцы. — Я не могу контролировать зверя. Если он вырвется — я мёртв.

Старик долго молчал. Потом ткнул пальцем куда-то на север, в сторону глухой тайги.

— Северная Ведунья. Живёт в самой чашобе, у Чёрной заводи. Старая, как само время. Она умеет то, что тебе нужно. Но иди быстро. Она не любит ждать. И не любит слабых.

— Я не слабый, — сказал я.

— Знаю, — прошамкал он, и в его мутных глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. — Поэтому и говорю. Иди.

Я пошёл той же ночью. Краюха хлеба, которую Ефим сунул мне в дорогу, лежала за пазухой.

* * *

Северная Ведунья жила в глуши, куда не вели ни дороги, ни тропы. Тайга сгущалась с каждым днём — сосны и ели поднимались всё выше, закрывая небо. Я продирался через бурелом, тонул в болотной жиже, мёрз под ледяным дождём. Гроза настигла меня на пятый день пути — чёрное небо раскололось молниями, и лес загудел от ливня. Вода хлестала по лицу, ветер рвал волосы. Но я шёл. Потому что идти больше было некуда.

Избушка появилась из темноты, как морок. Старая, покосившаяся, сложенная из почерневших брёвен. Крыша поросла мхом. Из единственного окна сочился жёлтый свет — неровный, дрожащий, словно от свечи. Я толкнул дверь и вошёл, капая водой на деревянный пол.

Она сидела у очага.

Старая — не просто старая, а древняя, как камни, что лежат в земле тысячу лет. Лицо изрезано морщинами, спина сгорблена. Но глаза — жёлтые, пронзительные, как у ястреба — смотрели на меня с такой силой, что я замер на пороге, не в силах сделать шаг.

— Зачем пришёл, щенок?

Голос был низкий, с хрипотцой, и от него почему-то зазвенело в ушах.

Я сглотнул. В горле пересохло. Капли дождя стекали с волос на лицо. Сжав кулаки, я заставил себя посмотреть ей прямо в глаза.

— Запри моего волка. Я не могу его контролировать. Если обернусь сейчас — погибну. И стаю не верну.

Она смотрела. Долго. Молча. Потом чуть склонила голову набок — движение было птичьим, резким, неестественным — и её губы тронула тень. Не улыбка. Скорее, признание.

— Ты младше всех, кто ко мне приходил. И говоришь, как Альфа.

— Я и есть Альфа, — ответил я. — Последний.

— Знаю, — она кивнула. — Я чую кровь Ратмира. И пепел «Волчьего Клыка». Садись. Рассказывай.

Я рассказал. Всё. От первого дня, когда приехали чёрные машины, до последней ночи, когда отец перегрыз себе вены. Она слушала. Не перебивала. Только жёлтые глаза горели всё ярче, а когда я закончил, она поднялась — медленно, с усилием, опираясь на клюку, — и бросила:

— Вставай. Помогу.

Глава.4

РИТУАЛ «ЖЕЛЕЗНОЙ ВОЛИ»

Она вела меня не в дом. Вниз.

За избушкой, скрытый зарослями крапивы и дикого шиповника, был вход в подземелье. Старая каменная дверь, вросшая в землю. Руны на ней — не те, что рисуют в книгах, а настоящие, вырезанные в камне так глубоко, что ветер застревал в бороздах и выл, как живой.

Ведунья коснулась двери ладонью, что-то прошептала — и камень дрогнул, отъехал в сторону, открывая чёрный провал. Изнутри пахло холодом, сыростью и чем-то древним. Чем-то, что было здесь задолго до нас.

— Иди. Не бойся.

Я не боялся. Мне было всё равно. Страх умер в ту ночь, когда умерли родители. Осталась только решимость.

Мы спустились по выбитым в камне ступеням. Факелы на стенах вспыхивали сами собой, когда она проходила мимо, — жёлтое пламя плясало на сквозняке, отбрасывая на стены дрожащие тени. Воздух стал гуще, тяжелее. Пахло озоном. Так пахнет воздух перед грозой.

Подземный зал открылся перед нами — круглый, неожиданно огромный. В центре стоял алтарь. Чёрный камень, отполированный не руками — временем. На его поверхности пульсировали руны. Тысячи рун, которых я не знал, но смысл которых ощущал кожей. Сила. Запрет. Граница. Жертва. Возрождение.

Ведунья подошла к алтарю. Положила ладонь на одну из рун — и камень дрогнул. Прямо из алтаря, из глубины чёрного монолита, поднялась небольшая ниша. В ней, на подложке из серого бархата, покоился камень.

«Око Бури».

Он был похож на застывшую молнию. Неровный, с острыми гранями, внутри переливался серым и серебряным — словно грозовое облако сжали до размера кулака и заковали в кристалл. От него веяло силой. Мощью. Чем-то, что было старше мира.

Где-то наверху громыкнуло. Стены дрогнули.

— Гроза пришла, — прошептала Ведунья. — Хороший знак. Буря даст силу ритуалу. Ложись.

Я лёг на алтарь. Холод камня обжёг спину сквозь мокрую одежду. Ведунья склонилась надо мной, и в свете факелов её лицо казалось не лицом — маской, вырезанной из дерева.

— Это будет твой якорь, — сказала она. Голос её теперь звучал иначе — глубже, многоголосо, будто говорила не она одна, а целый хор. — Я вырежу на твоей груди руну Ингуз. Руну завершения и перехода. Руну семени, что спит в земле и ждёт своего часа. Она запрет твоего волка. Скуёт его цепями. Он останется жив, но не сможет выйти, пока якорь на месте.

Она помолчала. Жёлтые глаза впились в меня, и голос стал жёстче.

— Слушай внимательно, щенок. Это важно. Пока носишь амулет — твой волк спит. Ты будешь сильным человеком, но не более. Запах Альфы будет скрыт. Никто не узнает, кто ты. Снимешь амулет — цепи треснут. К тебе вернётся часть звериной силы: скорость, нюх, чутьё, когти. Ты станешь больше, чем человек. Но полного оборота не будет.

— Почему? — спросил я. Голос дрогнул.

— Потому что полная сила даётся только через связь. Только Истинная Пара разрушит цепи до конца. Только с ней ты станешь целым. Только тогда твой волк выйдет на свободу.

Я запомнил каждое слово. Они врезались в память, как будущий шрам — в грудь. Истинная Пара. Где-то на краю сознания мелькнула мысль: а что, если я никогда её не встречу? Но я отогнал её. Сейчас было не до этого.

— Я готов.

— Нет, — сказала она. — Не готов. Но другого пути у тебя нет.

Она достала нож. Не железный — обсидиановый, чёрный, с краями острее бритвы. В свете факелов лезвие блеснуло, и я увидел на нём капли — то ли воду, то ли чью-то старую кровь.

— Будет больно, — сказала она. — Кричи, если хочешь. Здесь никто не услышит.

Я стиснул зубы. Вцепился пальцами в край алтаря так, что побелели костяшки.

Она начала резать.

Остриё вошло в кожу над сердцем. Боль была не острой — она была всепоглощающей. Не просто резь — разрыв. Словно она не резала плоть, а раздвигала саму ткань мира, чтобы впустить в меня что-то иное. Я чувствовал, как тёплая кровь течёт по рёбрам, как лезвие чертит руны — угловатую, древнюю, мощную. Ингуз. Семя, что спит в земле. Сила, скованная цепями.

Я не кричал. Пока.

А потом она взяла «Око Бури» — и вправила его в открытую рану.

Вот тогда я закричал.

Гром наверху взревел вместе со мной. Молния ударила где-то над тайгой, и подземелье содрогнулось. Камень вошёл в плоть, как живой — я чувствовал, как его грани цепляются за мышцы, как кристалл пускает корни в грудную кость, как холод и жар одновременно разливаются от сердца к кончикам пальцев. Мой волк внутри взвыл — яростно, отчаянно, — а потом осёкся. Замолчал.

Цепи сомкнулись.

Меня выгнуло дугой на алтаре. Перед глазами мелькали образы — не мои, чужие. Древние леса, битвы на клыках, горящие поселения, луна, луна, луна, залитая кровью. А потом — тишина и темнота. Волк затих. Не умер — затих, как затихает зверь в клетке, поняв, что прутья крепки.

Сколько прошло времени — не знаю. Когда я открыл глаза, Ведунья стояла рядом с каменной чашей в руках. Она набрала в неё тёмную жидкость — пахло травами, золой и ещё чем-то, горьким, как полынь, — и вылила на рану.

Зашипело. Задымилось. Рана стала затягиваться — не как у людей, медленно, неделями. Быстро. На глазах. Кожа стягивалась, сплавлялась с камнем, и на моей груди оставался шрам. Выпуклый. Уродливый. В форме руны Ингуз.

* * *

Я сел на алтаре. Голова кружилась, но тело было странным. Лёгким. Словно я сбросил рюкзак, который нёс с самого рождения. Волк молчал. Впервые за три месяца — тишина внутри.

— Готово, — бросила Ведунья. Она выглядела уставшей. Даже жёлтые глаза потускнели. — Теперь амулет.

Она взяла оставшуюся часть «Ока Бури» — ту, что не вошла в рану. Ловкие пальцы старухи оплели камень серебряной проволокой, превращая его в подвеску. Потом продела цепочку и протянула мне.

— Носи. Не с-ни-май, — отдельно, по слогам, произнесла она. — Пока амулет на тебе, никто не учует в тебе Альфу. Для чужих волков ты будешь просто человеком. Снимешь — и они узнают, кто ты. И тогда — берегись.

Я взял амулет. Камень был тёплым — или это моя кровь ещё не остыла на нём? Серебряная оправка тускло блестела в свете факелов. Я надел цепочку на шею. Камень лёг точно над шрамом — якорь над якорем.

И почувствовал, как что-то встало на место. Волк затих окончательно. Даже не затих — уснул. Свернулся где-то в глубине, укрытый цепями, спрятанный за руной Ингуз. Семя, что ждёт своего часа. Он был там. Живой. Но больше не опасный.

— Спасибо, — сказал я. Голос прозвучал глухо, но твёрдо. — Я не забуду.

Ведунья посмотрела на меня долгим взглядом.

— Иди. И не возвращайся, пока не будешь готов. А когда будешь — не возвращайся ко мне. Возвращайся к своим.

Я встал с алтаря. Ноги держали. Голова больше не кружилась. Я чувствовал себя целым — впервые за три месяца.

Гроза наверху утихла. Когда я вышел из подземелья, тайга была мокрой и звенящей. От земли поднимался пар. Небо на востоке начинало светлеть. Пахло озоном, мокрой хвоей и новой жизнью.

Я коснулся амулета. Холодный. Тяжёлый. Мой.

Где-то глубоко внутри, за цепями, за руной, за камнем, тихо спал волк. Он будет ждать. Пятнадцать лет он будет ждать, пока я сниму амулет в разгромленной квартире под ножом Сайлуса. Потом ещё немного — пока я встречу женщину с янтарным запахом и янтарными глазами, которая разрушит последние оковы.

Но тогда я этого не знал.

Я просто шёл на восток, к рассвету, сжимая в кулаке амулет. Последний Альфа «Волчьего Клыка». Пленник собственной силы. Волк, ждущий своего часа.

Глава.5

ЧИСТИЛЬЩИК

Пятнадцать лет.

Пятнадцать лет я просыпался с одним и тем же именем на губах — «Волчий Клык». Пятнадцать лет я засыпал с одним и тем же изображением под веками — горящий дом, кровь на стенах, отец с перегрызенными венами, мать с угасающим голубым взглядом.

За пятнадцать лет я ни разу не снял амулет.

Он висел на шее — холодный, тяжёлый, — и его серебряная оправка натёрлась до блеска от постоянного контакта с кожей. Я не расставался с ним ни в душе, ни в рукопашной, ни в постели с женщинами, которых не помнил поутру. Он стал частью меня. Иногда, в короткие часы бессонницы, я трогал его пальцами и думал: а что будет, если снять? Что останется от меня, когда цепи падут? Ответа не было. Только тишина внутри — глубокая, как колодец, в который бросили камень и не услышали всплеска. И волк внутри спал — так глубоко, что иногда мне казалось: его и не было вовсе.

Но шрам на груди напоминал. Каждый раз, когда я смотрел в зеркало, руна Ингуз смотрела на меня в ответ — выпуклая, уродливая, перечёркивающая сердце. Ты не просто человек. Ты — запечатанный зверь. И однажды ты либо освободишь его, либо умрёшь.

Мне было двадцать восемь. Из угловатого тринадцатилетнего волчонка, прошедшего через ад и ритуал, вырос мужчина. Высокий рост и разворот плеч достались от отца — такие вещи не выбирают, их носят как наследство. Низкие брови добавляли взгляду тяжести, с которой я ничего не мог поделаться: люди читали в нём угрозу даже тогда, когда я просто смотрел в стену. Тело, выкованное годами боёв — не красота, а инструмент, которым я пользовался, как пользовался ножом. Под футболкой — шрам, которого никто не видел. На шее — амулет, о котором никто не догадывался. Я был тем, кем стал: человеком без стаи, без имени, без прошлого.

Люди «Корпуса С» заметили меня на подпольных боях.

Я дрался тогда в клетке — буквально. Грязный ринг в промзоне, ставки, кровь на бетоне. По ночам там собирались те, кому нечего было терять, и те, кому нравилось смотреть, как теряют другие. Воздух пах потом, дешёвым табаком и ржавчиной. Я делал это не ради денег. Мне нужно было выживать — еда, крыша над головой, новые документы. Но главное — я тренировал тело, которое после ритуала стало сильнее человеческого. Не на порядок — я не был оборотнем в полную силу. Волк спал, но его дыхание — слабое, едва уловимое — всё ещё грело мою кровь. Я был быстрее, выносливее, резче любого человека. Но вполнину слабее того, кем мог бы стать, если бы снял амулет. Я знал это. Знал каждую минуту каждого боя, когда противник падал, а я думал: этого мало. Ты мог бы разорвать его за секунду. Но не разорвал. Потому что нельзя. Потому что нельзя, чтобы узнали. И это знание жгло изнутри.

Вербовщик подошёл ко мне после боя. Сухощавый, в дорогом пальто, с военной выправкой. Он не назвал своего имени. Просто протянул визитку — чёрную, без единой буквы, без герба, без намёка на ведомство. Только номер телефона. Тишина в кармане.

— «Корпус С», — сказал он. — Секретное подразделение при Министерстве внутренней безопасности. Мы не существуем официально. Но у нас есть полномочия, оружие, финансирование. Нам нужны такие, как ты.

— Какие — «как я»? — спросил я, вытирая кровь с разбитых костяшек.

— Те, кому нечего терять. Кто умеет драться. Кто не задаёт лишних вопросов. Платим хорошо. Работаешь по контракту. Не военный — контрактник. Никакой присяги. Никаких званий. Только задания и оплата.

Я посмотрел на визитку. Потом — на него. Он не отводил глаз — такие, как он, никогда не отводят глаз первыми.

— Мне нужен доступ к базам данных. Информация о преступных группировках. О Картеле Наследия.

Он моргнул. Впервые за разговор на его лице промелькнуло что-то похожее на интерес.

— Картель? Сложная цель. Но у нас есть данные. Много данных. Будешь работать — получишь доступ.

— Тогда по рукам.

Так я стал «Чистильщиком».

Первый контракт был простым. Захват нарколаборатории в промзоне на окраине города. Обычная «химия» — синтетика, которую гнали в промышленных масштабах и сбывали через сеть дилеров по всей области. Никакой магии. Никаких оборотней. Просто люди, просто наркотики, просто грязные деньги.

Но для меня это был тест. И я прошёл его.

Мы заходили на рассвете. Четверо бойцов «Корпуса» плюс я. Группа захвата действовала слаженно, как часы: двое через главный вход, двое через окна второго этажа. Я шёл первым. Всегда первым — не потому что храбрый, а потому что знал: мои шансы выжить выше, чем у любого из них.

Дверь вылетела с одного удара. Внутри — крики, выстрелы, запах аммиака и страха. Охранник справа вскинул автомат, но я был уже рядом. Удар в горло — он захрипел и осел. Второй выстрелил, но пуля ушла в потолок — я ушёл с линии огня за долю секунды до выстрела. Человеческий предел скорости, помноженный на полтора десятилетия тренировок и тлеющий в подвале сознания звериный уголёк.

Короткий бой. Дым. Тишина.

— Чисто, — бросил я в рацию.

Командир группы, седой мужик с позывным «Кремень», посмотрел на меня с уважением, граничащим с опаской.

— Ты двигаешься странно, Волков. Слишком точно.

— Тренировки, — ответил я. — Хорошие тренеры.

Он не поверил. Но и не стал допытываться. В «Корпусе С» не принято задавать лишние вопросы. У каждого за спиной — скелеты. У кого-то — буквально.

После первого контракта были второй, третий, пятый, десятый. Я брал всё, что подворачивалось, но с одним условием: в деле должен быть след Картеля. Пусть даже косвенный. Пусть даже призрачный. Я просеивал тонны информации, читал отчёты, допрашивал задержанных. Запоминал имена, явки, номера счетов. Складывал фрагменты в голове, как мозаику, у которой пока не было краёв. И постепенно, шаг за шагом, выстраивал картину.

Картель не был обычной преступной группировкой. Это была сеть, раскинувшаяся по всей стране и за её пределы. Оборотни. Люди. Политики. Бизнесмены. Все они были опутаны щупальцами чёрного солнца с пронзающим его копьём. Они торговали оружием, наркотиками, влиянием. Но главное — они торговали «Эклипсом». Тем самым, что убил моего отца. Тем самым, что превратил любящего мужа в зверя, который рвёт горло собственной жене.

И чем глубже я копал, тем яснее понимал: недооценивать их нельзя. Это не просто банда. Это империя. И чтобы её разрушить, мне понадобятся не только клыки. Мне понадобится армия.

Но пока я был один.

* * *

За десять лет в «Корпусе С» я стал легендой.

Прозвище «Чистильщик» прилипло ко мне после третьего контракта. Не помню, кто произнёс его первым — кажется, один из аналитиков, разбиравших отчёты. Сказал что-то вроде: «Этот Волков не просто выполняет задание. Он зачищает территорию. Полностью. Как будто метлой проходит». Слово прижилось. Через год его знали все — от штабных крыс до полевых агентов.

Меня боялись. И это было правильно.

Я брал только те контракты, где был хоть малейший след Картеля. Это стало моей одержимостью. Я охотился за ними по всей стране — от портовых складов на юге до подпольных лабораторий на востоке. Я вырезал их сети одну за другой, но всякий раз, когда мне казалось, что я подобрался к центру, центр ускользал. Словно кто-то внутри системы предупреждал их за час до моего прихода.

Одиночка. Я всегда работал один. Групповые задания брал только когда этого требовал протокол. В перерывах между контрактами не заводил друзей, не ходил в бары, не тратил деньги на развлечения. Моя жизнь состояла из тренировок, изучения досье и ожидания следующего звонка.

Женщины? Были. Иногда. Тело требовало разрядки, и я давал ему её — без эмоций, без имён. Я не мог позволить себе привязанность. Не мог позволить никому подойти слишком близко. Во-первых, потому что моя жизнь в любой момент могла оборваться. Во-вторых, потому что где-то в глубине, за цепями, спал волк, и я не знал, что он сделает с той, кто окажется рядом в неподходящий момент.

Квартира у меня была — съёмная, пустая, как операционная. Минимум мебели. Никаких фотографий. Никаких личных вещей, кроме ножа с гравировкой «В», который я всегда носил на поясе. Я не обрастал вещами. Вещи привязывают к месту. А я должен быть готов сорваться в любой момент.

Амулет по-прежнему висел на шее. Никто не знал, что под футболкой у меня — руна, вырезанная в плоти. Никто не знал, что я — оборотень. Для них я был просто человеком, который не устаёт, не промахивается и не проигрывает. Сильным. Опасным. Но человеком.

И это меня устраивало.

Глава.6

СЛЕД «ЭКЛИПСА»

Переломный момент наступил на десятый год службы.

Контракт был рутинным. Аналитики «Корпуса» засекали подозрительную активность на заброшенном заводе в промзоне. По данным — перевалочный пункт. Ничего особенного: оружие, наркота, может, нелегалы. Группа захвата из шести человек. Я — ведущий.

Мы выдвинулись ночью. Дождь хлестал по крышам ангаров, заливал заброшенные цеха, превращал землю в месиво. Я помню запах — ржавчина, машинное масло, мокрая земля. И что-то ещё. Что-то, что заставило волка внутри шевельнуться впервые за пятнадцать лет. Слабое, едва уловимое движение — как будто зверь во сне перевернулся на другой бок и снова затих. Но я его почувствовал. И спина покрылась мурашками, хотя ночь была тёплой.

Я не придал этому значения. И зря.

Мы ворвались внутрь. Охрана — восемь человек, все люди. С ними справились быстро. Кремень доложил о зачистке, я уже собирался давать отбой, когда заметил лестницу вниз. Старую, бетонную, уходящую в темноту. Оттуда тянуло холодом — и тем самым запахом, от которого волк внутри снова пошевелился. Настойчивее. Тревожнее. Но то, что мы нашли дальше, за стальной дверью в подвальном уровне, заставило меня замереть.

Это был не перевалочный пункт.

Это был «инкубатор».

Огромное помещение, бывший заводской цех, переоборудованный под лабораторию. Ряды клеток. В клетках — женщины. Молодые, старые, светловолосые, тёмные. Но у всех — волчьи глаза. Оборотни. Волчицы. Они лежали на грязных матрасах, подключённые к капельницам и каким-то аппаратам, которые мерно гудели и мигали лампочками. С потолка свисали провода. На стенах — герб: чёрное солнце, пронзённое копьём. Под гербом — таблички с номерами, датами, пометками. Система. У них была система.

«Программа Генезис».

Я знал это название. Оно мелькало в досье, которые я собирал годами. Экспериментальная программа Картеля по выведению «идеальных» оборотней. Генетические модификации. Скрещивание. Изучение связи Истинных Пар. Они пытались создать управляемого зверя — такого, который подчинялся бы приказам, а не инстинктам.

И сырьём для этих экспериментов были живые волчицы.

Я стоял и смотрел. И внутри меня — там, где пятнадцать лет была тишина, — что-то зашевелилось. Не ярость. Не звериная злоба. Хуже. Тот самый страх, который я испытал в тринадцать лет, вбежав в спальню родителей. Беспомощность. Ужас. Понимание, что ты опоздал. Что где-то есть ещё такие же лаборатории, и в них прямо сейчас умирают такие же женщины, и ты ничего не можешь с этим сделать.

— Волков? — голос Кремня в рации. — Что там у тебя?

Я не ответил. Я шёл вдоль клеток. Женщины смотрели на меня. Кто-то — с надеждой. Кто-то — с пустотой, которая была страшнее смерти. Одна попыталась поднять руку, но не смогла — пальцы только дрогнули и упали обратно на матрас. От неё пахло застарелой болезнью и «Эклипсом».

В последней клетке лежала девушка. Совсем юная. Светлые волосы разметались по подушке. Кожа серая. Глаза — голубые, как у матери, — смотрели в потолок. Но когда я остановился рядом, она повернула голову. Медленно, с усилием.

— Ты — прошептала она. — Ты Альфа? Я чувю

— Нет, — сказал я. — Я человек.

— Не лги. — Она чуть улыбнулась, и на губах запузырилась кровь. — Я умираю. Я знаю. Но ты ты Альфа. У тебя шрам. Я чую «Око Бури».

Я замер. Опустился на корточки, вцепившись пальцами в прутья клетки. Холодный металл впился в ладони.

— Кто с тобой это сделал? Кто?

— Сайлус — её голос угасал. — Ловчий он ищет Наследие на Севере он найдёт их всех

— Кого? Кого найдёт?

— Всех у кого есть кровь Истинная кровь

Она замолчала. Её голубые глаза застыли. Я видел, как свет уходит из них, — точно так же, как пятнадцать лет назад из глаз матери. Та же голубизна. Та же пустота. Та же тишина, которая наступает, когда сердце делает последний удар и замирает.

Я закрыл ей веки. Медленно. Осторожно, как закрывал бы сестре. Кожа под пальцами была уже прохладной.

— Я найду его, — сказал я. Тихо. Но сталь в голосе была такой, что Кремень, подошедший сзади, остановился и не решился ничего спросить. — Я найду его, Сайлуса. Обещаю.

Я встал. Развернулся. И пошёл к выходу. Каждый шаг отдавался в груди глухим эхом — как будто волк бил лапой в стену своей клетки.

В ту ночь я впервые за пятнадцать лет почувствовал, как волк внутри меня поднял голову и тихо, утробно зарычал. Он тоже хотел крови.

* * *

Мы зачистили объект. Освободили выживших — тех, кого ещё можно было спасти. Их было мало. Слишком мало. Задержали шестерых сотрудников лаборатории. Обычные люди, учёные, лаборанты. Все они работали на Картель. Все знали, что делают. Никто не раскаялся. Один из них, пожилой, в очках с толстыми линзами, сказал мне, пока его уводили: «Вы не понимаете. Мы спасаем вид. Без нас оборотни вымрут через три поколения». Я ничего не ответил. Просто посмотрел на него так, что он осёкся и больше не произнёс ни слова.

Но один из задержанных привлёк моё внимание.

Он стоял в стороне, прикованный наручниками к трубе. Тощий, ссутуленный, с длинными сальными волосами. Он не был учёным. Не был охранником. Он был «Слепцом» — ищейкой Картеля. Таких, как он, отбирали в детстве и выжигали глаза, чтобы обострить нюх до нечеловеческого предела. Говорили, они чуют кровь Альфы за километр. Говорили, они никогда не ошибаются. Теперь я стоял перед одним из них и понимал: слухи не врал.

У него были белые глаза. Полностью белые, без зрачков, без радужки. Как варёные яйца. Как у мертвеца. Но он не был слепым в обычном смысле. Он смотрел — прямо на меня. И скалился. Зубы у него были жёлтые, кривые, волчьи.

— «Волчий Клык», — прошамкал он, и от этого голоса у меня по спине пробежал холодок. Не страх — узнавание. Так узнают старого врага, которого не видели много лет, но помнят каждую чётточку лица.

Я остановился. Медленно повернулся. Вокруг суетились бойцы, выводили задержанных, грузили оборудование. Никто не обратил внимания на нас двоих.

— Что ты сказал?

— «Волчий Клык», — повторил он громче. — Кровь Альфы я чую твой шрам, щенок. Руна Ингуз. «Око Бури». Ты думал, никто не узнает? Думал, амулет тебя спрячет?

Я подошёл ближе. Наклонился к нему. Мои низкие брови сошлись на переносице, делая лицо грозным, как грозовая туча. Любой другой на его месте отшатнулся бы. Но он только скалился шире.

— Сайлус будет счастлив, — прошипел он. — Он думал, что вы все мертвы. А тут — живой наследник. Последний Волков.

Я схватил его за горло. Пальцы сжались. Я не душил — просто держал. Но так, что он захрипел.

— Где Сайлус? Говори.

— Не скажу — просипел он. — Но он сам тебя найдёт. Теперь — найдёт. Ты раскрыт, Альфа.

Я разжал пальцы. Не потому что хотел. Потому что бить задержанного на глазах у группы — значит потерять место в «Корпусе». А мне ещё нужен был доступ. Но пальцы чесались от желания сжать сильнее.

Слепец закашлялся и снова заскакался.

— Беги, Волков. Беги, пока можешь. Но Сайлус не отпускает добычу.

Я вышел из ангара. Дождь всё ещё лил. Вода стекала по лицу, за воротник, холодная и отрезвляющая. Небо на востоке ещё не посветлело — ночь не хотела уходить, как будто знала, что такие дела лучше вершить в темноте. Я стоял и смотрел в темноту, а внутри крутилась одна мысль.

Они знают. Картель знает, что наследник жив. Время вышло.

Пятнадцать лет я был охотником. Теперь дичь — я сам.

Я коснулся амулета. Камень был холодным. Таким же холодным, как пятнадцать лет назад, когда Ведунья вложила его мне в ладонь — только что вынутый из тайника в алтаре, ещё не согретый кровью. Он больше не защищал меня. Меня вычислили.

— Ну и пусть, — сказал я дождю. — Пусть приходят.

И пошёл к машине. Пора было готовиться. Война, которую я ждал полжизни, начиналась. И я встречу её лицом к лицу.

Глава.7

СРЫВ АМУЛЕТА

Я знал, что они придут.

Знал с того самого момента, как Слепец оскалился мне в лицо на заброшенном заводе и произнёс имя моей стаи. С того момента прошло чуть больше суток. Я не спал. Не потому что боялся. Потому что ждал. Я хотел этой встречи. Хотел увидеть того, кто носит имя Сайлуса, — и задать ему вопрос, который зрел во мне все эти годы.

Кто ответит за смерть моих родителей? Кто заплатит за пепел «Волчьего Клыка»?

Я не готовился к бегству. Не собирал сумок. Не укреплял дверей. Если они придут — я встречу их. Если их будет много — тем лучше. Я — Альфа. Пусть даже с запечатанным волком. Я не прячусь.

Они пришли глубокой ночью.

Я сидел в темноте, на единственном стуле посреди пустой гостиной. Свет не зажигал. В окно падал холодный свет уличного фонаря. Тишина. Покой. А потом — звук.

Не выстрел. Не взрыв. Глухой удар, от которого дрогнула входная дверь. Второй удар — и стальная дверь, способная выдержать лом, слетела с петель. Не сломалась — её вышибли. Целиком. С коробкой. Так, как может вышибить дверь только тот, кто сильнее человека.

Они вошли.

Люди Сайлуса. Обратни — я чувал их сразу, по запаху зверя, по тому, как двигались их тела: слишком плавно, слишком хищно. Одетые в чёрное, без масок, без брони. Им не нужна была броня. Они сами были оружием. Четверо. Пятеро. Шестеро. Они вливались в проём, заполняя пространство, отрезая меня от окна.

Я встал. Не спеша. Спокойно. Сжал кулаки.

— Дарий Волков, — произнёс один из них. — Наследник «Волчьего Клыка». Ты пойдёшь с нами.

— Нет, — сказал я. — Вы пришли в мой дом. Уйдёте отсюда вы.

И ударил первым.

Бой в тесной гостиной — это не танец. Это мясорубка. Я дрался без оружия. Они — тоже. Обратни против обратня, пусть и с запечатанным зверем. Мои кулаки ломали кости, мои локти крушили челюсти. Я двигался быстрее, чем они ожидали, — даже без волчьей силы моё тело было выковано годами тренировок и боёв. Я не уступал.

Но их было слишком много.

Первого я отправил в стену так, что он проломил гипсокартон. Второго — коленом в висок, и он рухнул мешком. Третий попытался зайти сзади, но я перехватил его руку и вывернул так, что плечо хрустнуло. Четвёртый всё-таки достал меня — короткий клинок, узкий, как жало, вошёл в бок слева. Неглубоко. Я бы даже не заметил в горячке боя.

Но потом пришла боль.

Не та, что от раны, — другая. Жгучая. Растекающаяся. Знакомая. Она поползла по венам от места удара, и я понял: клинок был отравлен. Не просто яд. «Эклипс». Та самая дрянь, что убила моего отца. Теперь она текла в моей крови.

Меня шатнуло. Я упал на одно колено, хватаясь за бок. Ладонь стала мокрой, горячей. Перед глазами поплыло.

— Достаточно, — раздался спокойный голос.

Нападавшие расступились. В выбитом дверном проёме стоял человек, которого я никогда не видел раньше, но узнал мгновенно.

Высокий. Сухошавый, но жилистый, как гончая, привыкшая загонять добычу. Чёрное пальто, забрызганное уличной грязью. Лицо пересекал старый шрам — от виска до подбородка, наискосок, придавая его чертам что-то неестественное, искажённое. Глаза — холодные, бесцветные, как декабрьский лёд.

Сайлус.

Ловчий Картеля.

— Наследник «Волчьего Клыка», — произнёс он. Голос был спокойным, почти ласковым, но в нём слышался металл. — Альфа, который может прийти, чтобы отомстить и вернуть свою стаю. Ты даже не представляешь, Волков, как долго я тебя ждал.

Я поднял голову. Сфокусировал взгляд на его лице. Низкие брови сошлись на переносице, делая мой взгляд грозным даже сквозь боль.

— Дождался, — прохрипел я. — Теперь что?

— Что? — он сделал шаг вперёд. — Я изучаю твой род уже много лет. Твой отец был силен, но нестабилен. «Эклипс» сломал его слишком быстро. Но ты — другое дело. Ты прошёл ритуал. Ты носишь «Око Бури». Я чую его. Камень в твоей груди пахнет озоном и старой кровью. Ты даже не знаешь, что именно тебе влили, верно?

Я молчал. Он был прав. Северная Ведунья говорила только то, что сочла нужным. Остальное осталось тайной.

— «Око Бури» — это не просто артефакт, — продолжал Сайлус. — Это ключ. С его помощью можно не только запира́ть зверя. Можно его контролировать. Если знать, как. Мы искали этот камень десятилетиями. А ты носишь его в себе. Живой. Целый. Ты — идеальный донор, Волков.

— Я тебе не донор, — прорычал я. — Я — Альфа.

— Пока ещё да, — он чуть склонил голову набок, рассматривая меня. — Но «Эклипс» уже в твоей крови. Через полчаса ты начнёшь терять себя. Через час станешь зверем, как твой отец. Разница только в том, что я успею тебя забрать до того, как ты сдохнешь. Взять его.

Люди Сайлуса двинулись ко мне. Я стоял на одном колене, с отравленной раной в боку. Силы уходили. Яд жёг вены.

Нет.

Я не позволю.

Моя рука дёрнулась к груди. Пальцы нащупали цепочку — ту самую, что пятнадцать лет ни разу не покидала моей шеи. Серебро. Тёплое от тела. Камень «Ока Бури», оплетённый проволокой.

— Не глупи, — бросил Сайлус, заметив движение. — Если ты снимешь это — яд убьёт тебя быстрее. Зверь ускорит метаболизм.

— Знаю, — сказал я. — Но я хотя бы умру свободным.

И сорвал амулет.

Цепочка лопнула с тихим звоном. Камень выпал из оправы, ударился о деревянный пол и погас — как гаснет лампочка, когда перерезают провод.

И внутри меня проснулся зверь.

Пятнадцать лет. Пятнадцать лет он спал, скованный цепями «Железной Воли», запертый за руной Ингуз, вырезанной на моём сердце. Все эти годы я не слышал его. Не чувствовал. Почти забыл.

Теперь цепи треснули.

Боль была... нечеловеческой. Не рана, не яд, не огонь — всё это меркло перед тем, что происходило внутри. словно мой позвоночник ломали и собирали заново. словно мышцы рвали изнутри когтями. словно кости выкручивали под неестественными углами, ломали и сращивали заново, превращая человеческий скелет в звериный.

Первое обращение в тринадцать лет — это всегда боль. Но первое обращение в двадцать восемь, после пятнадцати лет заточения — это агония, помноженная на годы ожидания. Зверь рвался наружу не плавно, не постепенно — он взламывал меня изнутри, как взламывают тюремную камеру.

Я закричал.

Голос сорвался на рык — низкий, утробный, идущий не из горла, а откуда-то из недр грудной клетки, из того самого места, где руна Ингуз горела огнём. Мои пальцы скрючились, ногти почернели и удлинились, превращаясь в когти — чёрные, острые, способные вспороть металл. Кожа на руках пошла рябью, трескаясь и выпуская наружу густую чёрную шерсть. Под кожей перекачивались мышцы, перестраиваясь в звериную форму — мощные, бугристые, нечеловеческие.

Челюсть хрустнула. Этот звук я запомнил навсегда — влажный хруст костей, выдвигающихся вперёд. Зубы заострились, удлинились, превращаясь в клыки, которые не помещались во рту. Лицо вытянулось в волчью морду. Я чувствовал, как меняется каждый позвонок, как рёбра расходятся и смыкаются заново, как таз перестраивается под звериную осанку.

Глаза вспыхнули. Я не видел этого, но знал: голубизна, унаследованная от матери и отца, ушла. Теперь в моих глазницах горело янтарное пламя. Чистый, расплавленный янтарь, светящийся в темноте.

Я стал волком. Настоящим. Огромным чёрным зверем с горящими глазами. Но связь — та самая, о которой говорила Северная Ведунья, — не пришла. Я был зверем. Сильным. Мощным. Смертоносным. Но внутри, там, где должен был звучать голос второй сущности, стояла тишина. Волк был. Но мы не были одним целым. Мы существовали отдельно, как два существа в одной шкуре. Я управлял телом. Он давал силу. Но мы не слышали друг друга. Не понимали. Цепи треснули, но руна Ингуз ещё держала. Истинная Пара — только она могла разрушить последнюю стену между нами. А пока я был просто зверем. Одиноким. Без стаи. Без связи.

Люди Сайлуса попятелились. Даже те, кто уже обнажил клыки, кто начал собственное обращение, — они отступили на шаг. Потому что из человека вырастал не просто волк. Из человека вырастал Альфа. Огромный чёрный зверь с горящими глазами, от которого за версту разило древней кровью и яростью.

— Взять его! — рявкнул Сайлус. — Он ещё не контролирует форму! Быстро!

Двое бросились первыми, уже в волчьей форме — серые, поджарые, с оскаленными пастями. Я встретил их ударом лапы. Когти вспороли бок первому — он взвизгнул и отлетел в стену. Второй попытался вцепиться мне в горло, но мои челюсти сомкнулись на его загривке раньше. Хруст. Кровь. Он обмяк.

Я рвал их. Не думая. Не сдерживаясь. Пятнадцать лет заточения выплёскивались из меня яростью. Каждый удар когтей, каждый укус был не просто боем — это была месть. За отца. За мать. За «Волчий Клык». За всех, кого Картель убил и сломал.

Но яд продолжал жечь. Я чувствовал его даже в волчьей форме — он пульсировал в венах, напоминая, что время уходит. Обратное превращение могло случиться в любой момент. А за спинами тех, кого я рвал, стоял Сайлус. Он ждал. И за ним, в дверях и за окнами, я чувствовал ещё — много. Подкрепление.

Я не мог убить их всех. Пока не мог.

Инстинкт — древний, волчий, тот, что сильнее разума, — ударил в голову коротким приказом: бежать.

Я развернулся. Заднее окно гостиной выходило на пожарную лестницу. Одним прыжком я преодолел комнату, вышиб раму всем телом и вывалился наружу. Стекло брызнуло дождём осколков. Четвёртый этаж. В звериной форме я приземлился на все четыре лапы, и асфальт треснул под ударом.

Сзади донёсся вой. Не один — несколько. Люди Сайлуса, те, кто ещё мог драться, обратились и прыгнули за мной. Чёрные и серые волки посыпались из окна, как горох, приземляясь на лапы и тут же срываясь в погоню.

Я побежал.

Улицы ночного города мелькали мимо. Грязный снег летел из-под лап. Я петлял дворами, проскакивал под арками, перемахивал через заборы. Они не отставали. Я слышал их дыхание, их запахи, их рычание за спиной. Сайлус отправил лучших.

Но я был быстрее. Даже отравленный, даже на пределе — волк Альфы быстрее обычных оборотней. И инстинкт вёл меня туда, где они не смогут меня достать.

Железная дорога. Станция. Поезд.

Я выскочил на сортировочный узел, когда состав уже набирал ход. Грузовой поезд — вагоны с лесом, углём, контейнерами. Я не знал, куда он идёт. Не знал, успею ли. Просто увидел приоткрытую дверь товарного вагона и прыгнул.

Когти заскрежетали по металлу. Задние лапы потеряли опору, но передними я вцепился в край дверного проёма, подтянулся, ввалился внутрь. Тёмный вагон. Запах сосны и стружки. Дверь за моей спиной с лязгом задвинулась от толчка.

Я рухнул на штабель брёвен. Дыхание вырывалось из пасти хрипами. Обратное превращение началось почти сразу — тело больше не держало звериную форму. Кости хрустнули, мышцы задрожали, и я снова стал человеком. Изодранным, окровавленным, с раной в боку и ядом в крови.

Поезд набирал ход. Где-то позади, в ночи, затихал волчий вой — погоня уже не могла нас догнать. Они бежали за составом, но расстояние увеличивалось. Ещё минута — и их вой пропал совсем.

Я лежал в темноте и смотрел в потолок, которого не видел. Сердце колотилось. Яд жёг. Но я был жив.

И где-то глубоко внутри, за болью, за яростью, за страхом, тихо пульсировало новое чувство. Волк, которого я запер пятнадцать лет назад, проснулся. Он был слаб. Он был напуган. Но он был свободен. Не связан со мной — но свободен. И когда-нибудь, если я найду ту, о ком говорила Северная Ведунья, последняя стена рухнет. И мы станем одним целым.

А пока он просто чуял что-то. Что-то, до чего поезд ещё не довёз. Что-то, что лежало далеко впереди, на Севере.

Я не знал, что это. Но волк знал. И он ждал.

--

Глава.8

ПОБЕГ

Яд жёг изнутри.

С каждым ударом сердца, с каждым вдохом морозного воздуха «Эклипс» растекался по венам всё дальше. Это была не просто боль — это было ощущение, что моя кровь превращается в кислоту. Что каждая клетка тела кричит.

Поезд шёл.

Мерный стук колёс отдавался в висках. Вагон раскачивался на стыках рельсов, и штабель брёвен, на который я рухнул после обратного превращения, вибрировал подо мной. Я лежал в темноте — кромешной, вязкой, пахнущей сосновой смолой и стружкой. Гольй. Одежда осталась там, в квартире, разорванная в клочья при первом обращении. Я даже не помнил, в какой момент разорвал её — кажется, когда кости начали ломаться и перестраиваться, а кожа пошла рябью, выпуская шерсть. Теперь это было неважно. Важно было только одно: выжить.

Тело покрывали кровоподтёки и царапины. Рана в боку пульсировала тупой болью, но кровь уже не текла — регенерация работала, хоть и медленно. Слишком медленно. Без амулета, с пробуждённым зверем, моё тело восстанавливалось быстрее, чем у человека, но яд замедлял всё. «Эклипс» и регенерация боролись внутри меня, как два хищника, и я не знал, кто победит.

Я не знал, куда идёт поезд.

Когда я прыгнул в вагон на сортировочной станции, у меня не было времени думать. Был только инстинкт: убраться, скрыться, выжить. Состав мог идти куда угодно — на восток, на запад, в тупик. Мог везти лес на лесопилку или уголь в котельную. Мог просто стоять на запасных путях, пока я истекал кровью среди брёвен. Но холод, просачивавшийся сквозь металлические стенки вагона, подсказывал: мы движемся на север. Холод был такой, какой бывает только в тех краях, где зима не уходит даже весной. Ледяной. Пронизывающий до костей. Такой, что дерево внутри вагона потрескивало от мороза. Такой, что дыхание вырывалось изо рта облаками пара, оседая инеем на ресницах. Холод, от которого сворачивалась кровь.

И этот холод был моим единственным союзником.

Я знал это по досье «Корпуса С». Знал по сводкам, которые читал годами, собирая информацию о Картеле. «Эклипс» — сложное соединение, чувствительное к температуре. При минусовых значениях его активность падает на сорок-шестьдесят процентов. Не останавливается полностью, но даёт отсрочку. Может быть, единственную.

Я закрыл глаза.

Темнота. Стук колёс. Запах древесины.

И тишина внутри — не та, что была с амулетом. Не глухая, бездонная, как колодец. Другая. Натянутая, как тетива. Волк затих, обессиленный после первого обращения, но он не спал. Он дремал — чутко, как зверь, который ранен, но готов вскочить в любую секунду. Я чувствовал его присутствие не как угрозу, а как тяжесть. Тёплую, живую тяжесть внутри. Впервые за пятнадцать лет я не был один.

И в этой темноте ко мне пришла мать.

* * *

Я знал, что это бред. Яд мутит сознание, рождая образы из прошлого — яркие, живые, почти осязаемые. Но мне было всё равно. Я хотел видеть её. Хотел слышать.

Она стояла передо мной — в том самом синем платье, с распушенными тёмными волосами, и ветер трепал их, хотя ветра в вагоне быть не могло. Её голубые глаза — мои прежние глаза — смотрели на меня с тихой печалью.

— Дарий, — сказала она, и её голос был как шелест листвы над горной рекой. — Мой мальчик.

— Мама, — прошептал я. Или мне казалось, что прошептал. — Я не смог. Я не спас вас. Я не вернул стаю.

— Вернёшь, — она улыбнулась. — Но не сейчас. Сейчас тебе нужно просто выжить. Там, впереди, ты найдёшь то, что искал.

— Я ничего не ищу.

— Ищешь, — она покачала головой. — Просто ты ещё не знаешь, что именно. Послушай своего волка. Он знает. Он чувствует то, чего ты пока не понимаешь.

А потом запахло.

Не сосной. Не стружкой. Не морозной древесиной. Что-то другое — тёплое, смолистое, сладкое, солнечное. Оно пробилось сквозь все остальные запахи, коснулось ноздрей, и волк внутри — раненый, ослабевший, но живой — поднял голову и тихо, почти жалобно заскулил.

Этот звук внутри меня был самым странным из всего, что я слышал. Мой волк не рычал. Не рвался в бой. Он скулил — как щенок, который потерял мать, а потом увидел её снова. Он тосковал. И эта тоска была сильнее яда, сильнее боли, сильнее страха.

Я не знал, как называется этот запах. Никогда не чувствовал его раньше. Но почему-то слово всплыло само, откуда-то из глубины, словно его прошептали мне прямо в душу.

— Янтарь, — выдохнул я.

Мать улыбнулась. И исчезла.

Я открыл глаза. Темнота. Стук колёс. Запах всё ещё висел в воздухе — или мне это только казалось? Я не знал, явь это или бред. Но я цеплялся за него, как утопающий цепляется за верёвку.

Я выживу. Я найду тебя. Я не повторю судьбу отца.

С этой мыслью я снова провалился в беспамятство.

* * *

Очнулся я от холода и голоса.

Холод был нестерпимым. Таким, какой, наверное, стоит на полюсе — в тех краях, где мир заканчивается ледяной пустыней. Мороз пробрался сквозь стены вагона, сквозь мою кожу, казалось, он промораживал кости. Пальцы на ногах онемели. Руки дрожали так, что я не мог сжать кулак. Я лежал, скрюченный между брёвен, покрытый инеем, и думал только о том, как сделать следующий вдох.

Поезд стоял. Стук колёс прекратился — я не заметил, когда именно. Тишина была почти такой же оглушительной, как и сам стук.

А голос... Голос был человеческим. Тёплым. Живым.

— Эх, парень... ну и как ты сюда забрался-то? Вот ведь довела тебя жизнь, а?

Я попытался открыть глаза. Получилось не сразу. Ресницы смёрзлись. Лицо онемело. Передо мной плавал жёлтый свет фонаря и смутная фигура — коренастый мужик в тулупе и ушанке, с мощным налобным фонарём, который он сейчас держал в руке, направляя луч на меня.

Свет резанул по глазам, и я зажмурился.

— Ты глянь, здоровый какой, — пробормотал он. — Без одежды, побитый весь. И куда я тебя такого тащить буду? Эх, ладно. Не бросать же тут. Пойдём, пойдём. Давай, вставай, пока совсем не околел.

Он подхватил меня под руку — сильные, рабочие руки, привыкшие к тяжёлому труду. От него пахло махоркой, машинным маслом и морозом. Живой запах. Человеческий. Я попытался что-то сказать, но из горла вырвался только хрип.

— Молчи, молчи, — он стащил с себя тулуп, накинул мне на плечи. Тулуп был тяжёлым, пах овчиной и печным дымом, и это был самый прекрасный запах в моей жизни. — Потом

расскажешь. Сейчас главное — в тепло. У меня сторожка тут, у путей. Печка есть. Чай. Отогреешься.

Я не помнил, как мы шли. Кажется, я всё-таки потерял сознание по дороге — или просто отключился от слабости, и мужчина тащил меня на себе. Потому что следующее, что я увидел, — это низкий дощатый потолок, железная печка-буржуйка, пышущая жаром, и кружка горячего чая, которую мне всовывали в руки.

В сторожке было тесно, но уютно. На полках вдоль стены стояли инструменты — молотки, гаечные ключи, мотки проволоки. На гвозде висел старый железнодорожный фонарь, потухший. У печки сушились валенки. На подоконнике — жестяная банка с заваркой и пара гранёных стаканов. Старик явно жил здесь подолгу, и его одиночество чувствовалось в каждой детали — в том, как аккуратно были сложены дрова, как висела на спинке стула штопаная-перештопаная фуфайка, как одиноко тикали ходики на стене.

— Пей, — сказал мужик, пододвигая кружку. Чай был обжигающим, сладким, с привкусом каких-то трав — кажется, зверобоя и Melissa. Он тёк в горло, и с каждым глотком холод внутри отступал. — Звать меня Макар Иваныч. Путевой обходчик. А ты кто будешь?

Я открыл рот. Хотел сказать — Дарий Волков, Альфа «Волчьего Клыка». Хотел сказать — я последний из своего рода, я должен вернуть стаю, я должен найти Сайлуса и убить его.

Но вместо этого я прохрипел:

— Не помню.

И это была почти правда. Потому что в тот момент я не помнил ничего, кроме запаха — тёплого, смолистого, солнечного. Запаха янтаря. Он преследовал меня даже здесь, в этой богом забытой сторожке на краю света. Он не был реальным — я понимал это. Просто воспоминание о бреде. Но волк внутри ждал. Он знал, что запах где-то рядом.

Макар Иваныч покачал головой.

— Ну, бывает. Отогреешься — вспомнишь. А пока лежи. Утро вечера мудренее.

Он подкинул в печку ещё пару поленьев, поправил одеяло, которым меня укрыл, и сел на табурет у окна. За окном выл ветер — низко, протяжно, по-северному. Этот вой напоминал волчий, но был просто ветром. Просто снегом. Просто зимой, которая не хотела уходить.

Я закрыл глаза. Пальцы дёрнулись к груди — старый жест, вьёвшийся в мышцы за пятнадцать лет. Но нащупали только голую кожу и выпуклый шрам.

Пусто.

Амулета не было. Волк дремал — обессиленный, но живой. Не запертый. Свободный. И от этого было страшно и одновременно правильно. Как будто я наконец снял с себя то, что душило меня полжизни. Яд, кажется, отступил — холод и регенерация сделали своё дело. Я был жив.

Завтра я встану. Завтра я начну искать ответы. Завтра я узнаю, куда ведёт этот запах.

А сегодня — просто спать.

За окном выл ветер. Печка потрескивала, отбрасывая на стены оранжевые отсветы. Макар Иваныч заваривал себе вторую кружку и тихо напевал что-то под нос — старую, забытую мелодию, от которой веяло покоем.

Я закрыл глаза. И впервые за пятнадцать лет уснул без кошмаров.

Глава.9

ВСТРЕЧА

Утро встретило меня запахом чая и махорки.

Сторожка Макара Иваныча была крохотной — пять шагов от двери до окна, — но в ней было тепло. Железная печка-буржуйка гудела, пожирая дрова, и жар от неё волнами расходился по тесному помещению, обогревая мои замёрзшие кости. Я проспал всю ночь, провалившись в чёрную яму без снов, без видений, без матери в синем платье. Организм делал то, что умел лучше всего: выживал.

Проснулся я от того, что Макар гремел чайником. Старый путевой обходчик уже был на ногах — в растянутом свитере и тёплых штанах, без своей обычной ушанки. Увидев, что я открыл глаза, он хмыкнул в седые усы.

— Очухался. А я уж думал, всё. Здоровый ты, паря, а глазищи-то ввалились — краше в гроб кладут.

Я сел на узкой койке. Тело ныло. Рана в боку затянулась — регенерация сделала своё дело за ночь, — но слабость осталась. Мышцы были ватными, голова кружилась. Яд ушёл, но выпил из меня все силы, оставив после себя глухую, ноющую пустоту в костях. Я чувствовал себя так, будто по мне проехал товарный состав — и, учитывая последние события, это было недалеко от истины.

— Где я? — голос прозвучал хрипло.

— Станция Сосновка, — Макар протянул мне кружку. — Чай пей. Потом поговорим.

Я взял кружку. Горячий чай обжёг губы, пролился в горло, растёкся теплом по телу. Я выпил всё, до последней капли, и только потом заметил, что на мне — чужая одежда. Старый свитер, штопанный на локтях. Широкие штаны, явно не мои. Макар, видимо, оставил их у койки, пока я был в отключке, а тело само сделало остальное — я не помнил, как натягивал их. Просто в какой-то момент мозг дал команду, и мышцы выполнили её на автопилоте, пока разум был далеко.

— Одежонку мою не обессудь, — Макар кивнул на меня. — Ты вчера голый был, как Адам в раю. И синий. Я уж думал — замёрз насмерть. Но ты живучий.

Поверх свитера он накинул мне старый овчинный тулуп — тяжёлый, местами заштопанный, пахнущий овчиной и печным дымом. Рядом уже стояли валенки — подшитые, разношенные, явно не новые.

— Тулуп-то мой запасной, — пояснил Макар, перехватив мой взгляд. — Тёплый, хоть и старый. Валенки тоже бери. Не в тапках же по снегу идти.

Он помолчал. Потом посмотрел на меня — долгим, изучающим взглядом.

— Ты оборотень, — сказал он. Не спросил. Констатировал. — Я вчера понял. По тому, как ты выглядел. Голый. Только после оборота так бывает. У нас тут, в Сосновке, это не секрет. Волки и люди — живём рядом. Бывало, и дружили когда-то. Вон, на стене в пабе герб «Морозных Клинков» до сих пор висит — память о тех временах.

— Да, — сказал я. Скрывать не было смысла. — Я оборотень.

— Вот и ладно, — Макар кивнул, словно я подтвердил прогноз погоды. — Я тебя не боюсь, если ты об этом. Видал я вашего брата. Разные бывают.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что. Ты вот что, паря... — он замаялся. — Я тут утром к Борису заходил. В паб. «Горький Штопор» называется. Тут у нас, в Сосновке, это единственное место, где можно и поесть, и переночевать. Борис — мужик хороший, хоть и хворает. Сердце у него слабое. Паб

держит, но всё хозяйство на дочке его, Рине. Я с ним поговорил. Короче, есть для тебя работа. Подсобником. Будешь бочки таскать, дрова колоть, мебель чинить. Платят немного, но жить есть где — подсобка там, за кухней. Комнатка крохотная, но тёплая. Пойдёшь?

Говорил он, накладывая криво нарезанный сыр на хлеб и протягивая его мне. Я посмотрел на Макара. Старый обходчик не знал меня. Не знал, кто я, откуда, что со мной случилось. Но он вытащил меня из вагона, отогрел, отпоил чаем, а теперь ещё и работу нашёл. Просто так. Потому что не мог пройти мимо. Такие люди встречаются редко, и когда встречаются — ты запоминаешь их на всю жизнь. Я запомню. Если выживу — верну долг.

— Пойду, — сказал я.

— Вот и ладно. Собирайся. Тут идти-то — десять минут.

* * *

«Горький Штопор» стоял на отшибе.

Длинное приземистое здание из потемневшего от времени бруса. Вывеска покосилась, но буквы — чёрные, с завитушками — ещё читались. Над входом горела одинокая лампочка, раскачиваясь на ветру. Пахло дымом из трубы, мокрым снегом и чем-то кисловатым — пивным суслон, что ли. У входа стояли пустые кеги, присыпанные снегом, и деревянная лопата, воткнутая в сугроб. Рабочий двор. Без прикрас.

Макар толкнул тяжёлую дверь, и мы вошли.

Внутри было темно. Окна маленькие, забранные мутным стеклом, почти не пропускали дневной свет. Горели жёлтые лампы под низким потолком — их было мало, и они давали не столько освещение, сколько тени. Деревянные столы, длинная барная стойка, почерневшая от времени. На стенах — олени рога, старая фотография в рамке, пожелтевшая карта местности и выцветший герб. Я пригляделся: волчья голова на фоне скрещённых клинков, за ней — снежная вершина. «Морозные Клинки». Я слышал это имя когда-то — кажется, ещё в детстве, от отца. Они правили этими землями до того, как сюда пришёл Картель. Теперь от них остался только герб на стене.

Но главное — запах.

Пиво. Прокуренное дерево. Кислый пот. И ещё кое-что — звериный мускус, волчий запах. Здесь бывали оборотни. Много. Часто. И некоторые из них носили на себе отголосок знакомой химической ноты. Картель. Я чувял их. Они были здесь. Может, не сейчас, но они приходили регулярно.

— Борис! — позвал Макар. — Принимай гостя!

Из задней двери вышел мужчина. Лет шестьдесят, сутулый, с усталым лицом и седыми висками. Двигался он медленно, тяжело опираясь на стойку. Сердце — я слышал, как оно бьётся, неровно, с переборами. Борис Яснев. Было заметно, что он когда-то был крепким, но теперь его основательно подточила болезнь.

— Это тот самый? — спросил он, оглядывая меня. Я видел, как его взгляд задержался на моём лице чуть дольше обычного. Потом скользнул ниже — на мои руки, на плечи. Он понял. Так же, как понял Макар. Оборотень. Но в его взгляде не было ни страха, ни неприязни — только спокойная, усталая оценка. Человек, который видел слишком много, чтобы бояться.

— Ага, — кивнул Макар. — Сильный мужик. Поработает.

Борис подошёл ближе, заглянул мне в лицо. В его глазах — выцветших, когда-то, наверное, голубых — промелькнуло что-то похожее на узнавание. Не меня. Типаж. Он словно видел таких, как я, раньше. И не боялся. Просто оценивал. Потом перевёл взгляд на мои сбитые костяшки, на шрам, видневшийся над воротом свитера — не руна, но край её. Заметил. Ничего не сказал.

— Ладно, — сказал он. — Подсобка за кухней. Работа — бочки, дрова, ремонт. Плачу немного, но кормлю. Пить не даю. Заведение не для пьяных драк. И учти: если что — вылетишь в ту же секунду. У меня дочь, и её безопасность для меня важнее любых работников.

— Справедливо, — сказал я.

Он перевёл взгляд на лестницу, ведущую куда-то наверх.

— Рина! Спустись. Тут Макар работника привёл.

И тогда я почувствовал запах.

Сначала — только запах. Мёд. Луговой, тёплый, сладкий, но не приторный — с оттенком полевых цветов. Не духи. Не шампунь. Что-то природное, естественное — так пахнет летний луг, когда ветер приносит аромат с пасеки. Он пробился сквозь вонь пива и пота, сквозь прокуренное дерево и волчий мускус. Чистый. Живой. Солнечный. Он заполнил всё вокруг, и волк внутри меня — раненый, ослабевший, запертый за треснувшими цепями — поднял голову. Впервые за пятнадцать лет он не рычал. Не рвался в бой. Он замер. А потом тихо, утробно заурчал — так урчат волки, когда находят что-то ценное. Что-то своё.

Это было странное чувство. Я привык к тому, что волк — это угроза. Это ярость, которую нужно сдерживать. Но сейчас он был спокоен. Он смотрел на эту женщину моими глазами и не хотел нападать. Он хотел защищать. Её. Ещё не зная, кто она. Ещё не зная её имени. Просто — её.

Я поднял взгляд.

Она спускалась по лестнице. Шатенка, средний рост, стройная. Простая одежда — тёмная футболка, джинсы, — но носила она её так, что казалось: это королевское облачение. Движения точные, скупые. Так двигаются люди, которые привыкли рассчитывать только на себя. Она не ждала ни от кого помощи — это читалось в каждом жесте. В том, как она ступала по скрипучим ступеням. В том, как держала спину — прямо, ровно, словно несла на плечах невидимый груз. Между бровей залегла тонкая морщинка — она о чём-то думала, и мысли эти были невесёлые.

А потом она подняла глаза.

И я увидел их цвет.

Янтарь. Тёмный мёд на просвет. Солнечный камень, горящий изнутри. Они были точно такого же цвета, как запах, который я чувствовал, — тёплые, золотистые, живые. Мёд и янтарь — единое целое. Запах и цвет, слитые воедино. Как будто природа создала её, чтобы всё в ней было гармонично: глаза отражали запах, запах отражал суть.

Наши взгляды встретились.

И время остановилось.

Я видел, как дрогнули её пальцы — она как раз взяла стакан со стойки, и он замер в её руке. Видел, как расширились зрачки, хотя свет в пабе был тусклым. Видел, как приоткрылись губы, словно она хотела что-то сказать, но забыла слова. Видел, как на секунду она перестала дышать.

Она тоже что-то почувствовала. Не понимала — что. Но почувствовала. Её чутьё, обострённое — сейчас кричало ей что-то, чего она не могла расшифровать. Я видел это по тому, как дрогнула жилка на её шее. По тому, как она облизнула губы — не кокетливо, а нервно, машинально.

Моё сердце ударило. Раз. Другой. Тяжело. Глухо. Так, словно оно вспоминало, как биться правильно.

Это она.

Я не произнёс этого вслух. Но волк внутри знал. Он смотрел на неё моими глазами и узнавал. Ту, о ком говорила Северная Ведунья. Ту, чей запах я почувствовал в бреду, в тёмном вагоне, на грани смерти. Истинная Пара.

Пятнадцать лет я ждал этого момента — и не верил, что он наступит. Я думал, что слова Ведуньи — просто слова. Что Истинная Пара — это легенда, которой кормят волчат перед сном. Но сейчас, стоя в этом прокуренном пабе на краю света, я понял: всё было правдой. И ритуал, и камень, и ожидание. Всё вело меня сюда.

— Доброе утро, — сказала она. Голос ровный, почти без интонаций. Но я услышал в нём лёгкую хрипотцу — волнение, которое она пыталась скрыть.

— Доброе утро, — ответил я, и мой голос прозвучал ниже, чем обычно. Волк был слишком близко.

Она перевела взгляд на Макара, потом на меня — снова. Теперь в её янтарных глазах читалось не только удивление. Оценка. Она поняла, кто я. Так же, как понял Макар. Так же, как понял Борис. Оборотень.

— Отец, — сказала она, и голос её стал жёстче. — Можно тебя на минутку?

Борис вздохнул и подошёл к дочери. Они отошли к дальнему концу стойки, но я слышал каждое слово — даже без полностью пробуждённого волчьего слуха тишина в пустом пабе позволяла.

— Это оборотень, — сказала Рина тихо. — Ты что, не видишь?

— Вижу, — спокойно ответил Борис.

— И ты всё равно хочешь оставить его здесь? После всего, что эти твари сделали? После того, что они сделали с мамой?

— Рина, — голос Бориса был мягким, но твёрдым. — Не все оборотни одинаковые. Ты же знаешь. Мы живём в Сосновке не первый год. Вспомни — раньше люди и волки жили здесь бок о бок. «Морозные Клинки» защищали город. Да, сейчас всё иначе. Но Макар за него поручился. И я ему верю. Пусть поработает. Если что-то пойдёт не так — он уйдёт.

Рина молчала. Я видел, как она кусает губу, как сжимаются её пальцы на краю стойки. Она боролась с собой. Ненависть к оборотням, кажется впитанная с детства, замешанная на боли от потери матери, боролась с доводами отца и собственным чутьём, которое говорило ей что-то другое. Что-то, чего она не понимала. Что-то, что заставляло её сердце биться быстрее, когда она смотрела на меня.

— Ладно, — сказала она наконец. — Пусть работает. Но если он хоть что-то выкинет — я его сама вышвырну.

Она повернулась ко мне.

— Подсобка там, — она кивнула на дверь за стойкой. — Справишься с дровами — кухня накормит. Не справишься — зачем ты нам такой. Отдыхай пока. Вечером посмотрим, на что ты годеи. Вид у тебя, честно говоря, не очень.

— Спасибо, — сказал я.

Она развернулась и ушла на кухню. Запах мёда остался в воздухе. Он висел там, тёплый, невесомый, и волк внутри меня тихо, почти жалобно заскулил ей вслед. Ему хотелось пойти за ней. Мне хотелось пойти за ней. Но я стоял на месте. Время ещё не пришло.

— Ну, не выгнала — и то хлеб, — хмыкнул Макар, пихая меня локтем в бок. — Рина — девка с норовом. Чужаков она обычно с порога разворачивает, я уж думал — и тебя турнёт. А тут, гляди-ка, оставила. Значит, что-то в тебе разглядела.

Я ничего не ответил. Просто стоял и смотрел на дверь, за которой скрылась шатенка с янтарными глазами.

Она ненавидела оборотней. Она боялась их. Она видимо потеряла мать из-за оборотней и видела в каждом звере врага. И она только что согласилась терпеть меня в своём доме.

Впереди был долгий вечер. Я планировал провести его в углу паба — в тишине, наблюдая за тем, как она работает. Не из праздного любопытства. Мне нужно было понять, кто здесь представляет угрозу. Кто из посетителей связан с Картелем. И как защитить женщину, которая пока не знает, что она — моя Пара.

Я знал, что никуда не уйду.

Теперь — только здесь.

Глава.10

СТЫЧКА

Я работал. Таскал бочки из подвала — здоровенные дубовые бочки с пивом, каждая под семьдесят килограммов. Колол дрова на заднем дворе, и воздух звенел от ударов колуна. Чинил расшатанные стулья, менял перегоревшие лампочки, разгружал продукты. Работа была грубой, мужской, и Борис не мог нарадоваться — после долгих месяцев без подсобника паб начал оживать. Он заходил в подсобку, смотрел на починенные стулья, на расставленные ящики и бочки после разгрузки, и качал головой: «Ты, парень, как будто всю жизнь здесь работал». Я не отвечал. Я просто работал. Работа помогала не думать. Работа помогала ждать.

Но дело было даже не в работе. Дело было в ней.

Рина держалась от меня на расстоянии.

Она не грубила. Не избегала. Просто... смотрела. Иногда я ловил её взгляд через весь зал — быстрый, острый, как укол иглы. Она тут же отводила глаза, но я успевал заметить то же выражение, что и в первый день: смесь настороженности и чего-то ещё. Чего-то, чего она сама не понимала. Чего-то, что заставляло её возвращаться взглядом ко мне снова и снова.

Запах мёда преследовал меня постоянно. Когда она проходила мимо — лёгкий, тёплый, цветочный. Когда я заносил бочки на кухню — он витал там, смешиваясь с запахом хлеба и жареного мяса. Даже в пустом зале, где её не было уже час, я всё ещё чувствовал его. Он въелся в дерево стойки, в ткань штор, в воздух. И я ловил себя на том, что прихожу в зал без причины — просто чтобы вдохнуть его.

Волк внутри мурлыкал. Он стал спокойнее. Тише. Словно присутствие этой женщины умиротворяло его. Словно он знал: она — ключ. Она — исцеление. Она — дом.

Но Рина этого не знала. И я не мог ей сказать. Пока.

* * *

На третий вечер паб наполнился по-настоящему. Я впервые увидел её в деле — в гуще пьяных посетителей, под перекрёстным огнём сальных взглядов, когда от неё требовалось не просто работать, а выживать.

Местные — хмурые мужики в рабочих куртках, пара женщин неопределённого занятия, компания молодых парней у окна. Но главное — оборотни. Они заняли дальний стол, четверо. Пили много, гоготали, бросали сальные взгляды на Рину. Я чуял их: низшие, без стаи, проданные Картелю за деньги и дозу. От них разило волчьим мускусом, дешёвым алкоголем и всё той же химической нотой, которую я ненавидел больше всего на свете.

Рина работала. Двигалась быстро, скупно, без улыбки. Ставила кружки на стол — не ставила, а впечатывала. Смотрела на посетителей с холодным презрением. Одна из женщин за соседним столом что-то шепнула ей — Рина коротко кивнула и пошла дальше. Она не болтала с посетителями. Не заигрывала. Не улыбалась. Она делала свою работу с той же суровой сосредоточенностью, с какой я когда-то заходил на объект. Она не боялась. Это впечатляло.

Я сидел в углу, у стены, откуда просматривался весь зал. Пил холодную воду из запотевшего стакана. Наблюдал. Каждый, кто входил в паб, проходил мою оценку: человек или оборотень, пьян или трезв, опасен или нет. За три дня я выучил завсегдатаев, знал, кто во сколько приходит и с кем говорит. Это была старая привычка, вьевшаяся в кровь за десять лет в «Корпусе С». Сейчас она пригодилась как никогда.

Оборотни за дальним столом становились всё громче. Главный среди них — крупный, с рваным ухом и сальными тёмными волосами — не сводил с Рины пьяных глаз. Что-то в его

лице было такое, от чего у меня сами собой сжимались кулаки. Не только похоть. Что-то хуже. Чувство безнаказанности.

— Эй, красавица! — окликнул он, когда Рина проходила мимо с подносом. — Повтори!

— Получишь, когда я до стойки дойду, — бросила она, не оборачиваясь.

— Какая борзая, — хохотнул один из его дружков. — Рваный, ты гляди, она тебя не боится.

— Это пока, — осклабился тот, кого назвали Рваным.

Рина вернулась с полными кружками. Поставила их на стол — одну, вторую, третью. И когда она наклонилась, чтобы забрать пустые, Рваный протянул руку и нагло, по-хозяйски сжал её бедро. Жирные пальцы впились в джинсовую ткань. Замерли.

Время остановилось.

Я видел каждую деталь, как в замедленной съёмке. Грязные ногти на тёмной ткани. Скалящиеся рты его дружков. И лицо Рины — побледневшее, с расширенными глазами, в которых, однако, не было страха. Только холодная, ледяная ярость. Такая ярость бывает у людей, которые уже теряли всё. Которых ломали — но не сломали.

Она не закричала. Не позвала на помощь. Вместо этого она перехватила кружку — ту, что ещё была полной — и одним движением выплеснула пиво в лицо Рваного.

Пенное пиво потекло по его сальным волосам, по щекам, за шиворот. Капли повисли на рваном ухе, закапали на стол. В зале стало тихо.

— Убери руки, — сказала Рина. Голос спокойный. Металлический. — Или в следующий раз будет нож.

Рваный замер с открытым ртом. Его дружки притихли. На секунду он растерялся — не ожидал. Но потом его лицо исказилось злобой. Он вытер лицо рукавом, медленно поднялся. Стул с грохотом отъехал назад. Он был выше Рины на полторы головы и тяжелее вдвое. Но она не отступила. Только подбородок задрала выше.

— Ты, сука... — прошипел он.

Рваный не сделал шаг. Что-то в её взгляде остановило его. Может быть, обещание ножа. Может быть, отсутствие страха — а зверь всегда чувствует, когда жертва не боится, и это сбивает его с толку. Он сплюнул на пол, развернулся и пошёл к выходу. Его дружки потянулись за ним.

— Ты пожалеешь, — бросил он через плечо.

— Уже боюсь, — ответила Рина.

Дверь хлопнула. В зале повисла тишина. Рина спокойно собрала пустые кружки и пошла к стойке, словно ничего не произошло. Только пальцы, сжимавшие поднос, чуть дрожали.

Я выдохнул. И почувствовал то, чего не чувствовал давно. Гордость. Не за себя — за неё. За эту хрупкую женщину с янтарными глазами, которая не сломалась перед четырьмя пьяными оборотнями.

* * *

Они вернулись поздно.

Народу в пабе уже почти не было. Последние посетители разошлись, и Борис, уставший, с посеревшим лицом, ушёл наверх — сердце опять шалило. Я остался в зале, делая вид, что чиню расшатанную ножку стула. На самом деле ждал. Я знал, что они вернуться. Знал по опыту: такие, как Рваный, не прощают унижения. Особенно на глазах у своих.

Рина собирала посуду со столов. Она двигалась медленнее, чем обычно, — сказывалась усталость. Когда она наклонилась над столом у окна, дверь распахнулась.

Рваный и его дружки. Снова. Видимо, успели где-то ещё накатить — от них разило перегаром пуще прежнего, а глаза у Рваного были мутные, злые, заплывшие.

— Ну что, сука, — прохрипел он с порога. — Поговорим?

Рина выпрямилась. В руке у неё была кружка — она поставила её на стол. Медленно. Спокойно. Но я видел, как напряглась её спина. Как дрогнули плечи — всего на секунду, но я заметил. Заметил, потому что смотрел только на неё.

Рванный двинулся к ней.

И тогда я встал.

Я не бежал. Не кричал. Я просто поднялся — и пошёл за ним. Бесшумно. Тяжело. Так, как ходит хищник, который не сомневается, что добыча никуда не денется. Мои шаги тонули в его пьяной злобе — он не слышал ничего, кроме собственного дыхания. Он протянул руку к её волосам. Грязные пальцы уже почти коснулись тёмных прядей.

Я перехватил его запястье.

Моя ладонь сомкнулась на его руке, как стальной капкан. Рванный замер. Он дёрнулся — раз, другой, — но мои пальцы держали мёртвой хваткой. Я сжал сильнее — и он взвыл, выгнулся, попытался вырваться. Кости хрустнули под моими пальцами. Я шагнул вперёд и встал между ним и Риной.

И зарычал.

Низкий, утробный звук, идущий из глубины грудной клетки. Не человеческий. Даже не звериный — он был древнее. Так рычит Альфа, когда кто-то смеет тронуть то, что принадлежит ему. Глаза вспыхнули янтарём — я знал это, потому что Рванный побелел. Его зрачки расширились от ужаса, а из горла вырвался скулёж — жалкий, тонкий, собачий. Ещё секунду назад он был пьян и зол — теперь он был трезв и напуган до смерти.

— Прости, Альфа, — выдохнул он, и его голос дрогнул. — Я не знал. Я не знал.

Его зверь — слабый, трусливый, подчинённый химии Картеля — чуял во мне старшего. Чуял кровь. Чуял силу. Я чувствовал его страх — кислый, едкий, перебивающий даже вонь перегара. Я ничего не сказал. Просто смотрел. Прямой, давящий взгляд из-под низких бровей. И этого было достаточно.

Я разжал пальцы. Рванный отшатнулся, прижимая сломанную руку к груди. Его дружки попятились. Один из них что-то забормотал — кажется, извинения. Другой просто пятился к двери, не сводя с меня округлившихся глаз. Ещё секунда — и они исчезли за дверью, растворились в темноте.

Тишина.

Я повернулся к Рине. Она стояла, прижавшись спиной к столу. Дышала часто. В янтарных глазах стояли непролитые слёзы, но лицо было спокойным. Почти. Она не плакала. Она вообще, кажется, не умела плакать — или разучилась давно, ещё в детстве, когда потеряла мать.

— Спасибо, — сказала она. Голос прозвучал ровно, но я слышал, как он дрожит где-то там, в самой глубине. — Но не лезь в мою жизнь. Я сама справляюсь.

Я смотрел на неё. Запах мёда всё ещё висел в воздухе, но теперь к нему примешивался страх — горьковатый, острый, как полынь. Волк внутри меня хотел только одного: стереть этот страх. Сделать так, чтобы она никогда больше не боялась. Чтобы этот горький оттенок навсегда исчез из её запаха.

— Не могу иначе, — сказал я.

Три слова. Простых. Но они были правдой. Я не мог иначе. Не мог пройти мимо. Не мог позволить кому-то обидеть её. Даже если она сама привыкла справляться. Даже если она ненавидит оборотней — а я был оборотнем.

Рина нахмурилась. Отвела взгляд. Собрала оставшуюся посуду и пошла к стойке. У самой двери на кухню она остановилась и, не оборачиваясь, бросила:

— Ты странный.

— Знаю.

— Я за тобой наблюдаю, — сказала она. — Если ты такой же, как они...

— Я не такой.

Она обернулась. Посмотрела на меня долгим взглядом. И я увидел, как что-то дрогнуло в её лице. Не вера. Не доверие. Но — допуск. Она допускала мысль, что я могу быть другим. Что не все оборотни — твари, убившие её мать. Что среди зверей бывают те, кто встаёт между женщиной и опасностью, а не сам становится этой опасностью.

— Посмотрим, — сказала она и ушла.

Я остался в пустом зале. Лампы гудели. Пахло пивом, дымом и мёдом. Волк внутри меня тихо, довольно урчал. Он знал то, чего она ещё не знала. Знал, что я никуда не уйду.

Я смотрел на дверь, за которой она скрылась, и думал: вот, значит, как это бывает. Пятнадцать лет я искал дом. Искал стаю, землю, стены. А дом — это просто человек. Женщина с янтарными глазами и запахом мёда, которая не умеет плакать и не боится ножа. Я не знал, сколько времени мне понадобится, чтобы она поверила мне. Неделя? Месяц? Год? Я умел ждать. Я ждал пятнадцать лет. Подожду ещё.

Только бы она позволила мне остаться..

Дорогие читатели, каким видите дальнейшее развитие событий? Как скоро Рина узнает, что она пара оборотня? делитесь своим мнением, отзывами, комментариями...

Глава.11

СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Я не спал.

Подсобка за кухней «Горького Штопора» была крохотной — узкая койка, старый комод, лампочка под потолком. Но мне было плевать. Я лежал в темноте и смотрел в дощатый потолок, слушая, как затихает паб. Последние посетители ушли час назад. Борис поднялся наверх ещё раньше — его шаги были тяжёлыми, шаркающими, а сердце билось с переборами даже через стены. Рина осталась одна. Я слышал всё: звон посуды, которую она собирала со столов, плеск воды в мойке, скрип половиц под её ногами — лёгкий, быстрый, уже узнаваемый.

Я лежал и думал о том, как странно устроен человек. Три дня назад я не знал о её существовании. Три дня назад я был Чистильщиком — машиной для выполнения контрактов, одиночкой, у которого нет ни прошлого, ни будущего. А теперь я лежу в тёмной подсобке и прислушиваюсь к шагам женщины, которая ненавидит таких, как я. И от этих шагов внутри разливается тепло.

Мой слух, даже без полной волчьей силы, цеплялся за каждый звук, связанный с ней.

Потом хлопнула входная дверь.

Я сел на койке.

Тишина. Только удаляющийся хруст снега под её сапогами. Она ушла. Одна. Ночью. После всего, что случилось.

Волк внутри поднял голову и тревожно заскулил. Но дело было не в нём. Дело было во мне. Я не мог лежать. Не мог закрыть глаза и сделать вид, что всё в порядке. Она была там, в темноте, одна, и каждый мой инстинкт — не волчий, человеческий — кричал: встань. Иди. Убедись, что с ней ничего не случится.

Я, Дарий Волков, Альфа «Волчьего Клыка». Я, Чистильщик, который зачищал лаборатории и не морщился, который допрашивал пленных и не отводил глаз. Я, человек, который пятнадцать лет не боялся ничего — ни боли, ни смерти, ни одиночества. Сейчас я боялся. Боялся за неё. За эту дерзкую, колючую женщину с янтарными глазами, которая в одиночку выплёскивает пиво в лицо пьяным оборотням и не позволяет себе плакать.

Это было новое чувство. Незнакомое. Оно не имело ничего общего с яростью, которая вела меня пятнадцать лет. Оно не имело ничего общего с инстинктом зверя. Волк хотел защищать свою Пару. А я... я просто не мог лежать, зная, что она там одна. И от этого было страшно.

Я встал. Натянул старый свитер — тот самый, что дал Макар. Сунул нож в ножны на поясе — подарок отца, с гравировкой «В», который никогда не покидал меня. И вышел в ночь.

Не как преследователь. Как телохранитель.

* * *

Рина свернула за угол. Я пошёл за ней — на расстоянии, в тени домов, бесшумно, как учили. Снег скрипел под её сапогами, но мои шаги тонули в этом скрипе. Она не знала, что я иду следом. И не должна была знать. Я не хотел её пугать. Просто хотел убедиться, что она дойдёт. Что Рваный и его дружки не ждут в темноте. Что с ней всё в порядке.

Улицы Сосновки были пусты. Фонари горели через один, и снег под ними казался жёлтым и грязным. Пахло дымом из труб, морозом и чем-то кисловатым — кажется, углём. Маленький северный город, затерянный среди лесов. Тихий. Сонный. Опасный. Здесь люди жили рядом с оборотнями — и не всегда это соседство было мирным.

Она шла быстро, засунув руки в карманы куртки. Не оглядывалась. Но я видел, как напряжены её плечи — даже спустя два часа после стычки она всё ещё была на взводе. Она тоже ждала удара. Привыкла.

Я смотрел на её спину — прямую, ровную, — и думал о том, сколько же ей пришлось пережить. Сколько раз она вот так же шла одна через ночной город, зная, что в любой момент из темноты может выйти кто-то вроде Рваного. Сколько раз она выплёскивала пиво, угрожала ножом, отбивалась — и возвращалась домой целой только потому, что привыкла не ждать помощи. Потому что помощи не было.

Теперь была. Даже если она об этом не знала.

Кафе появилось через три улицы.

«Северная Звезда» — гласила вывеска над входом. Старая, деревянная, с вырезанной чашкой и звездой над ней. Окна светились тёплым жёлтым светом. Из трубы валил дым. Это было круглосуточное заведение — я понял сразу, по количеству людей внутри, несмотря на поздний час. Рабочие с лесопилки, ночная смена, мужики в ватниках и шапках, с усталыми лицами и натруженными руками. Кафе было просторным, рассчитанным на большой поток в обеденные часы, но сейчас, ночью, зал заполняли только несколько столиков.

Рина толкнула дверь и вошла. Я выждал минуту. Потом вошёл следом.

Колокольчик над дверью звякнул. Тёплый воздух ударил в лицо — пахло кофе, свежей выпечкой, корицей. Я скользнул в угол, в самый дальний столик у стены, где тень от колонны падала так, что меня почти не было видно. Старая привычка. Солдатская. Садиться спиной к стене, лицом к выходу, в мёртвую зону для обзора.

Официант — молодой парень с заспанным лицом — подошёл почти сразу.

— Чёрный кофе, — сказал я. — Без сахара.

Он кивнул и ушёл. А я стал смотреть.

Рина стояла у стойки. Я видел её профиль — усталый, но красивый. Тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, выбившаяся прядь у виска. Под глазами — лёгкие тени, следы недосыпа. Она тёрла замёрзшие ладони друг о друга, и её дыхание ещё не выровнялось после быстрой ходьбы по морозу. За стойкой была девушка — блондинка, с виду ровесница Рины, лет двадцати трёх — двадцати четырёх, с усталой улыбкой и яркими голубыми глазами. Я чувал её сразу. Волчица. Молодая, не агрессивная. Не из Картеля — я бы узнал химический след. Просто волчица, живущая среди людей. Её звали Ника — я услышал, как они переговариваются через стойку, и запомнил имя.

— Ты сегодня поздно, — сказала Ника, наливая кофе в высокую кружку. — Всё нормально?

— Нормально, — Рина взяла кружку, сделала глоток. — Просто длинный день.

— Опять эти уроды приставали? — Ника кивнула куда-то в сторону, словно «эти уроды» были явлением настолько привычным, что не требовали уточнения.

Рина устало кивнула.

— Да. Но я справилась.

— Рина, — Ника наклонилась над стойкой, понизив голос. — Ты играешь с огнём. Они не люди. Однажды кто-нибудь из них сорвётся, и никто не успеет тебя защитить.

— Я сама себя защищу. — Рина поставила кружку с лёгким стуком. Голос прозвучал твёрже. — Я не дам им меня сломать. Как сломали мою мать.

Повисла пауза.

Я смотрел на неё. На то, как дрогнули её пальцы на кружке. На то, как тень пробежала по лицу — быстрая, едва уловимая, но я заметил. Заметил, потому что не сводил с неё глаз.

Мать. Рины. Я уже знал, что с ней что-то случилось, — Рина говорила об этом с такой болью, которая не остывает годами. Но теперь, глядя на неё, я понимал: её мать была волчицей. Иначе то, что сделали с ней, не называли бы «сломали». Иначе Картель не интересовался бы

ею. «Программа Генезис» — они использовали волчиц. А это значит, что в жилах Рины течёт волчья кровь. Но она человек. Я чуял это. Не оборотень. Как такое возможно? Волчица-мать — и дочь-человек. Что-то здесь было неправильно. Что-то, чего я пока не понимал.

Ника взяла Рину за руку. Простой жест. Тёплый. Человеческий.

— Твоя мать была сильной. Но её забрали не потому что она была слабой. Их слишком много, Рина. Картель — это не просто банда. Это система.

— Я знаю, — Рина вздохнула. — Поэтому и не уезжаю. Паб нужен отцу. А отцу нужна я. Без меня он не справится.

Ника покачала головой, но спорить не стала. Вместо этого она вдруг оживилась, и её голубые глаза блеснули.

— А этот... ну, тот мужик, про которого ты рассказывала? Высокий, мрачный, ваш новый работник, Дарий?

Я прищурился.

— Он просто работник паба, — сказала Рина. Слишком быстро.

— Ты покраснела, когда я про него спросила.

— Я не краснела.

— Краснела. — Ника улыбнулась — впервые за разговор. — Я видела.

Рина фыркнула. Отпила кофе. Потом сказала — тише, жёстче:

— Он такой же, как все они. Оборотень. Я чую это. От него за версту разит зверем, таким же, как и все они.

Моё сердце сжалось. Не от обиды. От понимания. Она чует зверя. Не Альфу. Не ранг. Просто зверя. И этого уже достаточно, чтобы записать меня во враги. Её ненависть была не капризом. Это был рефлекс. Выработанный годами страха и боли. Шрам. Такой же, как у меня на груди, — только вырезанный не обсидиановым ножом, а Картелем. Потерей. Страхом. Одиночеством.

Руна Ингуз на моей груди вдруг потеплела — или мне показалось? Я коснулся её сквозь ткань свитера. Старый шрам, который никогда не болел. Но сейчас, когда я смотрел на Рину и слышал её слова, он пульсировал — глухо, почти неслышно, как второе сердце. Она носила свой шрам так же, как я носил свой. И он так же болел.

— Но он помог тебе, — напомнила Ника.

Рина молчала. Смотрела в свою кружку. Потом подняла взгляд — и я увидел в её янтарных глазах что-то, чего не видел раньше. Смятение.

— Это ничего не меняет, — сказала она наконец. — Я не доверяю оборотням. Никому из них.

Ника покачала головой, но не стала давить. Она знала Рину лучше меня. Знала, что спорить бесполезно. Вместо этого она накрыла её ладонь своей и тихо сказала:

— Ладно. Но ты хотя бы подумай. Иногда они бывают не такими, как те, из Картеля.

— Может быть, — сказала Рина. — Но я не хочу проверять на себе.

Я допил кофе.

Горький. Чёрный. Такой, каким и должен быть.

Я сидел в тени колонны и чувствовал то, чего не чувствовал никогда. Беспомощность. Я — Альфа. Я — Чистильщик. Я мог голыми руками сломать хребет любому, кто угрожал бы ей. Но я ничего не мог сделать с её ненавистью. С её прошлым. С её болью. Это нельзя было вырвать клыками. Нельзя было залить кровью. Это можно было только переждать. Принять. И надеяться, что однажды она увидит меня — не зверя. Меня.

Она ненавидит оборотней. Всех. И меня. По определению. Мой волк признал её Истинной Парой. А она скорее укусит меня в ответ, чем позволит приблизиться.

Но я слышал не только её слова. Я слышал, как дрогнул её голос, когда она сказала «он просто работник паба». Я слышал, как она фыркнула, отрицая, что покраснела. Я слышал паузу

— ту самую, после слов Ники «он помог тебе». Она не нашла что ответить. Потому что я действительно помог. И это не укладывалось в её картину мира.

Путь к ней будет долгим. Она не подпустит меня просто так. Она будет кусаться, огрызаться, отталкивать. Но я умею ждать. Я ждал пятнадцать лет, пока мой волк спал. Подожду ещё.

Я достал из кармана несколько купюр — моё ежедневное жалование, которое Борис выдавал мне каждое утро за работу в пабе, — и оставил на столе. Потом поднялся и вышел — тихо, незаметно, как пришёл. Колокольчик над дверью звякнул едва слышно. Рина не обернулась.

* * *

Я не ушёл далеко.

Прислонился плечом к стене кафе, снаружи, в тени водосточной трубы. Холод кусал щёки, но я не чувствовал его. Снег падал — редкий, ленивый, почти невесомый. Снежинки таяли на ресницах. Я стоял и смотрел на освещённые окна «Северной Звезды», и внутри меня происходило что-то странное. Что-то, чему я не мог найти названия.

Я, Альфа «Волчьего Клыка», легенда «Корпуса С», человек, которого боялись самые опасные преступники страны, — я стоял под дверью ночного кафе, как мальчишка, и ждал женщину, которая меня не выносит. Это должно было быть унижительно. Должно было злить. Но мне было всё равно. Мне было спокойно. Правильно. Я стоял здесь, на морозе, и впервые за пятнадцать лет чувствовал не ярость. Не боль. Не пустоту. А что-то другое. Что-то, похожее на... покой.

Она там, внутри. Смеётся с подругой. Пьёт кофе. Живая. В безопасности. И я буду стоять здесь столько, сколько потребуется, — пока она не выйдет. Пока не дойдёт до дома. Пока я не буду уверен, что этой ночью с ней ничего не случится.

Потому что она — моя Пара. Даже если она об этом не знает. Даже если она ненавидит таких, как я.

Она допила кофе, обняла Нику через стойку и направилась к выходу. Я выскользнул за минуту до неё и снова занял место в тени — у стены, под козырьком соседнего дома. Она вышла, поёжилась от мороза, засунула руки в карманы и зашагала обратно — к «Горькому Штопору». Её шаги снова зазвучали — быстрые, лёгкие, хрустящие по снегу. Я смотрел ей вслед, пока она не дошла до двери паба, пока не открыла её своим ключом, пока не скрылась внутри.

Я выдохнул. Волк внутри успокоился. И я пошёл в свою подсобку.

Завтра она спустится вниз, откроет паб, начнёт свой день. И я буду там.

Потому что теперь — только здесь. Только рядом с ней. И плевать, сколько времени это займёт...

Глава.12

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

День 1. Началось

Она перестала на меня смотреть.

Не сразу. В первый день после стычки с Рваным она ещё поглядывала — быстро, искоса, как смотрят на дикого зверя, который то ли защитит, то ли укусит. Но потом что-то изменилось. Может быть, она поговорила с отцом. Может быть, долгая ночь расставила мысли по местам. А может, она просто приняла решение: держаться от меня подальше.

Я не знал. Знал только, что вошёл в зал утром, поздоровался — и она прошла мимо, не подняв глаз. Будто меня не было. Будто я — пустое место.

Это задело. Не в том смысле, в каком задевает обида. Нет, я не обижался. Я слишком хорошо знал, что такое шрам на сердце, чтобы обижаться на чужие раны. Но это задело другому — как задевает голод, когда еда стоит перед тобой, а к ней нельзя притронуться. Как задевает тело, когда оно просыпается и требует того, чего нет.

Она игнорировала меня демонстративно. Проходила мимо — не глядя. Ставила кружки на столы — не в мою сторону. На мои редкие фразы отвечала односложно, не поворачивая головы. «Да». «Нет». «Угу». И каждый раз, когда она отворачивалась, по воздуху тянулся сладкий шлейф — тёплый, медовый, невыносимый. Он дразнил. Мучил.

Волк внутри меня ходил кругами. Он не понимал. Он признал её Парой. Он защитил её. Она должна быть нашей. Почему она уходит? Почему она не смотрит? Он скулил, и я чувствовал этот скулёж где-то под рёбрами — глухой, тоскливый, невысказанный.

Я работал. Молча. Таскал бочки, колот дрова, перебирал стулья. Работа помогала. Когда мышцы горели от усилий, думать было легче. Не о ней. О топоре. О поленьях. О чём угодно, кроме неё.

Но вечером она сама подошла ко мне.

Я был на кухне — приколачивал старую деревянную полку, которую Борис просил повесить ещё в первый день. Закрепил её на стене, выровнял, проверил прочность. Когда она вошла, её запах — тёплый, цветочный, сводящий с ума — обрушился на меня, как волна, и молоток в моей руке замер.

— Что-то нужно? — спросил я, не оборачиваясь.

— Проверить, — сказала она. Голос сухой, как наждак. — Полку. Ты её криво повесил.

Я обернулся. Она стояла в дверях кухни — руки скрещены на груди, подбородок задран. В тусклом свете лампочки её глаза казались почти коричневыми, но я знал: на свету они загораются золотистым, как тёмный мёд на просвет. А её запах — тёплый, густой, сладкий — сейчас наполнял кухню до краёв.

— Полка ровная, — сказал я. — Я проверил.

— А по-моему, кривая.

Я чуть отступил, давая ей пройти. Она подошла, встала рядом — слишком близко, я чувствовал тепло её тела, — и посмотрела на полку. Потом на меня.

— Ты вообще руками двигать умеешь? — в её голосе звенел вызов. Она не злилась. Она проверяла. Провоцировала. Искала повод.

— Умею, — я смотрел ей прямо в глаза, не отводя взгляда. — Просто ты меня отвлекаешь.

Она застыла.

Всего на секунду. Но я видел, как дрогнули её пальцы на скрещённых руках. Как приоткрылись губы — на вдох или на ответ, но ответа не было. Она не нашла, что сказать. Просто стояла и смотрела на меня расширенными глазами, и воздух между нами гудел.

Потом она развернулась. Резко. И вышла, хлопнув дверью так, что петли жалобно скрипнули. Я остался один. Перевёл дух. Опустил молоток на стол и провёл ладонью по лицу. Сердце колотилось. Волк внутри тихо, довольно урчал: он видел её смятение. Она не осталась равнодушной. Она убежала — а это значит, что мои слова попали в цель.

Но мне было не легче. При ней мне было трудно дышать. И с каждым днём становилось только хуже.

* * *

День 2. Тихая мука

Второй день её игнорирования было тише, но тяжелее.

Она больше не провоцировала. Не заходила туда, где я работал. Просто делала свою работу — и я делал свою, и между нами пролегла полоса отчуждения шириной в барную стойку. Но её запах никуда не делся. Он преследовал меня везде: в зале, на кухне, даже в подсобке, куда она не заходила. Казалось, он въелся в деревянные стены паба, в каждую кружку, в каждую половицу.

В полдень я услышал, как она поёт.

Тихо. Почти неслышно. Она была на кухне, возилась с посудой, и сквозь шум воды пробивалась мелодия — старая, протяжная, северная. Я не знал слов. Но голос у неё был мягкий, грудной, и в нём было что-то, чего она не показывала никому. Уязвимость. Тепло. Она пела не для кого-то — для себя. И от этого было ещё больнее. Потому что я не имел права слушать. Но стоял как вкопанный.

Аромат пары в тот момент стал гуще. Или мне показалось. Может быть, когда она расслаблялась — когда забывала обо мне, — её истинная суть проступала сильнее. И волк внутри тянулся к ней так, что рёбра трещали.

Вечером я сидел в углу зала и чинил расшатанный стул. Посетителей почти не было — пара мужиков у стойки, и те скоро ушли. Мы остались одни: я в своём углу, Рина — за стойкой. Она собирала посуду. Медленно. Слишком медленно. Я смотрел, как двигаются её руки — точные, ловкие, — и не мог отвести взгляд.

А потом она потянулась. Устало. Положила ладонь на плечо, размяла мышцы — видно, натрудила за день. Простое движение. Человеческое. Но у меня пересохло во рту. Я представил, как мои руки ложатся на её плечи. Как я провожу ладонями по её спине, снимая усталость. Как она расслабляется под моими пальцами.

Волк внутри зарычал. Не агрессивно. Жадно. Я сжал челюсти. Отвёл взгляд. Уставился в стену. Это было невыносимо.

Тишина. Воздух между нами гудел, как натянутая струна. А потом её шлейф усилился.

Она прошла мимо — всего в метре от меня, — и волна **медового духа** обрушилась с такой силой, что у меня потемнело в глазах. Я вцепился в стакан с водой, который стоял рядом. Стекло было холодным, мокрым. Но ладонь горела. Всё тело горело. В паху потяжелело — резко, остро, неконтролируемо.

Волк внутри зарычал громче. Он хотел подойти. Прижать её к стене. Зарыться носом в изгиб её шеи и вдохнуть этот запах — не разбавленный расстоянием, а концентрированный, горячий, живой. Хотел почувствовать её кожу под своими губами. Хотел...

Стекло треснуло.

Я опустил взгляд. Вода стекала по моим пальцам, смешиваясь с кровью из порезанной ладони. Я сжал стакан слишком сильно. Осколок оцарапал кожу. Мелочь. Но боль отрезвила — ненадолго, на несколько секунд.

Рина обернулась на звук.

— Что там у тебя?

— Ничего, — я сжал порез другой рукой, пряча кровь. — Стакан разбил.

Она посмотрела на меня. Долго. И в её золотистых глазах было что-то, чего я не мог прочесть. Может быть, тревога. Может быть, то самое непонятное чувство, которое она испытывала всякий раз, когда наши взгляды встречались. А может, просто усталость.

— Аккуратнее, — сказала она и отвернулась.

Я выдохнул. Разжал пальцы. Кровь уже остановилась — регенерация работала. Но внутри ничего не заживало. Я хотел её так, что кости ломит. И не мог ничего с этим сделать. Она боялась меня. Она ненавидела оборотней. И я не имел права даже смотреть в её сторону.

Но я смотрел. И волк смотрел. И мы оба ждали.

* * *

День 3. Порезанный палец

Третий день начался как обычно. Я колот дрова на заднем дворе. Рина возилась на кухне. Борис сидел наверху — сердце опять шалило, и он редко спускался до вечера. В пабе было тихо и немногочисленно.

Я занёс дрова в кухню. Она стояла у стола, нарезала хлеб. Движения быстрые, точные — она привыкла к этой работе. Но когда я вошёл, её ритм сбился. Совсем чуть-чуть. Я заметил это, потому что замечал всё, что касалось её.

Нож соскользнул.

Тихий вскрик. Капля крови упала на деревянную доску.

И запах железа ударил мне в ноздри.

Всё остальное отступило на второй план. Я пересёк кухню быстрее, чем осознал это движение. Просто в одно мгновение я был у двери — и в следующее уже стоял рядом с ней, сжимая её запястье.

Она ахнула. Не от боли — от неожиданности. Кухарка, возившаяся у плиты, обернулась и уставилась на нас, не понимая, что происходит. Я не обращал на неё внимания. Всё моё внимание было сосредоточено на Рине. На её руке, которую я держал. На запахе крови, смешанном с её запахом — сладким, цветочным, пьянящим. На том, как часто бьётся жилка у неё на запястье.

Я не мог отпустить. Пальцы не слушались. Я просто стоял и смотрел на её руку в моей ладони — и это было невыносимо. У меня темнело в глазах. Волк внутри рычал — не агрессивно. Жадно. Этот запах сводил меня с ума. Я чувствовал, как возбуждение скручивает внутренности, как тело реагирует на неё — остро, неконтролируемо. Это было мучительно. Это было невыносимо. Быть так близко. Не иметь права коснуться.

— Отпусти, — сказала она. Голос дрожал, но она старалась говорить твёрдо.

Я отпустил. Резко. Почти отбросил её руку. Отступил на шаг. Грудь вздымалась. В паху — тяжёлый, ноющий жар. Я сжал кулаки. Белые костяшки.

— Не подходи ко мне так близко, Айрин, — мой голос был низким, хриплым, с рычанием в глубине. Я едва узнал его. — Твой запах... я не могу... я опасен. Когда ты рядом, я перестаю себя контролировать. Я не хочу тебя напугать.

Она смотрела на меня. И в её глазах — золотистых, цвета солнечного камня — было смятение. Она не понимала до конца, что сейчас произошло. Но она видела: я не зол. Я напуган. Меня трясёт. И от этого ей становилось ещё страшнее — не за себя. За меня.

— Ты меня не пугаешь, Дарий, — сказала она.

И в её голосе — тихом, но твёрдом — было что-то, чего я не слышал раньше. Нежность? Нет. Скорее — допущение. Она допускала, что я не такой, как те, кто сломал её мать. Она допускала, что я могу быть другим.

Она ушла. Тихо. Не хлопая дверью. Кухарка потянулась за ней, бросив на меня быстрый, испуганный взгляд. А я остался на кухне один. Упёрся ладонями в стол и стоял так, опустив

голову, пытаюсь вернуть контроль. Дыхание рваное. Сердце колотится. В паху — боль. Волк внутри воеет. Хочет её. Прямо сейчас. И я не знаю, сколько ещё продержусь.

Шрам на груди горел. Или мне это только казалось.

Я стоял, упираясь ладонями в стол, и вдруг понял: я боюсь не того, что сорвусь. Я боюсь того, что она не захочет меня остановить.

Глава.13

ОГОНЬ И ЛЁД

День 4. Прошлое

Я нашёл их случайно.

В подсобке, куда сваливали всякий хлам, на нижней полке старого стеллажа лежали книги. Не бульварные романы, не потрёпанные журналы — настоящие учебники. Химия. Биология. Фармакология. Я вытащил одну, открыл. На полях — пометки, сделанные аккуратным, убористым почерком. Формулы, подчёркнутые цветным маркером. На форзаце — имя: «Айрин Ясенева».

Я закрыл книгу и пошёл к Борису.

Он сидел наверху, в своей комнате, в старом кресле у окна. Дышал тяжело, но глаза были ясными. Когда я показал ему учебник, он долго смотрел на него, потом вздохнул.

— Рина, — сказал он. — Два года училась на биофаке в областном центре. Хотела стать фармацевтом. Говорила: «Пап, я буду лекарства делать. Настоящие» — он помолчал. — А потом мать умерла. И я слёг. И она бросила всё. Вернулась сюда. Третий год уже. Паб тянет. Меня тянет.

Он посмотрел на меня и добавил тише:

— Она не любит вспоминать.

Я кивнул. Но когда вечером мы оказались вдвоём в зале — она за стойкой, я у печи, — слова сами сорвались с губ.

— Ты училась на биофаке

Она замерла. Рука с тряпкой застыла над стойкой. Золотистые глаза впились в меня — острые, настороженные.

— Кто тебе сказал?

— Отец.

Она молчала. Потом отвернулась, возобновила работу — но движения стали резче, жёстче.

— Это было давно. Теперь моя жизнь здесь.

— Ты могла бы вернуться.

— Не могла бы, — она не обернулась. — Паб умрёт без меня. Отец умрёт без меня. Не всё в жизни складывается так, как мы хотим.

Она ушла на кухню, я не пошёл за ней. Я стоял у печи и смотрел на огонь. Она похоронила свою мечту. Как я похоронил свою стаю. Она пожертвовала будущим ради семьи. Как я пожертвовал своей свободой, сковав волка цепями ритуала.

Ещё одна трещина в её броне. Ещё одна причина понять её. Ещё одна причина не отступать.

* * *

День 5. Стычка у печи

Это случилось на следующий вечер.

Я топил печь в зале. Посетители разошлись, Борис поднялся наверх. Рина проверяла замки на входной двери. Я стоял у печи, глядя на огонь, и думал о ней — как всегда.

— Заслонку проверь, — раздался её голос за спиной. — В прошлый раз дымила.

— Я проверил.

— Я сама.

Она подошла. Печь стояла в узком проходе между стеной и барной стойкой — там едва хватало места для одного. Я отступил, давая ей пройти, но она не рассчитала — и вдруг мы оказались лицом к лицу в этом тесном каменном мешке. Её спина упёрлась в стену. Не в горячую печную кладку — в противоположную стену, ту, что выходила на улицу и всегда оставалась ледяной, сколько ни топи. Я навис над ней — не специально, просто некуда было отойти.

Слишком близко.

Её дыхание коснулось моей шеи — быстрое, неровное. Её запах — тёплый, медовый, одуряющий — обрушился на меня, как лавина. От неё пахло теплом, кожей, женщиной — и у меня перехватило горло.

Волк внутри зарычал — низко, уробно. Я почувствовал, как в паху снова тяжелеет, как тело реагирует мгновенно, не спрашивая моего разрешения. Проклятье. Я упёрся ладонями в холодную стену по обе стороны от её головы — не чтобы удержать её, а чтобы удержать себя. Но это вышло только хуже. Теперь я был в клетке. Вместе с ней.

— Отойди, — сказала она. Голос тихий, но не испуганный.

— Не могу.

Это вырвалось раньше, чем я успел подумать. Не угроза. Правда. Я не мог отойти. Физически не мог. Моё тело не слушалось — оно хотело оставаться здесь, рядом с ней, в этом тесном проходе, где её запах сводил меня с ума.

Она подняла голову. Посмотрела на меня снизу вверх. И в её глазах — золотистых, цвета тёмного мёда — я не увидел страха. Что-то другое. Что-то, чего она сама не понимала. Её дыхание сбилось так же, как моё. Её губы приоткрылись. Она чувствовала то же самое. Не понимала. Сопротивлялась. Но чувствовала.

Время замерло.

Я смотрел на неё. Она — на меня. И воздух между нами звенел, как натянутая до предела струна. Ещё секунда — и я бы не сдержался. Ещё секунда — и я бы прижал её к этой стене, впился губами в её рот, забыв обо всём.

Она выскользнула.

Ловко, гибко — нырнула под моей рукой и сделала шаг в сторону. К двери. Уже уходя, на секунду замерла, и я увидел, как дрожат её пальцы на дверной ручке.

Дверь закрылась. Я остался один. Опустил голову и прижался лбом к холодной стене — уличной, которая всегда была ледяной из-за мороза снаружи. Ледяной камень обжёт кожу, отрезвил. Сердце колотилось так, что отдавало в виски. В паху — тяжёлая, ноющая боль. Я хотел её так, что казалось сердце стучит в висках. Так, как никогда в жизни никого не хотел. И это желание было страшнее любой ярости — потому что я не знал, что с ним делать.

Волк внутри выл. Он не понимал, почему мы отпустили её. Почему мы не взяли то, что наше. И я не знал, что ему ответить. Потому что сам не знал ответа.

* * *

День 6. Разговор на кухне

Шестой день. Вечер. Посетителей не было — метель разогнала всех по домам. Рина мыла посуду на кухне. Я вошёл — просто чтобы быть рядом. Она стояла спиной ко мне, но я знал, что она услышала мои шаги. Её плечи чуть напряглись.

— Ты всё ещё здесь, — сказала она. Не спросила. Констатировала.

— Да.

Я прислонился плечом к дверному косяку. Смотрел на неё, не отрываясь. На то, как двигаются её руки в мыльной воде. На изгиб шеи. На прядь волос, выбившуюся из пучка и прилипшую к влажной коже.

— Почему? — она повернулась. Смотрела на меня испытующе. Долго. — Ты странный, Дарий. Ты появляешься из ниоткуда. Ты смотришь на меня так, что у меня внутри всё переворачивается. Кто ты такой?

Слова повисли в воздухе. Я молчал. Потому что не мог сказать правду. Не мог сказать: «Я Альфа, я потерял стаю, я заковал волка ритуалом, и ты — моя Истинная Пара». Это было бы слишком.

— Тот, кто не причинит тебе вреда, Айрин, — сказал я наконец. — Даже если ты в это не веришь.

Она хмыкнула. Но не ушла. Стояла у раковины, вытирая руки полотенцем, и смотрела на меня. И воздух дрожал. И волк внутри меня рвался — не убить, не захватить, а... обнять? Защитить? Я сам не знал. Я просто смотрел на неё и понимал: эта девушка стала для меня важнее, чем месть. Важнее, чем стая. Важнее, чем всё, за чем я гнался пятнадцать лет.

— Я за тобой наблюдаю, Дарий, — сказала она. — И если ты такой же, как они...

— Я не такой.

Она смотрела ещё секунду. Потом кивнула — не мне, скорее себе. Повесила полотенце на крючок. Прошла мимо меня к двери — близко, слишком близко, её плечо едва не коснулось моей груди. И я заметил: её руки не были сжаты в карманах, как обычно. Они свободно покачивались вдоль тела. Открытые. Уязвимые. У самой двери она остановилась.

— Спокойной ночи, Дарий, — сказала она, не оборачиваясь. Впервые она назвала меня по имени — не «Волков», не «ты», а «Дарий». Тихо. Тепло. Почти интимно.

— Спокойной ночи, Айрин.

Она ушла. Шаги по лестнице. Хлопнула дверь наверху. Я остался в кухне один. Опустил взгляд на свои руки — они дрожали. Сжал край стола так, что побелели костяшки. Каждый мускул в теле был напряжён до предела. В паху — всё та же ноющая, сводящая с ума тяжесть.

Эта девушка сводит меня с ума. И я не знаю, что с этим делать. Я хочу её — и боюсь этого желания. Боюсь, что однажды не сдержусь. Что напугаю её. Что потеряю то хрупкое доверие, которое только начало зарождаться.

Но она сказала: «Спокойной ночи, Дарий». Впервые. Не буркнула. Не отмахнулась. Назвала по имени.

Волк внутри меня тихо, довольно урчал.

Глава.14

ПРИТЯЖЕНИЕ

День 7. Знакомство с Гектором

Он вошёл днём, когда в пабе было почти пусто.

Я сразу понял, что он не из обычных посетителей. Высокий, светловолосый, с усталыми глазами, которые, однако, смотрели остро и цепко. Двигался как воин — скупое, точно, ничего лишнего. Каждое движение было выверено, каждый шаг — рассчитан. Так ходят те, кто привык, что за спиной может оказаться враг. Садиться предпочёл за дальний стол, спиной к стене, лицом к выходу. Я знал эту привычку. У меня она была такой же.

Он не суетился. Не оглядывался по сторонам. Просто занял позицию — и замер, сканируя пространство. Я видел, как его взгляд скользнул по окнам, по двери, по мне. Задержался на долю секунды дольше, чем на остальных. Оценил. Запомнил.

Он заказал чай у Рины — она как раз проходила мимо с подносом. Я видел, как она кивнула ему, и в её лице промелькнуло что-то похожее на тепло. Не то тепло, которым она одаривала редких друзей. Спокойное, ровное, лишённое той колючей настороженности, что звенела в каждом её слове, обращённом ко мне.

— Гектор. Давно тебя не было.

— Дела, Рина. Как паб? Как отец?

— Держимся.

Коротко. По-свойски. Она говорила с ним иначе, чем со мной. Спокойнее. Без той невидимой стены, которую я чувствовал спиной каждый раз, когда она проходила мимо. И это задело. Не просто задело — резануло где-то глубоко, там, где я прятал свои чувства даже от самого себя.

Гектор перевёл взгляд на меня. Я стоял у стойки, подключал новую бочку к крану. Тяжёлую, дубовую — только что выкатил из подвала. Наши взгляды встретились. У него были светлые глаза — серо-голубые, как зимнее небо, — и они смотрели на меня оценивающе. Спокойно, без враждебности, но с тем самым прищуром, с каким один хищник смотрит на другого. Так смотрят не на врага — на равного.

Я чуял его. Альфа. Запах был слабым, приглушённым — он явно скрывал его, как и я когда-то, — но это была кровь вожака. Древняя. Настоящая. Не марионетка Картеля. Выживший. Один из тех, кто прошёл через ад и не сломался.

— Новый работник? — спросил он у Рины, не отрывая от меня взгляда.

— Подсобник, — бросила она, не оборачиваясь. — Макар Иваныч привёл.

Она ушла на кухню. И как только дверь за ней закрылась, Гектор поднялся из-за стола и подошёл ко мне. Неторопливо. Спокойно. Он не пытался давить — но осанка, взгляд, разворот плеч говорили сами за себя.

— Я Гектор Северов, — сказал он негромко. Голос у него был под стать внешности: ровный, сдержанный. — Ты не местный. И ты не просто работник в пабе. Я чую кровь Альфы.

Я поставил бочку. Выпрямился. Теперь мы стояли лицом к лицу — два волка, два изгнанника. Два наследника уничтоженных стай. Между нами было не больше метра, и воздух в этом метре стал плотным, как перед грозой.

— Дарий Волков. Проездом из средней полосы. Сменил работу.

— Сменил работу, — Гектор усмехнулся уголком рта. — Скажи это кому-нибудь другому. Такие, как мы, не бросают прежнюю жизнь ради бочек с пивом.

Пауза. Мы смотрели друг на друга. Это не было враждебностью. Это было узнаванием. Два воина, два Альфы, потерявшие свои стаи. Мы понимали друг друга без слов. Понимали, что такое — просыпаться каждое утро с именем мёртвых на губах. Понимали, что такое — прятаться, когда внутри ревет зверь, требующий мести. Понимали, что такое — ждать.

— «Морозные Клинки», — сказал он наконец. — Я сын последнего Альфы. Прячусь в тених. Марионетка Картеля назначила награду за мою голову.

— Такая же история, — ответил я, не отводя глаз. — Стая «Волчий Клык».

Гектор кивнул. Медленно. Понимающе. Его лицо осталось спокойным, но в глазах что-то изменилось. Он понял. Он знал, что такое — потерять всё. И он знал, что такие, как мы, не прощают.

— Если захочешь — поговорим, — сказал он. — Не здесь. Позже.

— Позже, — согласился я.

Он достал из кармана несколько купюр, положил на стойку — ровно за чай, ни больше ни меньше — и направился к выходу. У двери обернулся.

— Такие, как мы, должны держаться вместе, Волков. Иначе нас сожрут поодиночке.

Дверь закрылась. Я остался у стойки. Смотрел на то место, где он только что стоял. И впервые за долгое время чувствовал что-то, отдалённо похожее на надежду. Я не один. Есть ещё те, кто не склонился перед Картелем. И однажды мы будем сражаться вместе.

Я не знал, когда именно наступит этот день. Но теперь знал, что он точно наступит.

* * *

Ревность

Вечер того же дня. Посетители разошлись. Борис, как обычно, поднялся наверх — сердце шалило, и он старался ложиться рано. Я заканчивал убирать зал: переворачивал стулья на столы, подметал пол. Рина мыла стойку. Она работала молча, но я чувствовал — она хочет что-то сказать. Или нет. Может, мне просто казалось. Может, я просто хотел, чтобы она заговорила со мной.

— Ты знаешь Гектора, — сказал я.

Она не подняла головы.

— Конечно. Он из «Морозных Клинков». Его отца убили. Гектор — один из немногих оборотней в этом городе, кто не продался Картелю. Я его с детства знаю.

— Он тебе нравится.

Это был не вопрос. Я произнёс это ровно, но внутри всё сжалось. Слова вырвались раньше, чем я успел их остановить.

Она замерла. Рука с тряпкой остановилась на полпути. Медленно подняла голову. Посмотрела на меня — и в её янтарных глазах вспыхнуло что-то. Не гнев. Любопытство. Она удивилась. Не ожидала, что я спрошу.

Она опустила взгляд обратно на стойку, продолжила вытирать, но теперь на её губах играла лёгкая улыбка.

— Ты ревнуешь, Волков?

Она сказала это без задней мысли. Шутя. Подкалывая. Но когда она снова подняла глаза и увидела моё лицо, улыбка пропала. Я не сводил с неё взгляда. Серьёзного. Тяжёлого. И она поняла: я не шучу.

— Нет, — ответил я.

Но слово прозвучало глухо. Неубедительно. Она слышала это так же ясно, как я сам.

— Лжешь, — сказала она тихо.

И смотрела на меня. Не отрываясь. Её янтарные глаза прожигали насквозь. Она видела то, что я пытался скрыть. Видела, что мне не всё равно. Видела, что я ревную. Глупо. Бессмысленно. Но ревную.

Я думал об этом позже, лёжа в подсобке. Почему меня это задело? Почему я, Альфа, Чистильщик, человек, который пятнадцать лет не позволял себе ничего, кроме ярости, сейчас чувствую, как внутри всё скручивается при мысли, что она кому-то рада больше, чем мне?

Она с Гектором была спокойна. Приветлива. Улыбалась ему. Со мной — никогда. Меня она встречала колючим взглядом и острым словом. Меня она держала на расстоянии. И это задевало. Глубже, чем я готов был признать. Почему он? Почему его она принимает, хотя он тоже оборотень? Почему не меня?

Ответ был простым. Слишком простым. Она не боялась Гектора — потому что он не вызывал в ней того, что вызывал я. Она не чувствовала к нему того, что чувствовала ко мне. И именно поэтому она могла быть с ним спокойной. А со мной — нет. Со мной она горела.

Я молчал. Потому что ответа у меня не было. А она всё смотрела. И в её лице, помимо любопытства, появилось что-то ещё. Что-то, от чего моё сердце забилося чаще.

Она опустила взгляд первой. Вернулась к работе. Но теперь её движения были не такими уверенными. Я видел, как чуть дрожали её пальцы, сжимавшие тряпку. Она что-то поняла. Или начинала понимать. И это пугало её так же, как и меня.

* * *

День 8. Случайный поцелуй

Это случилось на следующий вечер.

Паб закрылся рано — метель разогнала последних посетителей, и улицы опустели. За окнами выл ветер — низко, протяжно, по-северному. Снег залепил окна так, что с улицы в зал не проникало ни лучика света. Борис поднялся наверх, пожелав нам спокойной ночи. Я заносил дрова в зал, складывал их у печи. Рина гасила лампы — одну за другой, погружая помещение в темноту. Оставался только огонь в печи, отбрасывающий на стены дрожащие багровые отсветы.

Я работал молча. Она — тоже. Но тишина между нами была не пустой. Она была натянутой, как тетива. Каждый шорох, каждый скрип половиц звучал громче обычного. Я слышал её дыхание. Она слышала моё.

Я уложил последнюю охапку, выпрямился и наклонился за поленом, чтобы подкинуть его в огонь. В этот момент Рина отступила от выключателя — и наши плечи столкнулись. Она охнула. Я повернул голову.

Наши лица оказались в дюйме друг от друга.

Я замер. Она замерла. Только что мы двигались, дышали, жили — и вдруг всё остановилось. Пламя в печи трещало, бросало золотые блики на её лицо, на скулы, на приоткрытые губы. На ресницы, которые дрогнули — один раз, едва заметно.

И её запах обрушился на меня. Медовый. Тёплый. Одурачивающий. Он был везде. Он обволакивал, душил, проникал под кожу. В тысячу раз сильнее, чем обычно. В тысячу раз ближе. Я чувствовал тепло её тела. Её дыхание на своих губах. Видел, как бьётся жилка на её шее — часто, неровно, в такт моему сердцу.

Весь мир сузился до неё. До этого момента. До этого дюйма между нами.

Я не выдержал.

Одной рукой я притянул её к себе — резко, грубо, не давая опомниться. Губами впился в её рот. Голодно. Отчаянно. Так, как будто это был последний глоток воздуха в моей жизни. Я не думал. Не контролировал. Не вспоминал о ритуале, о Ведунье, о пятнадцати годах заточения. Я просто не мог больше ждать. Не мог терпеть этот запах, не имея права прикоснуться. Не мог видеть её каждый день — и делать вид, что я спокоен.

На секунду она ответила.

Её пальцы впилась в мои плечи. Вцепились — не отталкивая, а притягивая. Ближе. Ещё ближе. Губы приоткрылись. Я почувствовал её вкус — кофе, и что-то сладкое, родное, невы-

разимо близкое. То, что я искал пятнадцать лет, сам не зная, что именно. Волк внутри меня взревел — победно, триумфально. Наконец-то. Она наша. Она отвечает.

Этот звук — торжествующий рёв зверя — был таким громким, что, казалось, его слышно за стенами паба. Но мне было плевать. Я держал её. Она была в моих руках. И всё остальное не имело значения.

А потом она упёрлась ладонями в мою грудь и толкнула.

— Нет.

Я отпустил сразу. Руки разжались. Я отступил на шаг. Дышал тяжело, рвано, как после долгого бега. Сердце колотилось в груди, отдавая в виски. Губы горели — там, где только что были её губы.

— Прости, — мой голос был хриплым, чужим. — Я не должен был.

Она смотрела на меня. Глаза горели золотом — ярче, чем обычно, словно внутри неё разгорался пожар, который она отчаянно пыталась потушить. Губы припухли от поцелуя. Дрожали. Но выражение лица было не гневным. Паника. Она испугалась не меня. Она испугалась себя. Того, что сделала. Того, что ответила.

Того, что хотела ответить ещё.

И я почувствовал кое-что ещё.

Что-то новое. Что-то другое. Оно разливалось в воздухе, как незнакомый аромат, и я не мог понять, что это. Оно исходило от неё — но не было частью того запаха, к которому я привык. Волк внутри замер, приюхиваясь. Он чувствовал то же, что и я. И не понимал. Это было связано с её кровью. Она не та, за кого себя выдаёт. Я не знал, что это значит. Но это было важно.

— Не подходи ко мне больше, — сказала она. Голос сорвался. Дрожал. Словно она сама не верила в то, что говорила. — Никогда.

Она развернулась и ушла. Быстро. Почти бегом. Каблуки простучали по лестнице. Хлопнула дверь наверху. И наступила тишина.

Я остался в пустом зале.

Пламя в печи догорало. Угли мерцали багровыми искрами. Её запах всё ещё висел в воздухе — медовый, тёплый, родной. На губах — её вкус. Волк внутри выл — тоскливо, жалобно. Мы снова были одни.

Но я знал: она ответила.

На секунду. Но ответила. И это меняло всё. Её тело не лгало. Её губы не лгали. Она хотела меня — и испугалась этого. И я почувствовал в ней что-то. Что-то, чего не понимал. Что-то, что скрывалось за её человеческой внешностью.

Она не та, за кого себя выдаёт.

Я не знал, что это значит. Но я узнаю. Рано или поздно. Потому что теперь, после этого поцелуя, отступить было некуда. Я вкусил её. И волк не успокоится, пока не получит её целиком. Пока мы не станем одним целым. Пока она не перестанет бояться.

Я опустил на корточки у печи. Подкинул ещё одно полено. Огонь вспыхнул, разгоняя темноту.

За окном выла метель. Где-то наверху, в своей комнате, она, наверное, стояла у двери, прижав пальцы к губам. И думала обо мне. Так же, как я думал о ней.

Это было только начало.

Глава.15

НОЧЬ ОПАСНОСТИ

Утро началось с её плеча, задевшего моё.

Я тащил бочку через зал — тяжёлую, дубовую, только что выкаченную из подвала, — когда она прошла мимо. Зал был пустым. Места было много — целый проход между столами. Но она прошла вплотную, и её плечо чиркнуло по моему предплечью.

Случайно? Нарочно? Я так и не понял.

— Смотри, куда идёшь, Волков, — бросила она, не оборачиваясь. Голос был привычно колючим, как замёрзшая проволока.

— Это ты на меня налетела, — ответил я, опуская бочку на пол.

— Я здесь работаю, если ты не заметил, — она остановилась у стойки, взяла тряпку, принялась протирать и без того чистую поверхность. Движения были резкими, рваными — она не работала, она выплёскивала раздражение.

— Я тоже, — сказал я ровно.

Она развернулась. Прошла мимо меня — на этот раз нарочно далеко, огибая по дуге, — и уже у двери на кухню бросила через плечо:

— Долго ты ещё будешь здесь торчать?

Я смотрел ей в спину. На прямые плечи, на упрямый затылок, на прядь волос, выбившуюся из пучка. Она ждала ответа. Или не ждала. С ней никогда нельзя было понять наверняка.

— Столько, сколько потребуется.

Она не ответила. Но дверь закрылась мягче, чем обычно. Почти беззвучно. И это было больше, чем слова.

Я остался в пустом зале. Опустил взгляд на бочку, которую так и не донёс до крана. Усталость накатывала волнами. Не физическая — другая. Та, что приходит после долгой войны, в которой нет победителей. Мы ходили кругами уже почти две недели. Она огрызалась, я держался. Она отталкивала, я оставался. И с каждым днём это выматывало всё сильнее. Но я не уйду. Я сказал это тогда, в первый вечер. И я держал слово.

Волк внутри меня тихо, устало вздохнул. Он тоже устал. Но он тоже не сдавался.

* * *

Метель не утихала уже неделю.

Снег завалил улицы по пояс. Ветер выл в трубе, как раненый зверь, и швырял в окна пригоршни ледяной крошки. Стёкла покрылись белой коркой, сквозь которую едва пробивался дневной свет. Паб «Горький Штопор» стоял посреди этого белого безмолвия, как осаждённая крепость.

Посетителей не было. Третий день подряд — ни души. Никто не рисковал выходить в такую погоду, даже за пивом. Борис сидел наверху, в своей комнате, — сердце опять шалило, и он почти не спускался. Мы с Риной оставались вдвоём. Весь день. Каждый день.

Я колол дрова для печи. Это было единственное занятие, которое помогало не думать. Топор опускался — полено раскалывалось надвое с глухим треском. Ещё удар. Ещё. Мышцы горели, пот стекал по спине, но это была хорошая боль. Чистая. Понятная. Не то что та, которая скручивала внутренности каждый раз, когда она проходила мимо.

Она возилась на кухне. Я слышал, как звенит посуда, как плещет вода, как скрипят половицы под её шагами. Иногда она выходила в зал — проверить, не нужно ли чего, поправить стулья, протереть стойку в десятый раз. Мы не разговаривали. Но тишина между нами стала дру-

гой. Раньше она была враждебной — натянутой струной, готовой лопнуть от любого неверного слова. Теперь она была выжидательной. Как затишье перед бурей. Как вдох перед прыжком.

Волк внутри меня не спал. Он лежал, положив голову на лапы, и смотрел. Ждал. Чего — я и сам не знал.

* * *

К вечеру ветер усилился.

Я почувствовал это по тому, как задрожали стёкла в рамах, как загудела труба, как заскрипели старые балки под крышей. Снаружи что-то билось о стены — не снег, а что-то твёрдое, ледяное. Рина вышла из кухни, вытирая руки полотенцем, и посмотрела на окна. Между бровей залегла уже знакомая морщинка.

— Надо закрыть ставни, — сказала она.

— Я закрою, — я отставил топор, выпрямился. — Сиди здесь.

— Ты не знаешь, как они крепятся, — она уже натягивала тулуп. Движения быстрые, деловитые. — Там старые крюки, их надо поддеть особым образом. Я сама.

— Айрин!

Она замерла — на секунду, с рукой, просунутой в рукав. Посмотрела на меня. Мои низкие брови, я знал, сошлись на переносице. Я не хотел, чтобы она выходила. Волк внутри поднял голову и тревожно заскулил. Глупость. Просто ставни. Но что-то было не так. Что-то в вое ветра, в темноте за окнами, в запахе — смутном, чужом, который пробивался сквозь метель.

— Я быстро, — сказала она. — Туда и обратно.

Дверь хлопнула. Морозный воздух ворвался в зал, заставив пламя в печи дрогнуть. Я остался один. И волк внутри меня уже не скулил — он рычал. Тихо. Предупреждающе. Что-то там, снаружи, было не так.

* * *

Снаружи было хуже, чем я думал.

Ветер ударил в лицо, как ледяной кулак. Снег хлестал по глазам, забивался за воротник, слепил. Рина возилась со ставнями — замёрзшие петли не поддавались, металлические крюки обжигали пальцы холодом. Она дёргала ставню, пытаясь поддеть её снизу, но та держалась мёртво.

Из темноты вышли трое.

Она не сразу их заметила — слишком громко выл ветер, слишком сильно снег бил в лицо. А когда заметила, было уже поздно. Рваный. И двое его дружков. Тех самых, что приходили с ним в паб в тот вечер. Пьяные. Злые. Они ждали. Может, не один день. Может, всё это время прятались где-то, ждали, пока метель сделает своё дело, пока мы останемся одни.

— Ну что, сука, — голос Рваного был хриплым, перебитым ветром, но я услышал его. Я уже бежал к двери. — Поговорим? На этот раз твой пёс тебя не спасёт.

Рина не закричала. Она ударила. Первого, того, что подошёл ближе, — ногой, целясь в колено. Он взвыл, отшатнулся. Она рванулась к двери, но второй перехватил её. Схватил за волосы. Дёрнул назад. И вот тогда она закричала.

Я вылетел во двор.

* * *

Дверь распахнулась так, что ударилась о стену. Я не чувствовал холода. Не чувствовал снега, бьющего в лицо. Я видел только их.

Трое. Один держит Рину за волосы, запрокинув ей голову назад. Второй, которого она ударила, поднимается с колена, матерясь. Третий — Рваный — поворачивается ко мне, и на его лице мелькает торжество. Он думал, что я не услышу. Думал, что метель скроет всё.

Ошибся.

Первого я ударил в горло — коротко, без замаха. Он захрипел и рухнул в снег. Второй даже не успел отпустить волосы Рины. Моя рука сомкнулась на его запястье, сжала, вывернула.

Хруст костей. Крик. Он выпустил её и отшатнулся. Я добил его одним ударом — в висок, хлётко, жестоко. Он упал лицом в сугроб и больше не двигался.

Остался Рваный.

Он понял, что проиграл, ещё до того, как наши взгляды встретились. Его зверь — трусливый, продажный — сжался внутри него. Но он был загнан в угол. А загнанная крыса кусается.

Нож появился из рукава. Короткий, кривой — какими разделяют мясо на кухнях. Я не ожидал — слишком сосредоточился на его лице, на его глазах, на том, чтобы добить его раньше, чем он дёрнется к Рине. А он метил не в неё. В меня. Лезвие вошло под рёбра слева — глубоко, по самую рукоять. Горячая вспышка боли прошла тело. Я почувствовал, как сталь скользнула по ребру и ушла глубже, в мягкие ткани. Кровь хлынула сразу — горячая, густая, выплёскиваясь толчками при каждом ударе сердца. Рубашка пропиталась ею в считанные секунды.

Рваный оскалился, думая, что победил.

Моя ладонь сомкнулась на его горле. Пальцы сжались. Он захрипел, выронил рукоять ножа — лезвие так и осталось в ране, — вцепился обеими руками в моё запястье. Бесполезно. — Ты тронул её, — не сказал, я зарычал. Не громко. Просто констатация факта.

Хруст. Его тело обмякло. Я разжал пальцы, и он рухнул в снег — туда же, где уже лежали двое его дружков.

Тишина. Только метель. Только вой ветра.

Я опустил на колени. Ноги не держали. Рукоять ножа всё ещё торчала из-под рёбер — я не стал её выдёргивать, знал, что тогда кровь хлынет ещё быстрее. Но и с ней рана пульсировала болью, и с каждым ударом сердца тёплая влага толчками выходила наружу. Снег подо мной стал алым. Много крови. Слишком много.

Холод уже не чувствовался. Руки онемели, лицо онемело, боль в боку притупилась — плохой знак. Я знал, что это значит. Тело отключалось, экономя тепло для жизненно важных органов. Ещё немного — и сознание уйдёт.

— Дарий!

Она бросилась ко мне. Упала рядом, прямо в снег, схватила за плечи. Её лицо было белым — белее снега вокруг. Глаза — янтарными, огромными, полными ужаса. Она увидела рукоять. Увидела кровь, пропитавшую мою одежду до нитки. И побелела ещё больше.

Её взгляд метнулся к телам. К Рваному — его голова была вывернута под неестественным углом. К двум другим, что лежали ничком в сугробах. Она видела всё. Видела, как я убил их. На её лице отразилось что-то — не ужас перед содеянным. Не отвращение. Холодное, почти чуждое ей самой понимание: я убил их. Ради неё. И она не чувствовала жалости.

— О господи... Дарий... нет, нет, нет...

Её ладони заметались — она не знала, куда прижать, как остановить кровь, за что схватиться. В итоге просто прижала руки к ране, и я зашипел от боли.

— Дурак, — выдохнула она. Голос дрожал. — Какой же ты дурак. Зачем ты полез? Я бы сама...

— Не справилась бы, — мой голос прозвучал глухо. Я попытался встать, но тело не слушалось. Перед глазами всё плыло.

Она не ответила. Просто подхватила меня под здоровую руку, потянула вверх. Удивительно сильная для такой хрупкой. Она почти тащила меня к двери, шатаясь под моим весом, но не останавливаясь.

— Вставай. Давай. Не смей умирать, слышишь? Не смей.

— Я не собираюсь, — пробормотал я. Губы едва слушались. — Мне ещё нужно...

— Молчи, береги силы.

Я не собирался. Но сил не было. Я чувствовал, как с каждой каплей крови уходит энергия, как темнеет перед глазами, как волк внутри тревожно мечется, пытаюсь удержать меня в

сознании. Её плечо под моей рукой было единственной точкой опоры в мире, которая стремительно теряла очертания.

Последнее, что я увидел перед тем, как дверь паба захлопнулась за нами, — три тела в снегу. И алые пятна, которые метель уже начала замечать белым.

Глава.16

ОТКРОВЕНИЕ

Она вела меня наверх.

Я шёл сам — медленно, придерживаясь за перила здоровой рукой, но сам. Регенерация уже работала: кровь остановилась, боль в боку из острой стала тупой, ноющей. Ещё час-другой — и рана закроется полностью. Я чувствовал, как тело наполняется знакомым теплом исцеления. Но Рине я об этом не сказал. Она всё ещё мысленно была там, во дворе, среди снега и крови. Её плечо под моей рукой было напряжено до предела, а пальцы, вцепившиеся в мой ремень, дрожали.

Она чувствовала себя виноватой. Я видел это по тому, как она кусала губу. По тому, как избегала смотреть мне в глаза. По тому, как слишком осторожно, почти виновато поддерживала меня, хотя я не просил. Она считала, что это из-за неё. Что если бы она не вышла закрывать эти чёртовы ставни — ничего бы не случилось. Глупая. Как будто я мог остаться внутри, когда ей угрожали.

Лестница. Ступени. Наверху она толкнула дверь плечом.

Я никогда не был здесь раньше.

Маленькая комната. Чистая. Тёплая. Здесь пахло ею — тем самым запахом, который я узнал бы из тысячи: тёплым, медовым, с лёгкой сладкой нотой. У стены — узкая кровать, застеленная простым серым пледом. У окна — широкий подоконник, превращённый в подобие дивана: плед, несколько подушек, жестяные банки с оплывшими свечами. Её убежище. Её крепость. И она впустила меня сюда.

— Садись, — она кивнула на кровать. — Тебе нужно лечь.

Я опустился на край кровати. Матрас прогнулся под моим весом. Рина метнулась к комоду, вытащила старую простыню, разорвала её на полосы — быстрыми, рваными движениями. Пальцы дрожали — от холода, от пережитого страха, от злости на себя.

— Зачем? — спросила она, и голос сорвался. Она стояла ко мне спиной, но я слышал этот голос — напряжённый, звенящий.

— Что — зачем?

— Ты ведь даже не думал. Ты просто вылетел туда. Без оружия. Без всего. Их было трое. Трое, Дарий. Ты мог погибнуть.

— Но не погиб же.

— Это не ответ! — она резко повернулась ко мне. В её глазах стояли слёзы — не пролитые, застывшие. — Ты понимаешь, что я чувствовала, когда увидела этот нож? Понимаешь?

Я смотрел на неё. На то, как дрожат её руки, сжимающие полосы ткани. На то, как часто вздымается грудь. На то, как она кусает губу, пытаясь вернуть контроль.

— Прости, — сказал я. — Я не мог иначе. Ты была там. Они — с тобой. А я... я не могу, когда ты в опасности. Просто не могу.

Она выдохнула — длинно, прерывисто. Потом опустилась на колени перед кроватью и начала обрабатывать рану. Её ладони касались моей кожи — прохладные, осторожные. Она промывала рану водой из кувшина, и вода стекала по моему боку, розовая от крови.

Я сидел неподвижно. Боль уже почти ушла — регенерация делала своё дело, края раны начали стягиваться. Но я не говорил ей об этом. Потому что её прикосновения были... другими. Нежными. Заботливыми. Она хмурилась, сосредоточенно, как ребёнок, и прядь волос выбилась из пучка и прилипла к влажной щеке. Я смотрел на неё и не мог отвести взгляд. Мне

не нужна была помощь. Но я хотел, чтобы она была рядом. Хотел чувствовать тепло её рук. И это желание было сильнее боли.

— Потерпи, — сказала она. — Я сейчас.

— Я терплю, — ответил я. И это была правда. Только терпел я не боль. А желание прикоснуться к ней в ответ.

Она накладывала повязку, когда её ладони замерли.

Я почувствовал это — прикосновение изменилось. Из деловитого стало осторожным. Исследующим. Она смотрела на мою грудь — туда, где край руны Ингуз выступал из-за ворота рубашки. В драке один из оборотней схватил меня за рукав, рванул — верхние пуговицы слетели, открывая шею и верхнюю часть груди. Старый шрам был виден.

— Что это? — её голос прозвучал тихо.

Я молчал. Потом взялся за оставшиеся пуговицы, расстегнул их до конца и снял рубашку. Она увидела всё. Руну Ингуз — выпуклую, уродливую, перечёркивающую сердце. Старый шрам, которому было пятнадцать лет. И рядом — свежую рану, которую она только что перевязала.

Рина протянула руку. Подушечки пальцев коснулись руны — осторожно, словно она боялась обжечься. Её прикосновение было лёгким, почти трепетным. Я почувствовал тепло её кожи на своей груди.

— Это долгая история, — сказал я.

Она подняла глаза. Янтарные. Глубокие. В свете свечей они казались почти золотыми.

— У нас вся ночь впереди, — ответила она.

И я начал рассказывать.

* * *

— Моя стая называется «Волчий Клык». Мы жили в горах. Мой отец был Альфой. Мать — его Истинной Парой. Картель пришёл, когда мне было тринадцать. Подкупили одного из наших и отравили отца «Эклипсом». Он сошёл с ума. Убил мать. А когда яд отпустил — покончил с собой.

Рина прикрыла рот ладонью. Но не отвела взгляд. Я продолжил:

— Я бежал. Старый Бета выгнал меня из горящего дома. Несколько месяцев я скитался один — зверь рвался наружу, я не мог его контролировать. Если бы я обернулся тогда — погиб бы. Мне нужен был кто-то, кто поможет.

— И ты нашёл кого-то? — тихо спросила Рина.

— Да. Старую женщину. Она жила в глухом лесу и знала то, чего не знал никто. Я попросил её запереть моего волка. Она согласилась.

Я коснулся шрама.

— Это руна Ингуз. Она вырезала её у меня на груди и вплавила в рану осколок древнего камня — «Око Бури». С тех пор мой волк заперт.

Рина смотрела на шрам. Её **ладони** лежали на коленях, но я видел, как они чуть подрагивают.

— И ты не можешь обратиться?

— Могу. Частично. Я носил амулет, который сдерживал силу. Когда снял его — волк проснулся. Я обратился впервые за пятнадцать лет. Но это было... неправильно. Я был зверем. Сильным. Быстрым. Но связи не было. Мы существовали отдельно — я и он. Без гармонии.

— А как... восстановить связь?

Пауза. Я смотрел ей в глаза.

— Истинная Пара, — сказал я. — Только она разрушит цепи до конца. Так мне сказали.

Её ладони дрогнули.

Я видел это. Видел, как изменилось её дыхание — стало чаще, поверхностнее. Как расширились зрачки. Как она замерла на секунду, перестав дышать вообще. Она не спросила «и

кто же она?». Не сказала ничего. Просто замерла, глядя на руну на моей груди. И я понял: она думает. Сопоставляет. Что-то внутри неё уже знает ответ.

— Айрин?

— Ничего, — она отвела взгляд. — Продолжай.

Но я видел: она что-то поняла. Или почти поняла.

* * *

Она заговорила не сразу. Сначала долго молчала, глядя на пламя свечи.

— Ты спрашивал о моей матери, — начала она тихо. — Я тогда не ответила. А сейчас... сейчас я хочу, чтобы ты знал.

Она обхватила колени руками. Голос звучал глухо, но спокойно.

— Её звали Лидия. Она была волчицей. Не из стаи — сама по себе. Жила здесь, в Сосновке. Работала в библиотеке. А потом пришёл Картель. Они выслеживали волчиц. Тех, кого никто не хватится. Им нужны были подопытные — они ставили эксперименты над женщинами. Мать украли, когда она шла с работы. Прямо с улицы.

— «Инкубатор», — сказал я.

— Ты знаешь, что это?

— Да. Я видел такой однажды.

Она кивнула и продолжила:

— Мать держали там несколько месяцев. А потом выяснилось, что она беременна. Мной. Они стали наблюдать, что будет. Её освободили — люди из города, которые ещё помнили, что значит помогать друг другу. Она вернулась. Родила меня. А потом... угасала. Её организм был разрушен тем, что с ней делали.

Она замолчала. Свеча трещала на подоконнике.

— Ты поэтому родилась человеком? — спросил я.

— Да. Но что-то во мне осталось. Я слышу. Слышу ложь. Слышу опасность. И когда ты рядом — я чувствую запахи, которые не должна чувствовать. Твой запах. Запах леса. Грозы. Сосновой смолы.

Я смотрел на неё. Теперь всё сходилось.

— Когда я поцеловал тебя, — сказал я, — Почувствовал что-то. Чего не было в твоём запахе раньше. Волчий дух. Слабый. Приглушённый. Но он был.

Она подняла на меня глаза.

— Ты хочешь сказать...

— Ты не совсем человек, Айрин. В тебе есть зверь. Не такой, как у меня. Он не может выйти, не может обратиться. Но он есть. Поэтому ты чувствуешь опасность. Поэтому ты чувствуешь меня.

— Значит, я... оборотень?

— Нет. Ты — нечто гораздо более редкое. Эксперименты Картеля и любовь твоей матери создали то, чего никто не ожидал. Ты уникальна.

Она долго молчала. Потом уголки её губ дрогнули.

— Как и ты, — сказала она тихо.

— Как и я.

* * *

Разговор кончился.

Тишина вернулась в комнату — но теперь она была другой. Наполненной. Словно воздух стал гуще, тяжелее, и каждый вдох давался с усилием.

Мы сидели на кровати. Она — в нескольких дюймах от меня. Тёплая. Живая. Её запах — тёплый, густой, обволакивающий — проникал под кожу. Волосы растрепались, выбились из пучка и падали на плечи. На щеке — пятнышко сажи от свечи. Я хотел стереть его. Хотел прикоснуться. Хотел...

Волк внутри зарычал. Не агрессивно. Требовательно. Жадно. Я почувствовал, как в паху тяжелеет, и сжал кулаки. Проклятье. Она только что доверилась мне. Рассказала о матери. О своей боли. А я сидел и думал о том, как хочу прижать её к этой кровати и...

— Дай посмотрю, — сказала она, потянувшись к моей повязке. — Может, опять течёт. Её ладонь почти коснулась моей груди.

Я вскочил.

Резко. Слишком резко. Она вздрогнула, отдернула руку. Я отошёл к окну и встал спиной к ней, упираясь ладонями в ледяное стекло. Холод обжёг пальцы. Это помогло — но ненадолго. Плечи напряглись. Дыхание стало тяжёлым, рваным.

— Дарий? — её голос позади. — Что случилось?

Я не оборачивался. Не мог.

— Не прикасайся ко мне, Айрин.

— Что? — она встала с кровати. Я услышал, как скрипнули половицы. — Что случилось? Ты только что защищал меня, чуть не умер, а теперь... что за грубость?!

Я слышал в её голосе обиду. Непонимание. Она действительно не понимала.

Я упёрся лбом в ледяное стекло. Холод обжёг кожу, но не остудил.

— Ты не понимаешь, — мой голос был низким, хриплым. — Я не могу. Больше не могу. Когда ты рядом — мой контроль ломается. Когда ты касаешься меня — волк рвётся наружу. Я не хочу тебя напугать. Не хочу навредить.

Я повернулся.

Медленно. Плечи всё ещё были напряжены. Грудь вздымалась — тяжёлое, частое дыхание. И когда наши взгляды встретились, я знал — она видит. Видит, как горят мои глаза. Янтарные. Волчьи. Опасные.

— Ты должна знать, — сказал я отдельно. — Если ты прикоснёшься ко мне сейчас — я уже не остановлюсь.

Пауза. Длинная. Звенящая. Она стояла в шаге от меня. Босая. С распущенными волосами. Смотрела мне в глаза. И я видел — она не боится.

— Я лучше уйду, — сказал я и шагнул к двери.

Я сделал шаг. И услышал за спиной её дыхание — частое, неровное. Она не окликнула меня. Но я чувствовал её взгляд. Он жёг спину, как пламя.

Глава.17

ПЛАМЯ

Я уже взялся за дверную ручку, когда она заговорила.

— А если я не просила тебя останавливаться?

Её голос прозвучал тихо, но в тишине комнаты он ударил меня, как пощёчина. Я замер. Спиной к ней. Пальцы сжали холодный металл ручки так, что побелели костяшки.

— Что ты сказала? — мой голос был низким, хриплым. Я не узнал его.

— Ты слышал.

Я медленно повернулся. Она стояла посреди комнаты — босая, с распущенными волосами, в простой тёмной футболке и джинсах. Свечи на подоконнике дрожали, и их свет золотил её кожу, зажигал искры в янтарных глазах. Она смотрела на меня прямо. Без страха. Без колебаний.

— Айрин. — Я смотрел на неё, и волк внутри меня рвался с цепи. — Ты не понимаешь, о чём просишь. Я не смогу остановиться. Я не смогу быть нежным. Я...

— Я не прошу тебя останавливаться. — Она сделала шаг ко мне. Ещё один. Подошла так близко, что я почувствовал тепло её тела, её запах — тёплый, густой, обволакивающий. — Я прошу тебя остаться.

Она смотрела мне в глаза. Янтарь в янтарь. И я видел: она не боится. Она знает, на что идёт. Знает — и выбирает это.

Что-то внутри меня сломалось. То, что держало меня неделями. То, что заставляло сжимать кулаки и упираться лбом в ледяное стекло, когда она была рядом, чтобы хоть как-то остудить свой пыл. Контроль рухнул.

Я схватил её.

Одной рукой — за талию, дёрнул к себе, вжал в своё тело. Другой — за затылок, запутавшись пальцами в волосах. И поцеловал. Голодно. Глубоко. Отчаянно. Так, как будто это был последний поцелуй в моей жизни.

Она ответила сразу. Без секундной задержки. Её губы приоткрылись, и я почувствовал её вкус — терпкий, тёплый, сводящий с ума. Её руки легли на мои плечи, скользнули вверх, обвили шею. Она прижималась ко мне всем телом, и я чувствовал каждую линию, каждый изгиб.

Я не мог больше ждать.

* * *

Я подхватил её.

Она была лёгкой — невесомой почти, — и я усадил её на широкий подоконник. Подушки полетели на пол. Жестяная банка со свечой опрокинулась, но пламя погасло не сразу — оно замигало, затрепетало, отбрасывая на стены дрожащие тени. Плед сбился в сторону. Я не замечал ничего. Я видел только её.

Мои руки скользнули под её футболку. Ткань натянулась, затрещала по швам — я не заботился о сохранности. Я хотел её. Хотел чувствовать её кожу под своими ладонями. Футболка полетела на пол. За ней — джинсы, которые я стянул одним резким движением. Она помогла мне — приподнялась, высвободила ноги. И вот она сидела передо мной в одном белье, и свет свечей рисовал на её теле золотые узоры.

Я замер.

Действительно замер. Просто стоял и смотрел. Её плечи — хрупкие, покатые. Грудь, прикрытая тонким кружевом, — высокая, нежная. Талия — тонкая, изгибающаяся под моими

ладонями. Бёдра — округлые, гладкие. Она была красива. Не той красотой, что на обложках журналов, — другой. Живой. Настоящей. Моей.

— Ты прекрасна, — выдохнул я.

Она чуть улыбнулась — уголками губ, всё ещё дрожащих после поцелуя. Её щёки порозовели, но она не отводила взгляда. Она позволяла мне смотреть.

Я провёл ладонями по её телу. Медленно. Изучая. От плеч — к груди. Пальцы скользнули под кружево, и я услышал, как она вздохнула — прерывисто, часто. Мои губы опустились к её шее. Я целовал её там, где билась жилка, — быстро, горячо. Спустился ниже. Ключица. Грудь. Я стянул бельё, и она осталась обнажённой, и я припал губами к её соску. Она выгнулась навстречу, вцепилась пальцами в мои плечи. Её дыхание стало громким, рваным.

Волк внутри меня зарычал — низко, утробно, довольно. Ему было хорошо. Ему было правильно. Она наша.

Я наклонился, подхватил её под ягодицы и притянул к себе. Её ноги обвили мои бёдра. Она была так близко — горячая, влажная, готовая. Я чувствовал это. Чувствовал, как она дрожит. Чувствовал, как её пальцы впиваются в мою спину, оставляя следы.

— Ты моя, Айрин, — прошептал я, глядя ей в глаза. — Моя.

— Твоя, — выдохнула она.

Я вошёл в неё.

Медленно. Потому что не хотел сделать больно. Потому что хотел запомнить этот момент — её расширенные глаза, приоткрытые губы, тихий вскрик. Она была узкой, тугой, и я чувствовал, как её тело принимает меня, обхватывает, сжимает. Одно долгое, плавное движение — и я внутри полностью. До конца. До упора.

Я замер. Дал ей привыкнуть. Прислонился лбом к её лбу. Наши глаза встретились — янтарь в янтарь. Я видел в её зрачках отражение свечного пламени. Чувствовал её дыхание на своих губах. Слышал, как бьётся её сердце — быстро, часто, в унисон с моим.

— Всё хорошо? — прошептал я. Голос сорвался.

— Да, — она улыбнулась — немного растерянно, немного счастливо. — Да.

И тогда я начал двигаться.

Сначала медленно. Плавно. Она подстроилась под мой ритм, и вскоре её бёдра двигались навстречу моим. Её руки обвивали мою шею. Её губы прижимались к моему плечу, к шее, к щеке — быстрые, горячие поцелуи. Я чувствовал её всю. Её запах. Её тепло. Её дрожь.

Темп нарастал. Медленные, глубокие толчки сменялись быстрыми, резкими. Она вскрикивала — тихо, коротко — при каждом движении. Её ногти впивались в мою спину. Мои ладони сжимали её бёдра, направляя, притягивая ближе, ещё ближе. Подоконник скрипел под нами. Пламя свечей металось. Где-то за окном выла метель, но я не слышал её. Только её дыхание. Только её стоны. Только стук наших сердец.

Я чувствовал, как развязка приближается. Жар в паху скручивался в тугую спираль. Мышцы напряглись до предела. Я двигался быстрее, глубже, жёстче — и она отвечала тем же, подаваясь навстречу, выкрикивая моё имя. Дарий. Дарий. Дарий.

И в этот момент волк внутри меня взревел.

Я почувствовал, как мои клыки удлинились. Как челюсть хрустнула, выдвигаясь вперёд. Я наклонил голову и вонзил клыки в изгиб её шеи — туда, где плечо переходит в шею. Не чтобы сделать больно. Чтобы отметить. Навсегда.

Она вскрикнула. Но не от боли — от наслаждения. Её тело содрогнулось, выгнулось в моих руках, и я почувствовал, как она достигла вершины — одновременно со мной. Горячая волна прокатилась по моему телу, взорвалась в паху, и я излился в неё с глухим, утробным рыком. До последней капли. До дрожи в коленях.

Тишина.

Только дыхание. Наше дыхание — частое, рваное, постепенно выравнивающееся. Только вой метели за окном. Только треск догорающих свечей.

Я всё ещё был в ней. Она всё ещё обнимала меня. Мы сидели так — на подоконнике, среди сбитых подушек и опрокинутых свечей, — и не могли разжать объятий.

Я провёл ладонью по её волосам. Поцеловал в висок. В уголок губ. В место укуса на шею — туда, где уже проступала алая метка.

— Прости, — прошептал я. — Я не должен был... с клыками... я не контролировал...

— Тш-ш-ш, — она прижала палец к моим губам. — Всё хорошо. Всё правильно.

Я выдохнул. И впервые за долгое время внутри была тишина. Не та, что после ритуала, — ледяная, пустая. Другая. Тёплая. Живая.

* * *

Я потянулся за пледом, чтобы укрыть её — она дрожала, хотя в комнате было тепло. И замер.

Запах.

Слабый. Металлический. Кровь. Но не моя. Её.

— Айрин, — я посмотрел на неё, и внутри всё перевернулось. — Ты... ты была девственницей?

Она улыбнулась — устало, счастливо:

— Да.

Я не мог поверить. Просто стоял и смотрел на неё, пытаюсь осознать. Она — девственница. Она отдала это мне. Первому. Единственному.

— Почему? Почему ты не сказала?

Она взяла плед из моих рук, закуталась в него. Глаза искрились.

— Когда? Когда ты бесил меня? Или когда ты поставил на место тех тварей?

— Я серьёзно, — опустил на колени перед подоконником, взял её руки в свои. — Почему я?

Она посмотрела на меня. Спокойно. Твёрдо.

— Потому что я боялась. Всегда. Все вокруг были оборотни — такие, как Рваный и его дружки. Я боялась отдаться кому-то из них. Боялась, что это будет плохой человек. Что он меня сломает. Как сломали мою мать.

— А я?

— Ты — другое дело, — она коснулась моей щеки. — Ты не ломал. Ты защищал. С первого дня.

— Но я оборотень.

— Да, — она улыбнулась шире. — Но ты — мой оборотень.

Я прижался лбом к её коленям. Просто дышал. Просто пытался справиться с тем, что творилось внутри. Она — моя. Полностью. Без остатка. И я — первый. Тот, кому она доверилась.

* * *

А потом пришла боль.

Резкая, острая — она пронзила грудь, и я вскрикнул, хватаясь за сердце. Шрам горел. Огнём. Лавой. Словно кто-то прижал раскалённое железо к моей коже.

— Дарий! — Рина вскочила, плед упал с её плеч. — Что?!

Я не мог ответить. Сорвал остатки повязок, которые она наложила всего час назад. Руна Ингуз на моей груди светилась. Слабо, пульсирующе — как сердцебиение. А потом кожа над ней треснула.

Из раны, медленно, словно выталкиваемый изнутри, вышел осколок «Ока Бури». Тот самый, что Северная Ведунья вплавил в мою плоть пятнадцать лет назад. Он выпал на пол — маленький, тёмный, похожий на остывший уголёк. Свет руны погас.

И всё изменилось.

Сначала — тишина. А потом — голос. Не слова. Не мысли. Присутствие. Тёплое. Живое. Родное. Оно заполнило пустоту, которая была во мне пятнадцать лет. Волк. Мой волк. Он вернулся.

А потом пришла сила.

Она хлынула в меня, как горная река весной. Древняя. Мощная. Сила Альфы. Сила стаи. Сила крови Волковых. Я чувствовал, как каждая клетка тела наполняется ею. Как мышцы наливаются мощью. Как зрение обостряется — я видел каждую пылинку в воздухе, каждую трещинку на потолке. Как слух расширяется — я слышал, как бьётся сердце Рины, как скрипит снег под окнами, как далеко в лесу воет одинокий волк.

Рана на боку — та, что от ножа Рваного, — затянулась на глазах. Исчезла. Даже шрама не осталось. Только чистая кожа.

— Дарий... — прошептала Рина, глядя на меня расширенными глазами. — Что случилось?

— Он вернулся, — мой голос прозвучал глухо, потрясённо. Я сам не верил в то, что говорю. — Мой волк. Он здесь. Он со мной.

Я закрыл глаза. И внутри, в темноте, увидел его. Огромный чёрный зверь с янтарными глазами. Он смотрел на меня — и я смотрел на него. И больше не было стены между нами. Не было цепей. Не было одиночества.

— Ты долго ждал, — казалось, сказал он. Или я сказал. Мы были одним целым.

Я открыл глаза. Рина стояла рядом, и её рука лежала на моём плече.

— Я чувствую, — прошептала она. — Что-то изменилось. В тебе. И во мне.

Она коснулась своей шеи — того места, куда я вонзил клыки.

— Что это? — она нащупала укус. — Здесь пульсирует. Тепло разливается.

— Метка, — я посмотрел на неё. — Я пометил тебя. Вовремя... тогда. Прости. Я не контролировал. Это инстинкт.

— Не извиняйся, — она покачала головой. — Это не больно. Я не о метке. О чувстве. Это... другое.

Она закрыла глаза. Я видел, как её лицо меняется — удивление, недоверие, восторг. Она чувствовала. Через Метку. Через связь.

— Я чувствую... , — прошептала она. — Не запах. Что-то большее. Лес. После грозы. Сосновая смола. Влажная земля. И... — она открыла глаза, и в них стояли слёзы. — Я чувствую его. Твоего волка. Он... он узнаёт меня?

— Да, — я взял её лицо в ладони, стёр большими пальцами слёзы с её щёк. — Он узнаёт тебя. Ты — его Луна. Ты — часть стаи.

Я закрыл глаза — и почувствовал её. Не запах. Не тепло. Что-то глубже. Её спокойствие. Её счастье. Оно пульсировало где-то на краю моего сознания — тёплое, золотистое. Как будто внутри меня зажглась ещё одна свеча. Связь работала в обе стороны.

— Но я не волчица, — прошептала она.

— Это неважно, — я поцеловал её в лоб. — Для него ты — своя. Ты — моя Пара. Он признал тебя.

Она улыбнулась сквозь слёзы. И вдруг рассмеялась — тихо, счастливо.

— Что? — спросил я.

— Ничего. Просто я думала, что никогда... никогда не буду частью чего-то. А теперь...

— Теперь ты — часть меня, — сказал я. — И я — часть тебя.

* * *

Позже, когда мы лежали на кровати — укрытые одним пледом, обессиленные, но счастливые, — я спросил:

— Почему ты отдала это мне, Айрин? Почему не... кому-то ещё?

Она повернулась ко мне. Её голова лежала на моём плече, волосы шекотали мою грудь.
— Потому что ты — моя пара, Дарий. Я это знала. Почти с первой встречи.

Я замер. Слова, которые я боялся произнести. Которые вертел на языке каждую секунду с первой встречи.

— Ты знала?

— Я не сразу поняла, что это такое, но почувствовала, — она говорила тихо, спокойно.
— А когда ты поцеловал меня в первый раз — что-то встало на место. То, как ты смотришь на меня. То, как ты вдыхаешь воздух, когда я прохожу мимо. То, как ты дерёшься за меня, даже когда я прошу не лезть. Я не хотела признавать. Я боялась. Но сегодня, когда ты закрыл меня собой...

Она помолчала.

— Я поняла. Это связь. И я больше не хочу ей сопротивляться.

Я смотрел на неё. На то, как свет утреннего солнца — метель наконец утихла — заливал её лицо. На то, как она улыбается — спокойно, уверенно. Она всё знала. И сделала выбор сама.

— Я люблю тебя, Айрин, — сказал я. Слова прозвучали просто. Но это была правда.

— Я знаю, — прошептала она. — Я тоже тебя люблю.

* * *

Метель утихла.

Солнце заливало комнату. Белый свет отражался от снега за окном, и в нём танцевали пылинки. Свечи на подоконнике давно догорели — только восковые лужицы остались в жестяных банках. Плед сбился в ногах кровати. На полу валялись подушки, опрокинутые свечи, её одежда.

Мы лежали, обнявшись. Её голова покоилась на моей груди — там, где больше не было шрама. Только чистая кожа. Только ровное сердцебиение. Моя ладонь лежала на её спине, и я чувствовал, как она дышит — медленно, спокойно.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь всё будет иначе, — я поцеловал её в макушку. — Я не уйду. Никогда.

— Я знаю.

Внутри меня волк довольно урчал. Не требовал. Не рвался. Просто был. Целый. Свободный. Дома.

И Рина — моя Луна — чувствовала это через Метку. Она улыбнулась, не поднимая головы. Её пальцы скользнули по моей груди — туда, где раньше была руна, а теперь — ничего. Только я.

За окном вставало солнце. Метель ушла, оставив после себя белое безмолвие. Но в этой комнате, в этой постели, в наших объятиях было тепло. И это тепло не мог растопить никакой мороз.

Глава.18

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Три дня.

Три дня, которые перевернули мою жизнь больше, чем пятнадцать лет скитаний. Три дня, когда я просыпался рядом с ней, засыпал рядом с ней и не мог поверить, что это реальность.

Каждое утро начиналось с её запаха. Тёплого, медового, обволакивающего — он проникал в меня, даже когда я ещё не открыл глаза. Я лежал и слушал, как она дышит — медленно, спокойно, — и волк внутри довольно урчал. Он был счастлив. Я был счастлив. Впервые за пятнадцать лет я просыпался не от кошмара — а от тепла. Не от крика в собственной голове — а от тихого дыхания девушки, которая спала, прижавшись щекой к моей груди.

В то первое утро я лежал неподвижно, боясь разбудить её. Солнце только начинало золотить край окна. Её волосы разметались по подушке, ресницы чуть подрагивали во сне, а губы были приоткрыты — как будто она вот-вот что-то скажет. Я смотрел на неё и думал: вот оно. То, ради чего я выжил. То, ради чего прошёл через ритуал, через пятнадцать лет заточения, через холод и яд. Ради этого мгновения.

Мы не расставались ни на одну ночь. Когда паб закрывался, и Борис поднимался наверх, мы оставались вдвоём. И каждая ночь заканчивалась одинаково: я ловил её взгляд через весь зал, она краснела, отводила глаза, но улыбалась — так, как улыбалась только мне. А потом мы поднимались в её комнату, и мир сужался до нас двоих.

Я помнил каждую деталь. Как она выгибается навстречу моим губам. Как её пальцы скользят по моей спине, оставляя дорожки тепла. Как она шепчет моё имя — тихо, прерывисто, с дрожью в голосе. Как её глаза горят янтарём в темноте, и в них — я. Только я.

Но даже днём, когда вокруг были люди, страсть никуда не уходила. Она тлела под кожей, как угли под слоем пепла. И иногда прорывалась.

На второй день я работал в подсобке — перебирал старые стулья, которые Борис просил починить. Дверь скрипнула. Я не обернулся — я чувствовал её запах. Мёд и полевые цветы. Ближе. Ещё ближе.

— Ты что-то хотела? — спросил я, не оборачиваясь.

— Просто проверить, как ты тут, — её голос прозвучал тихо, и я услышал, как щёлкнул замок.

Я повернулся. Она стояла у двери — в своей простой тёмной футболке, с раскрасневшимися щеками. Глаза горели. Она заперла дверь.

— Айрин...

— Я не могу, — выдохнула она, шагая ко мне. — Я не могу целый день делать вид, что ничего не происходит. Что я не хочу тебя.

Она врзалась в меня — всем телом, обхватила шею руками. Я подхватил её, прижал к стене. Губы встретились — горячо, жадно. Мои руки скользнули под её футболку. Кожа была горячей. Она застонала мне в губы, когда я коснулся её груди. Я чувствовал, как она дрожит. Чувствовал, как её пальцы впиваются в мои плечи. Чувствовал, как она прижимается бёдрами ко мне — ближе, ещё ближе.

— Тише, — прошептал я, отрываясь от её губ и прижимая палец к ним. — В зале посетители, нас услышат.

— Плевать.

Она расстегнула мой ремень. Её пальцы скользнули вниз. Я зарычал — низко, утробно, — и прижался лбом к её лбу. Она улыбалась — дерзко, победно. Знала, что делает со мной.

Мы не раздевались. Просто приспустили одежду ровно настолько, чтобы... Она обхватила меня ногами, и я вошёл в неё — быстро, глубоко, заглушая её стон поцелуем. Это было отчаянно. Это было украдкой. Это было невыносимо горячо. Мы двигались в тишине, прерываемой только её прерывистым дыханием, и когда она достигла вершины, то прикусила моё плечо, чтобы не закричать.

Потом, поправляя одежду дрожащими руками, она сказала:

— Я вообще-то зашла проверить, как ты тут. А получилось...

— Получилось лучше, чем проверка, — я улыбнулся уголком губ.

Она прижалась ко мне, всё ещё красная, и выскользнула за дверь. Я остался в подсобке — переводил дух, пытаясь вспомнить, какой стул я там чинил, и не улыбаться как идиот.

Волк внутри мурлыкал. Он был счастлив.

Борис замечал. Я видел, как он хмурится, глядя то на неё, то на меня. Видел, как качает головой, когда Рина слишком долго задерживается рядом со мной, делая вид, что протирает соседний стол. Но он молчал. Может быть, потому что видел: его дочь счастлива. Может быть, потому что понимал: я не причиню ей вреда.

Три дня абсолютного, невозможного, ослепительного счастья.

А на четвёртый день всё рухнуло.

* * *

Вечер начинался как обычно. Посетителей было немного — метель утихла, но город ещё откапывался из-под снега. Я разгружал бочки в подвале. Рина накрывала столы. Каждые несколько минут я ловил её взгляд, и она улыбалась мне — коротко, тайком.

— Ника обещала зайти, — сказала она, взглянув на часы. — У неё смена заканчивается в девять. Сказала, зайдёт, кофе выпьем.

— Хорошо, — кивнул я. — Повидаетесь.

Время шло. Девять. Полдесятого. Десять. Ника не появлялась. Я видел, как Рина всё чаще поглядывает на дверь, как хмурится, как покусывает губу — привычка, которая появлялась у неё, когда она волновалась. Внутри меня тоже что-то сжималось. Сначала слабо, незаметно. Потом сильнее. Волк внутри поднял голову, и я почувствовал его тревогу — ещё смутную, но уже растущую.

— Может, задержалась на смене? — предположил я.

— Она бы позвонила.

Рина набрала номер. Долгие гудки. Никто не ответил. Она попробовала ещё раз — тот же результат.

Я почувствовал, как внутри всё холодело. Волк насторожился. Предчувствие — то самое, тёмное, липкое, — поползло по спине.

— Я схожу в кофейню, — сказала Рина, хватая куртку.

— Я с тобой.

Она не спорила. И это было плохим знаком. Рина никогда не спорила, когда ей было по-настоящему страшно.

* * *

«Северная Звезда» была закрыта.

Это было неправильно. Круглосуточное заведение, работающее на лесопилку, не закрывалось никогда — ни в метель, ни в праздники, ни в выходные. А сейчас над входом не горела вывеска, и окна были тёмными. Снег у порога был примят — множеством ног. Следы вели к дороге, где виднелись отпечатки шин. Тяжёлые машины. Не меньше двух.

Рина толкнула дверь. Заперто. Она достала ключ — у неё был свой, Ника дала на случай, если нужно будет зайти в её отсутствие. Щёлкнул замок. Мы вошли.

Внутри пахло Картелем.

Я узнал этот запах сразу — химический, металлический, с примесью мускуса. Он вьелся в воздух, в стены, в разбитую посуду на полу. Кофейня выглядела так, будто здесь прошёл ураган. Перевернутые стулья. Опрокинутый кофейный аппарат. Стеклянная витрина с выпечкой разбита вдребезги. И ещё — тонкие полосы от подошв на кафеле. Маленький размер. Её размер. Она пыталась убежать — её схватили и протащили по полу. Сапоги оставили на белом кафеле длинные чёрные полосы. На светлом полу у стойки — несколько капель крови. Её запах — слабый, но отчётливый. Запах волчицы. Запах страха.

Рина застыла посреди зала. Её лицо побелело. Руки дрожали.

— Ника... — прошептала она.

Я обошёл помещение, втягивая воздух. Трое. Может, четверо. Все — оборотни. Все — из Картеля. Я чуял их след, их похоть, их злобу. Нику забрали. Схватили прямо здесь, на рабочем месте, и уволокли в ночь.

— Они забрали её, — сказал я. Голос прозвучал глухо.

Рина повернулась ко мне. В её глазах стояли слёзы — не горя, а ярости. Чистой, обжигающей.

— Зачем?! — её голос сорвался. — Зачем она им? Она просто работала! Она ничего им не сделала! Они забрали её... как мать... как всех...

— Мы найдём её, — сказал я, подходя ближе и беря её за плечи. — Слышишь? Найдём. Я обещаю.

Она уткнулась лбом в мою грудь. Плечи вздрагивали. Но она не плакала. Она сжимала кулаки и дышала — часто, рвано, как перед боем. Я знал: она будет драться за Нику.

* * *

В паб мы вернулись за полночь. Рина молчала всю дорогу, глядя прямо перед собой остановившимся взглядом. Я не лез с разговорами — слова сейчас были бесполезны. Я просто держал её за руку.

Когда мы вошли, у стойки нас уже ждали.

Гектор стоял, прислонившись спиной к стене. Он был бледен как полотно. Всегда сдержанный, собранный, сейчас он выглядел так, будто постарел на десять лет за один вечер. Глаза покрасневшие. Руки дрожат. Он смотрел на нас — и в его взгляде была та же боль, что у Рины: отчаяние, смешанное с ледяной решимостью.

— Мою сестру похитили, — сказал он, и голос его был чужим. — Кристину. Ей семнадцать.

Рина ахнула. Я сжал челюсти.

— Когда?

— Сегодня. Я был в городе, уходил по делам. Вернулся домой — дверь выбита, Кристины нет. Соседи видели три чёрные машины, — он перевёл дыхание. — Это Картель.

— Нику тоже, — сказал я. — Сегодня. Из кофейни.

Гектор выругался сквозь зубы. Ударил кулаком в стену — так, что посыпалась штукатурка.

— Это не совпадение, — сказал он. — Я слышал слухи. Картель готовит аукцион. Они собирают волчиц для продажи.

— Продажи? — голос Рины дрогнул. — Как вещь? Как скот?!

— Да, — Гектор смотрел на неё, и в его глазах была та же боль, что в её. — Картель регулярно проводит закрытые аукционы. Продают волчиц богатым клиентам, слабеющим родам оборотней, которые хотят «освежить кровь». Это их бизнес. Элитный товар. Ника и Кристина — их цель. Молодые, красивые, чистые. За них дадут хорошую цену.

Я слушал его — и перед глазами вставал тот самый подвал. Клетки. Женщины с пустыми глазами, подключённые к капельницам. Таблички с номерами и датами. И девушка с голубыми

глазами — та, что угасла у меня на руках, шепча имя Сайлуса. Я не смог спасти её тогда. Но Нику и Кристину — смогу. Должен.

Волк внутри зарычал — низко, глухо. Он тоже помнил.

Рина молчала. Но я видел, как побелели её костяшки — она вцепилась в край стойки так, что ещё чуть-чуть, и дерево треснет.

— Рассказывай всё, что знаешь, — сказал я Гектору.

Он кивнул.

Глава.19

ПЕРЕД БУРЕЙ

На утро мы собрались в доме Гектора.

Он жил на окраине Сосновки — скромный двухэтажный дом, старый, но ухоженный. Когда-то здесь жила вся его семья: отец-Альфа, мать-Луна, младшая сестра Кристина. Теперь остался только он. На каминной полке стояла фотография — четверо улыбающихся людей на фоне заснеженного леса. Я отвёл взгляд. Слишком хорошо знал, каково это — смотреть на снимки мёртвых.

Когда мы вошли, в гостиной уже собрались люди. Точнее, оборотни. Человек восемь — мужчины разного возраста. Старый Тимофей — седой, сгорбленный, но с острыми, как у ястреба, глазами. Он опирался на клюку, но я чувствовал: в бою этот старик ещё покажет себя. Несколько молодых волков — плечистых, с напряжёнными лицами. Одного звали Лют, и ему было не больше двадцати — двадцати двух — светловолосый, с глазами-льдинками и сжатыми до побеления кулаками. Другого — Вадим, постарше, с длинным шрамом через щёку, молчаливый, но смотревший на Гектора с преданностью, за которую не нужно слов. Пара воинов постарше — тех, кто ещё помнил отца Гектора, кто отказался склониться перед марионеточным Альфой, поставленным Картелем. Их звали Рогдай и Север — крепкие, закалённые, с сединой на висках и старыми шрамами на руках.

— Это все, кто остался, — негромко сказал Гектор. — «Морозные Клинки». Вернее, то, что от них уцелело.

Я обвёл их взглядом. Не армия. Горстка. Но в их глазах горела решимость. Та самая, что когда-то вела меня через леса к Северной Ведунье, через пятнадцать лет заточения, через холод и яд. Они не сдались. Они ждали. И теперь у них появилась надежда.

— Это Дарий Волков, — представил меня Гектор. — Альфа «Волчьего Клыка». И его Пара, Рина Ясенева.

Старый Тимофей шагнул вперёд. Смерил меня взглядом — долгим, оценивающим. Он смотрел не на лицо — он смотрел вглубь. Я чувствовал, как его старый волк принохивается к моему. Испытывает. И через несколько секунд он, кажется, остался доволен. Потом кивнул.

— Я помню «Волчий Клык», — сказал он. Голос был скрипучим, как старое дерево. — Хорошая стая. Сильная. Ратмир Волков был великим Альфой. Если ты хотя бы наполовину такой, как он, — мы справимся.

— Я сделаю всё, — ответил я.

Гектор расстелил на столе карту города и окрестностей.

— Картель проводит аукционы регулярно, — начал он. — Раз в несколько месяцев. Они собирают «товар» — молодых волчиц, желательно без стаи, без защиты. Тех, кого не будут искать. Или тех, за кого некому заступиться. Потом выставляют на продажу. Покупатели — богатые люди, слабеющие роды оборотней, иногда даже иностранцы. За одну волчицу дают целое состояние.

— И никто их не останавливает? — спросила Рина. Её голос звенел от гнева.

— А кому останавливать? — Гектор горько усмехнулся. — Совет Стай разрознен. Альфы грызутся за территории, за выживание. Люди не лезут в дела оборотней. Картель действует безнаказанно уже много лет.

— Где будет аукцион? — спросил я.

— Этого я пока не знаю. Но знаю, у кого можно спросить. У меня есть контакты среди людей, которые работают на Картель, но ненавидят его. Они могут дать информацию. Я уже отправил запрос.

— Когда?

— Думаю, завтра-послезавтра они выйдут на связь. Аукцион обычно проводят через три-четыре дня после сбора «товара». У нас есть время — но немного.

Тимофей покачал головой:

— Штурмовать аукцион с наскока — самоубийство. Там будет серьёзная охрана. Лучшие бойцы Картеля. Возможно, сам Сайлус.

При упоминании этого имени волк внутри меня оскалился. Я вспомнил его лицо — шрам через щёку, бесцветные глаза, голос, полный холода. Вспомнил, как он стоял в дверях моей разгромленной квартиры и говорил: «Ты даже не представляешь, Волков, как долго я тебя ждал». Вспомнил нож, вошедший под рёбра, и «Эклипс», разъедавший вены. Я ничего не забыл. И если он будет там — я встречу его. На этот раз я не дам ему уйти.

— Нам нужен план, — сказал я, заставляя голос звучать ровно. — Не просто ворваться и умереть. Мы должны узнать точное место и время. Оценить охрану. Распределить роли. И ударить так, чтобы они не успели опомниться.

— Верно, — кивнул Гектор. — Сегодня отдыхаем. Завтра я жду вестей от информатора. А пока — готовим оружие.

Когда собрание закончилось, и волки разошлись по дому — кто тренироваться во дворе, кто проверять оружие, — Рина отозвала меня в сторону.

— Я иду с вами, — сказала она.

Я ожидал этого. И всё же внутри всё сжалось.

— Айрин...

— Даже не начинай, — она скрестила руки на груди. Её глаза сверкнули янтарём. — Это моя подруга. Моя семья. Я не останусь в стороне.

— Ты не оборотень, — сказал я тихо. — Ты не можешь драться с ними на равных. Если с тобой что-то случится...

— Со мной уже случалось, — она шагнула ближе. — Я выжила. Я справлюсь.

Я молчал. Смотрел на неё — на её упрямый подбородок, на сжатые кулаки, на упрямство в глазах. Она была готова. Я знал это. Но я только что обрёл её. Только что. Три дня — и целая жизнь. Если я потеряю её сейчас...

— Айрин, — я взял её за плечи. Мягко. Осторожно. — Послушай меня. Ты — самое дорогое, что у меня есть. Ты — моя Пара. Моя Луна. Если с тобой что-то случится, я не переживу этого. Понимаешь?

— А если с тобой что-то случится? — её голос дрогнул. — Ты думаешь, я переживу?

— Со мной ничего не случится, — я коснулся её щеки. — У меня есть волк. Я — Альфа. Я пройду через любую охрану и вернусь к тебе. Но я смогу это сделать, только если буду знать, что ты в безопасности.

Она хотела возразить. Я видел это по её глазам. Но я продолжил:

— Ты — не обуза. Ты — мой якорь. Ты — то, ради чего я буду драться и возвращаться. Но там, на аукционе, ты будешь отвлекать меня. Я буду защищать тебя, а не сражаться. Пойми.

Она молчала. Долго. Кусала губу. Потом выдохнула — длинно, прерывисто.

— Ты обещаешь, что вернёшься?

— Обещаю.

— И Нику спасёшь?

— Спасу. Обоих.

Она смотрела на меня. И я видел, как упрямство в её взгляде сменяется страхом. Не за себя. За меня.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я останусь в пабе. Но если ты не вернёшься — я пойду за тобой. И никакие уговоры меня не остановят.

— Я вернусь, — сказал я. — Обещаю.

Я обнял её. Прижал к себе. Вдохнул её запах — медовый, тёплый, единственный. Запах дома. Запах, ради которого я вернусь. Волк внутри тихо заскулил. Он не хотел оставлять её. Но он понимал: это необходимо.

Остаток дня прошёл в подготовке.

Я провел Айрин в паб, а сам вернулся в дом Гектора.

Он принёс карты, разложил на столе. Мы обсуждали маршруты, оценивали возможные места проведения аукциона. Старый Тимофей вспоминал, где Картель проводил свои мероприятия раньше: заброшенные заводы, частные поместья за городом, старые бункеры времён войны. Каждый вариант мы разбирали по косточкам: подъездные пути, возможная охрана, пути отхода. Это была привычная работа — так я готовил каждый контракт в «Корпусе С». Только ставки теперь были выше.

Лют и Вадим тренировались во дворе. Я смотрел на них через окно — Лют отрабатывал удары на деревянном столбе, Вадим поправлял его стойку. Рогдай и Север проверяли оружие — старые охотничьи ружья, ножи, даже пара пистолетов. Арсенал был скромным, но мы собирались использовать каждый ствол.

— Нам нужно больше людей, — сказал я Гектору.

— Знаю, — он кивнул. — После аукциона, когда мы освободим Кристину и Нику, многие увидят, что Картель можно бить. И тогда к нам присоединятся другие.

— Если мы выживем.

— Если мы выживем, — согласился он. — Но мы — Альфы. Мы не умираем просто так.

Он улыбнулся — впервые за весь день. Я ответил тем же. Мы оба понимали: нас мало, наши стаи почти уничтожены, но мы ещё живы. И пока мы живы — есть надежда.

— Такие, как мы, должны держаться вместе, — сказал я.

— Иначе нас сожрут поодиночке, — закончил он.

Это словно уже был наш девиз. Мы пожали руки. Союз был заключён.

Вечером я вернулся в паб. Рина ждала меня. Она сидела за стойкой, глядя на дверь, и когда я вошёл, в её глазах вспыхнуло облегчение. Она бросилась ко мне, обняла. Мы стояли так — долго, молча, — и я чувствовал, как бьётся её сердце.

— Завтра Гектор получит информацию, — сказал я. — И потом мы выступаем.

— Я буду ждать, — сказала она. — И молиться.

— Я вернусь.

Я поднял её на руки и понёс наверх. Этой ночью мы любили друг друга отчаянно, как будто в последний раз. Я целовал каждый дюйм её тела, запоминал каждый изгиб, каждый вздох. Она прижималась ко мне так, словно хотела врасти в мою кожу, стать частью меня — хотя и так была наполнен ею. На пике она прошептала моё имя — и в этом шёпоте была молитва. Обещание. Я ответил ей тем же. Мы не говорили о завтрашнем дне. Мы просто были вместе. И этого было достаточно.

Хотя я знал: у нас впереди ещё целая жизнь. И я сделаю всё, чтобы так и было.

Глава.20

АУКЦИОН

Информатора нашли на окраине города, в дешёвом мотеле, где он прятался уже вторые сутки.

Гектор вычислил его через старые связи — когда-то этот оборотень по имени Шрам служил в «Морозных Клинках», но после переворота переметнулся к Картелю. Не из верности — из страха. Таких, как он, было много: слабые духом, сломленные, запуганные. Они не были злодеями. Они были крысами, бегущими с корабля. Но сейчас эта крыса могла спасти две жизни.

Мы вошли в номер без стука. Гектор вышиб дверь плечом, и Шрам, дремавший на проваленной кровати, подскочил как ужаленный. Глаза бегали, пальцы дрожали. Он узнал Гектора сразу — и побледнел.

— Северов... — прошептал он. — Ты... я думал, тебя уже...

— Убили? — Гектор усмехнулся, но усмешка была невесёлой. — Пока нет. Но ты можешь помочь мне остаться в живых. И себе заодно.

— Я ничего не знаю...

Я шагнул вперёд. Шрам перевёл взгляд на меня — и осёкся. Он увидел мои глаза. Почуял запах. Альфа. Древняя кровь. Сила, которая не нуждается в демонстрации.

— Сядь, — сказал я.

Он сел. Ноги подкосились сами собой. Я не рычал. Не угрожал. Просто смотрел — прямым, давящим взглядом из-под низких бровей. И этого было достаточно.

— Аукцион, — сказал я. — Где? Когда?

— Я не могу... они убьют меня...

— А я — убью сейчас, — мой голос был ровным. — Разница в том, что у тебя есть шанс уйти от меня живым. От них — нет. Говори.

Он сломался через минуту.

— Загородный особняк, — затараторил он, захлёбываясь словами. — Бывшее поместье Стальных, к северу от города. Там уже всё готово. Съезд гостей завтра вечером. Основной аукцион — послезавтра, в полночь. Будет много охраны. Лучшие люди Сайлуса. И сам он, наверное, будет. Он всегда приезжает на крупные торги.

— Кто будет из товара?

— Девушки. Пять или шесть. Две недавно привезли — одна из Сосновки, другая откуда-то из города. Ещё три или четыре из других мест.

— Имена.

— Я не знаю имён! — взмолился он. — Клянусь! Мне не докладывают. Я просто слышал разговоры...

Я смотрел на него. Запах пота, страха, лжи — но лжи не было. Он говорил правду. По крайней мере, то, что знал.

— Особняк Стальных, — повторил Гектор. — Знаю это место. Старое, огромное, с подвалами. Идеально для такого дерьма.

— Когда выезжаем?

— Завтра на рассвете. Нужно подготовиться.

Я кивнул. Потом снова посмотрел на Шрама.

— Ты исчезнешь из города. Сегодня же. Если я узнаю, что ты предупредил Картель — я найду тебя. Где угодно.

— Я исчезну! — закивал он. — Уже исчез!

Мы вышли. Ночь была морозной, звёздной. Гектор выдохнул облако пара.

— Ты ему веришь?

— Верю, что он напуган. **А напуганный предатель не врёт.**

— Значит, послезавтра.

— Послезавтра, — подтвердил я. — У нас есть два дня.

* * *

Последняя ночь перед штурмом была нашей.

Я вернулся в паб, когда Рина уже закрыла зал. Она сидела за стойкой, глядя на догорающие свечи, и ждала меня. Увидев, что я вошёл, она встала и подошла — медленно, плавно, — и обвила руками мою шею.

— Ну что? — спросила она, заглядывая в глаза.

— Послезавтра, в полночь. Особняк Стальных. Мы знаем, где они.

— Ты спасёшь их?

— Спасу.

Она кивнула. Не спрашивала больше ни о чём. Просто прижалась ко мне, и я почувствовал, как бьётся её сердце — быстро, тревожно.

— Я хочу, чтобы ты осталась здесь, — сказал я. — Закрой паб. Не выходи никуда. Если что-то случится...

— Я знаю, — перебила она. — Я буду ждать тебя здесь. В нашей комнате. И молиться, чтобы ты вернулся.

Она взяла меня за руку и повела за собой. В ту ночь мы не спали почти до рассвета.

Это была не просто близость. Это была ярость. Страсть, которую мы выплёскивали друг в друга, потому что не знали, что будет завтра. Я целовал её так, будто хотел запомнить вкус её губ навсегда. Она отвечала с той же отчаянной силой. Мы не могли насытиться. Не могли оторваться друг от друга. Каждое прикосновение горело. Каждый стон отдавался дрожью в моей груди. Её пальцы впивались в мою спину, оставляя следы, а губы шептали моё имя — снова и снова, как заклинание.

Волк внутри меня рычал — не от голода. От полноты. От силы. Близость с Парой наполняла его мощью. Я чувствовал, как энергия перетекает от неё ко мне и обратно, как связь через Метку становится крепче, ярче, нерушимее. Она была моим источником. Моим якорем. Моим огнём.

Под утро она уснула в моих объятиях — усталая, счастливая, с улыбкой на губах. Я лежал и смотрел на неё. На то, как светлеет небо за окном. На то, как снег искрится в первых лучах. На то, как она дышит — тихо, спокойно. Я не знал, что это наша последняя мирная ночь. Но волк внутри меня уже чувствовал что-то. Какую-то тень на горизонте. Какое-то приближающееся зло.

Я отогнал эти мысли. Прижал её ближе. Закрыв глаза.

Завтра мы идём в бой.

* * *

Утром она провожала меня у двери.

На ней был мой свитер — тот самый, который дал Макар. Слишком большой, он свисал с её плеч, и она казалась в нём трогательной, хрупкой. Но глаза горели твёрдо.

— Я вернусь, — сказал я, беря её лицо в ладони.

— Только попробуй не вернуться.

Я поцеловал её. Долго. Крепко. Вложил в этот поцелуй всё, что не мог сказать словами. Она ответила тем же.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

— Я люблю тебя, Айрин. Больше жизни.

Я вышел. Дверь закрылась за мной. И я не оглянулся — потому что если бы оглянулся, то, возможно, остался бы.

Особняк Стальных стоял в глухом лесу, в часе езды от Сосновки.

Когда-то это было родовое гнездо — величественное, с колоннами, с мраморными лестницами, с зимним садом. Теперь он принадлежал Картелю. Окна были затемнены. Ворота охранялись. У подъездной аллеи выстроилась вереница дорогих машин — гости съезжались к полуночи.

Мы лежали в снегу на опушке леса и наблюдали. Гектор, я и восьмеро верных волков — все, кто был готов драться. Против нас — два десятка охранников, сигнализация, вооружённые люди и, возможно, сам Сайлус.

— Не густо, — прошептал Гектор.

— Справимся, — ответил я. — Главное — внезапность.

Мы ждали, пока гости войдут в особняк. Когда последняя пара скрылась за дверями, я кивнул. Пора.

Мы ударили с двух сторон.

Я обратился первым — огромный чёрный волк, **в котором теперь, после воссоединения, было больше десяти пудов чистой ярости.** Гектор — рядом, русский, поджарый, но не менее смертоносный. Двое Альф, работающих как единый механизм.

Охрана у ворот не успела даже вскрикнуть. Мы снесли их, как лавина. Гектор перемахнул через ограду, я — за ним. Наши волки следовали за нами.

Внутри начался хаос.

Гости в вечерних нарядах кричали, разбегались, опрокидывая столы с шампанским. Охранники хватались за оружие, но мы были быстрее. Я рвал их, не останавливаясь, — удар лапы, укус, бросок. **На мраморных полах оставались тёмные лужи.** Крики смешивались с рычанием.

А посреди всего этого — подиум.

Я увидел его, когда прорвался в главный зал. Сцена, залитая светом софитов. И на ней — девушка. Совсем юная, бледная, в дорогом платье, которое явно было надето на неё насильно. Она стояла как статуя — замороженная страхом, — а перед ней сидели люди в вечерних нарядах и поднимали таблички с номерами.

Торги.

Они торговали ею. Как вещь. Как скотом.

Ярость захлестнула меня. Я прыгнул на сцену, сбил охранника, который пытался увести девушку, и встал над ней. Мой рык разнёсся по залу так, что задрожали люстры. Гости бросились врассыпную. Торги закончились.

— Гектор! — рявкнул я, возвращаясь в человеческую форму. — Уводи её! И остальных — в подвале!

Он уже был там. Кристина, его сестра, сидела в клетке в подвале вместе с тремя другими волчицами. Они были живы. Напуганы, измучены, но живы. Их пока не успели выставить на подиум.

Но Ники среди них не было.

Я обыскал каждую клетку, каждый закуток подвала. Пусто. Ника исчезла.

— Где она? — я схватил за шкуру одного из служащих Картеля, который пытался спрятаться за бочками. — Где девушка из Сосновки? Блондинка. Волчица.

— П-продали... — пролепетал он, заикаясь и дрожа. — Ещё вчера... кажется... первый лот... я не знаю кто, клянусь... кто-то не местный, откуда-то издалека... я не видел документов... её сразу увезли, сразу...

Я отшвырнул его. Ударил кулаком в стену. Камень треснул.

Опоздал. Мы опоздали. Нику продали. Она исчезла — и кто знает, где она теперь. Я обещал Рине спасти её. Я не смог.

Гектор положил руку на моё плечо.

— Мы спасли Кристину. И троих других. Это победа.

— Этого мало.

— Знаю. Но это всё, что мы могли сделать сегодня. Остальное — позже.

Я выдохнул. Он был прав. Но легче от этого не становилось.

И тогда пришла боль.

Не моя. Чужая. Она пронзила меня через Метку — острая, ледяная, парализующая. Я схватился за грудь. Волк внутри взвыл.

Рина.

Что-то случилось. Там, в пабе. С ней. Опасность. Страх. Боль. Я чувствовал всё это через связь, и это было страшнее любой раны.

— Дарий? — Гектор нахмурился. — Что?

— Рина, — выдохнул я. — Она в опасности. Я должен вернуться.

— Я с тобой.

— Нет. Заканчивай здесь. Уводи спасённых. Я — один.

Я не стал ждать ответа. Я обратился в волка на бегу — быстрее, чем когда-либо, — и помчался сквозь ночной лес. Деревья мелькали мимо. Снег летел из-под лап. Ветер выл в ушах. Но я не чувствовал холода. Я чувствовал только её. Её страх. Её боль. Её надежду, которая ещё теплилась где-то там, на другом конце связи.

Я иду, Айрин. Держись. Я иду...

Глава.21

УДАР В СПИНУ

РИНА

Я сидела на кровати и смотрела на пламя свечи.

Она уже почти догорела — остался крохотный огарок в жестяной банке, — но я не зажигала новую. В темноте было легче. Темнота успокаивала. Она скрывала пустоту на той стороне кровати, где ещё прошлой ночью лежал он.

Дарий.

Мой волк. Мой Альфа. Мой мужчина.

Я никогда не думала, что скажу эти слова. Что буду сидеть вот так, в нашей комнате, и ждать. Что моё сердце будет биться где-то там — в ночном лесу, среди снега и крови, — вместе с ним.

Я вспоминала, как впервые увидела его. Высокий, мрачный, измождённый, с тяжёлым взглядом из-под низких бровей. Он стоял в дверях паба, и от него за версту разило зверем. Оборотень. Ещё один. Я тогда подумала: «Только не это. Только не снова». Я хотела, чтобы он ушёл. Хотела ненавидеть его, как ненавидела всех остальных.

Но он не ушёл.

Он остался. Молчаливый. Упрямый. Он таскал бочки, колот дрова, чинил стулья. Он защитил меня от Рваного, даже не зная, кто я. Он смотрел на меня так, что внутри всё переворачивалось, — и я ненавидела его за это ещё больше. За то, что он заставлял меня чувствовать. За то, что он пробивал мою броню.

Я помню тот вечер, когда он впервые поцеловал меня. Я ответила. На секунду. А потом убежала. Я боялась. Боялась того, что творилось внутри. Боялась, что он такой же, как все они. Что он сломает меня, как сломали мою мать.

Но он не сломал. Он ждал. Он был терпелив, как горы.

А потом пришла та ночь — ночь метели и крови. Он вылетел во двор, даже не думая. Он убил их. Тройх. И когда он упал в снег с ножом в боку, я поняла: этот мужчина — не просто оборотень. Он — моя Пара. Моя судьба. Мой дом.

Я коснулась метки на шее. Тёплая. Пульсирующая. Связь работала. Он был жив. Я чувствовала его — слабо, на грани сознания: его напряжение, его решимость, его ярость. Он был в бою. Там, далеко, в загородном особняке, он дрался. И часть меня была там с ним.

«Возвращайся, — прошептала я. — Пожалуйста, возвращайся».

Я опустила ладонь на его подушку. Она ещё хранила его запах — лес после грозы, сосновая смола, влажная земля. Я закрыла глаза и позволила себе на секунду представить, что он рядом. Что его руки обнимают меня. Что его голос шепчет моё имя — низко, хрипло, так, как никто никогда не произносил.

А потом внизу раздался грохот.

Дверь вышибли с одного удара. Я услышала, как она слетела с петель и рухнула на пол.

Сердце подскочило к горлу. Я вскочила с кровати, схватила нож — тот самый, что всегда лежал на тумбочке, — и выбежала на лестницу.

Зал был полон.

Люди в чёрном — много, целая толпа. Они заполнили паб, переворачивая столы, разбивая посуду, раскидывая стулья. На их одежде — герб: чёрное солнце, пронзённое копьём. Картель. Я знала этот герб. Я ненавидела его всю свою жизнь.

А посреди зала стоял человек. Высокий. Сухощавый. Лицо пересекал уродливый шрам — от виска до подбородка, наискосок. Глаза — холодные, бесцветные, как декабрьский лёд. И улыбка. Страшная. Почти ласковая.

Сайлус.

Я узнала его сразу. Дарий описывал его — Ловчий Картеля, тот, кто убил его отца, тот, кто отравил его «Эклипсом». Тот, кто охотился за ним пятнадцать лет. И теперь он стоял здесь, в моём доме.

— Айрин Ясенева, — произнёс он, и моё имя в его устах прозвучало как грязь. — А я всё думал: что же такого особенного в этом вшивом пабе? Почему наследник «Волчьего Клыка» застрял в этой дыре? А теперь вижу.

Его взгляд скользнул по моей шее. Туда, где алела метка. И я увидела, как его улыбка стала шире.

— Я так и знал. Ты — его Пара. Идеально.

— Убирайтесь, — мой голос дрожал, но я заставила себя говорить твёрдо. — Все.

Сайлус рассмеялся. Мягко. Почти добродушно. И от этого смеха мне стало по-настоящему страшно.

— Ты не понимаешь, девочка. Это не просьба. И не угроза. Это констатация факта. Твой волк сейчас далеко. Он штурмует мой аукцион. — Он помолчал, наслаждаясь моим лицом. — Я знал, что так будет. Я сам подкинул информацию. Думаешь, Шрама просто так нашли? Это была приманка. И он клюнул.

У меня всё похолодело внутри. Приманка. Это всё была ловушка. Аукцион, информатор, особняк — всё было подстроено, чтобы увести Дария из паба. Чтобы оставить меня одну.

— Твои дружки в переулке, — продолжал Сайлус, медленно прохаживаясь по залу, как хозяин, — Рваный и его компания. Они должны были проверить. Просто проверить, действительно ли Волков станет защищать какую-то человеческую девку. А он убил их. Всех троих. И тогда я понял: это не просто девка. Это его Пара.

Он остановился прямо передо мной. Я сжимала нож, но рука дрожала.

— Ты пойдёшь со мной, — сказал он. — Живой. Ты нужна мне как приманка. Как рычаг. Когда Волков вернётся и увидит, что тебя нет, он придёт за тобой. Он будет в ярости. Он потеряет контроль. И тогда я возьму его. И тебя. И завершу то, что начал пятнадцать лет назад.

— Нет.

Я ударила.

Нож рассёк воздух — я целилась в горло, в то место, где под шрамом билась жилка. Но он был быстрее. Гораздо быстрее. Его рука перехватила моё запястье, сжала, вывернула — и нож со звоном упал на пол. Второй рукой он схватил меня за волосы и дёрнул назад, запрокидывая голову.

— Смело, — прошептал он мне на ухо, и я почувствовала его дыхание на своей коже. — Но глупо. Уведите её.

— Рина! — голос отца раздался с лестницы. Папа, бледный, с искажённым от ужаса лицом, бежал вниз. — Не трогайте мою дочь!

Один из людей Сайлуса — огромный, с бычьей шеей — отшвырнул его, как тряпичную куклу. Папа ударился головой о край стойки и рухнул на пол без звука.

— Папа! — я закричала, вырываясь. — Папа, нет!

— Не волнуйся, — Сайлус пожал плечами. — Он жив. Пока. А теперь — идём.

Меня потащили к выходу. Я кричала. Билась ногами, пыталась вырвать руки, царапалась. Но их было слишком много. Слишком сильных. Они волокли меня через разгромленный зал, через осколки посуды и перевёрнутые стулья.

Последнее, что я увидела, — это наш зал. Наш паб. Место, где я выросла. Место, где я встретила его. Теперь он был разрушен. Огарок свечи, упавшей со стойки, ещё дымился на полу, и его слабый дымок поднимался к потолку, как последний вздох.

Дарий. Где ты?

И в этот момент я почувствовала — через метку, через связь, через самое сердце — ответ. Не слова. Ощущение. Ярость. Мощь. И голос. Его голос.

Я иду.

* * *

ДАРИЙ

Я добежал до паба за час.

Но было уже поздно.

Дверь валялась на полу с сорванными петлями. Окна разбиты. Изнутри пахло кровью, страхом и — главное — Сайлусом. Его запах я узнал сразу. Химия. Металл. Смерть.

Я ворвался внутрь. Зал был разгромлен. Столы перевернуты. Посуда разбита. На полу — кровь. И у стойки, скорчившись, лежал Борис. Он был жив — я слышал его сердцебиение, слабое, но ровное. Я бросился к нему, приподнял его голову.

— Борис. Борис, очнись.

Он открыл глаза. Взгляд мутный, расфокусированный. На виске — кровь.

— Дарий... — прошептал он. — Он забрал её. Сайлус. Я пытался... я не смог...

— Я найду её. Обещаю.

— Спаси её... — его глаза снова закрылись. Он потерял сознание.

Я проверил его пульс. Жить будет. Но я не мог терять ни минуты. Рина была там, в руках Сайлуса. Каждая секунда промедления могла стоить ей жизни.

Я осторожно опустил его на пол. Поднялся. И внутри меня что-то сломалось.

Рина. Моя Пара. Моя Луна. В руках Сайлуса. Того, кто убил моего отца. Того, кто отравил меня «Эклипсом». Того, кто пятнадцать лет охотился за мной. Теперь у него была она.

Волк внутри меня взревел.

Ярость. Чистая, незамутнённая, всепоглощающая ярость. Она поднималась из глубин, которых я не знал. Она жгла сильнее «Эклипса». Она разрывала меня изнутри.

Я упал на колени. И начал меняться.

Это было не обычное обращение. Это была мутация. Боль — но я не чувствовал её. Кости хрустели, мышцы перестраивались, кожа трескалась, выпуская чёрную шерсть. Мои челюсти выдвигались вперёд, клыки удлинялись, когти прорезались сквозь пальцы. Но я не становился волком. Я застыл где-то между — огромный, жуткий, стоящий на задних лапах, как человек, но с мордой зверя, с янтарными глазами, горящими безумным огнём.

Ни зверь, ни человек. Нечто среднее. Чудовище, рождённое яростью и болью.

Гектор, который появился в дверях, отшатнулся.

— Дарий... что с тобой?!

Я не ответил. Я не мог говорить. Всё, что я мог, — это рычать. И чувствовать. Метка Рины — там, в её плоти, там, где мои клыки вонзились в ту ночь, — пульсировала во мне горячей точкой. Я чувствовал её биение, как второе сердце. Рина была жива. Она была где-то там. И она звала меня.

Не словами. Связью. Кровью. Душой.

Я найду тебя, Айрин. Чего бы это ни стоило.

Глава.22

ПО СЛЕДУ

Я бежал через ночной лес.

Огромный чёрный волк, несущийся сквозь снежную целину. Лапы утопали в сугробах, но я не замедлялся. Холодный воздух врвался в лёгкие и вырвался наружу облаками пара. Ветки хлестали по морде, но я не чувствовал боли. Я не чувствовал ничего, кроме неё.

Метка пульсировала в моей груди — горячая, живая, неумолимая. Как второе сердце. Как компас, стрелка которого всегда указывала на неё. Я закрыл глаза на бегу — и увидел её. Не глазами. Связью. Она была там, в темноте. Я чувствовал её страх — горький, острый, как полынь. Чувствовал её дыхание — частое, рваное. Чувствовал, как колотится её сердце — маленькое, упрямое, не сдающееся. Она была напугана. Но она не была сломлена. Моя Пара. Моя Луна. Моя воительница.

Я иду, Айрин. Держись. Я уже близко.

Запах Сайлуса становился сильнее. Химия. Металл. И ещё что-то — гнилое, болезненное. Так пахнет разложение. Так пахнет «Эклипс», пожирающий того, кто его принимает. Я чувствовал этот запах ещё там, в своей квартире, когда отравленный клинок вошёл под рёбра. Но тогда он был острым, концентрированным. Сейчас — разлитым, фоновым, вьёвшимся в самую суть Ловчего. Он был отравлен не одним ударом. Он был отравлен годами. И его запах вёл меня так же верно, как метка вела к Рине.

Лес кончился. Я выскочил на опушку и остановился, тяжело дыша.

Впереди, в низине, стоял особняк. Старый, каменный, с тёмными провалами окон. Когда-то он был чьим-то домом — возможно, дворянским гнездом, — но теперь от него веяло только холодом и смертью. Крыльцо осело, колонны потрескались, а на фронтоне ещё виднелся выцветший герб — не Картеля, старый, стёртый временем. Те, кто жил здесь раньше, давно исчезли. Теперь это было логово. Тёплый свет горел в нескольких окнах на втором этаже. Охрана — я чувствовал их, шестерых, — рассредоточилась по периметру. Ещё двое внутри. И где-то там, наверху, за одним из этих освещённых окон, была Рина.

Я втянул воздух. Её запах — медовый, тёплый, живой — пробивался сквозь вонь Картеля. Живой. Тёплый. Моя Луна.

Волк внутри меня зарычал — низко, утробно, предвкушающе. Он тоже чувствовал её. И он хотел крови. Крови тех, кто посмел тронуть нашу Пару.

Я не стал ждать. Не стал прятаться. Я вышел из леса и пошёл к воротам. В полный рост. В полной силе.

Снег скрипел под лапами. Пар от дыхания поднимался к небу. Я шёл, и земля дрожала под моим весом. Они должны были видеть меня. Должны были бояться.

Первый охранник заметил меня, когда я был уже в двадцати метрах от ворот.

Он вскинул автомат. Крикнул что-то — предупреждение или вопрос, я не разобрал. Я не слушал. Я просто прыгнул.

Двадцать метров я преодолел одним броском. Моя лапа ударила его в грудь раньше, чем он успел нажать на спусковой крючок. Он отлетел в каменную стену и сполз по ней, оставляя алый след. Второй охранник у ворот выхватил нож — длинный, с серебряным лезвием, — но я даже не замедлился. Мои челюсти сомкнулись на его запястье. Хруст костей. Крик. Нож упал в снег.

Я шёл к дому. Ворота были закрыты — стальные, кованые, массивные. Я ударил в них всем телом. Петли взвыли. Ещё удар — и створки разлетелись, слетели с креплений, рухнули в снег. Сила Альфы гудела во мне, как горная река весной. Она наполняла каждую мышцу, каждый нерв, каждый удар сердца.

Третий и четвёртый попытались остановить меня на ступенях. Я просто смёл их — одного ударом лапы в голову, второго — грудью, впечатав в перила. Дерево треснуло. Люди кричали. Я не останавливался.

Я был не просто волком. Я был карой.

Внутри особняка было темно и пахло старым деревом, пылью, страхом. Пятый охранник выскочил из-за угла с пистолетом. Он успел выстрелить дважды — одна пуля ушла в потолок, вторая оцарапала мне плечо, но я даже не почувствовал. Моя лапа впечатала его в стену, и он обмяк.

Шестой — последний — бросил оружие. Просто упал на колени и заскулил, как побитый пёс. Я прошёл мимо него. Он не был угрозой.

Лестница. Ступени. Я ступал по ним, и дерево стонало под моим весом. Запах Рины становился сильнее с каждым шагом. И вместе с ним — запах Сайлуса. Гнилой. Больной. Близкий.

Я услышал голос.

Его голос. Сайлуса. Он доносился из-за двери в конце коридора — приглушённый, но различимый. Я замер на мгновение, втягивая воздух и прислушиваясь.

— ...думаешь, он придёт за тобой? — говорил он, и в его голосе звучала улыбка. — Придёт, конечно. Он уже в пути. Я чувствую его. Чувствую, как он бежит, высунув язык. Глупый волк. Он думает, что спасёт тебя.

Я не слышал ответа Рины. Но я чувствовал её — через метку. Её страх смешивался с яростью. Она не отвечала ему. Она ждала. Меня.

Я достиг второго этажа. Дверь в конце коридора была приоткрыта. Из-под неё пробивался тёплый свет. И оттуда доносился его голос — спокойный, почти ласковый, полный яда.

Я вынес дверь с ноги.

То, что я увидел, взорвало меня изнутри.

Комната. Старая, с высоким потолком, с камином, в котором догорал огонь. На полу — разбитая бутылка. Кровь — алая, свежая, — каплями на деревянных досках. И у стены — Рина.

Её одежда была разорвана. Тёмная футболка свисала ключьями с плеча. На щеке — ссадина. Губа разбита. Но глаза — янтарные, горящие — смотрели прямо. Она не плакала. Она не молила о пощаде. В руке, сжатой добела, она держала горлышко разбитой бутылки — острый край, с которого капала кровь. Не только её.

Она ранила его. Моя Пара. Моя храбрая девочка.

Я видел её — разбитую, но не сломленную. С оружием в руке. С огнём в глазах. Она продержалась. Она не сдалась.

А над ней нависал Сайлус. Высокий, сухощавый, со шрамом через всё лицо. Его рука была занесена для удара. На предплечье — длинная рана, которую оставило её стекло. Он замер, когда я вошёл. Медленно повернул голову. И улыбнулся.

— Ты всё-таки пришёл, Волков, — произнёс он. Голос был хриплым, но спокойным. — Я знал, что ты придёшь.

Мир взорвался.

Я не помню, как пересёк комнату. Просто в одно мгновение я был в дверях, а в следующее — уже врезался в него всем телом. Мой рык разнёсся по особняку так, что стёкла в оконных рамах треснули и посыпались на пол. Пол дрогнул. Стены загудели. Удар был такой силы, что мы оба вылетели в окно.

Стекло брызнуло дождём осколков. Холодный воздух ударил в лицо. Мы падали в темноту — два волка, сцепившиеся в воздухе, — и приземлились на заснеженную землю с таким грохотом, что снег взметнулся облаком.

Я вскочил первым. Сайлус — следом. Он больше не улыбался. Его лицо исказилось, глаза горели безумным огнём. Он обратился — не так быстро, как я, но достаточно. Русский волк, крупный, с рваным ухом и тем самым шрамом через морду, который не исчез даже в звериной форме.

— Ты думаешь, ты сильнее меня, Волков? — прорычал он. — Думаешь, твоя ярость что-то значит?

Я не ответил. Я просто атаковал.

И мир сузился до нас двоих — зверя и Ловчего, Альфы и того, кто посмел тронуть мою Пару.

Глава.23

ОНА

Я прыгнул - и мы столкнулись посреди заснеженного двора.

Два волка. Два Альфы. Чёрный и русский. Мои клыки лязгнули о его клыки, и звук этот - скрежет кости о кость - разнёсся по ночному лесу, вспугнув птиц с далёких ветвей. Когти вспороли воздух, оставляя в морозной мгле рваные следы. Снег под нашими лапами окрасился алым.

Я ударил первым - лапой в бок, целясь под рёбра, туда, где у волка самое уязвимое место. Он успел отскочить, но недостаточно быстро. Мои когти оставили три глубокие борозды на его шкуре - рваные, кровоточащие. Он взвыл. Не от боли - от ярости. Его глаза, бесцветные, как декабрьский лёд, горели безумным огнём.

- Ты ничто, Волков! - прорычал он, бросаясь на меня. Его пасть клацнула в дюйме от моего горла. - Твой отец был ничем! Он сдох, как пёс, над телом своей шлюхи! Твоя стая была ничем! А твоя девка...

Он не успел договорить.

Мои челюсти сомкнулись на его плече - там, где мышца переходит в шею, - и я рванул. Не просто укусил. Вырвал. Кровь - горячая, солёная, чужая - хлынула мне в пасть, заливая язык, стекая по морде. Сайлус закричал. Этот крик был не волчьим - человеческим, полным боли и ужаса. Он вырвался, оставляя клоч шкуры в моих зубах, и отскочил к старой сосне, что росла у самого дома.

Он развернулся, тяжело дыша. Из раны на плече хлестала кровь, заливая снег. Он пытался удержаться на лапах, но его шатало.

И тут я заметил это.

Его движения. Они были странными. Дёргаными. Он то кидался на меня с неожиданной силой - так, что я едва успевал блокировать, - то вдруг замирал. Застывал на полушаге, как сломанный механизм. Его голова дёргалась в сторону, словно он слышал голоса, которых не было. Из пасти текла пена - белая, пузырящаяся. Он бормотал что-то себе под нос. Бессвязное. Дикое.

- Нет... я не... я Альфа... я Ловчий... они все... они все склонятся...

Я ударил его в голову. Раз. Лапой наотмашь, целясь в висок. Он пошатнулся, но устоял. Второй удар - сильнее, с замахом. Его голова мотнулась в сторону, и из пасти брызнула слюна. Третий удар - и он рухнул на бок. Снег взметнулся облаком.

Он попытался встать. Лапы скребли снег, но не слушались. Он сжался у ствола сосны, подтянув лапы к груди, и заскулил. Как щенок. Как сломленный, жалкий пёс.

- Нет... - прошептал он, глядя куда-то сквозь меня. - Я не... я должен... где... мама?

Он не узнавал меня. Не узнавал никого. Его глаза блуждали, не фокусируясь. Пальцы - уже человеческие, потому что он терял звериную форму, не в силах её удерживать, - скребли снег, как будто искали что-то. Его тело уменьшалось, съёживалось, возвращаясь в человеческое обличье - жалкое, тощее, с торчащими рёбрами и трясующимися конечностями.

- «Эклипс», - раздался голос позади.

Гектор вышел из тени деревьев. Он был в человеческой форме - высокий, светловолосый, с усталыми глазами, которые сейчас смотрели на Сайлуса без торжества. Только с пониманием. Его волки держались на расстоянии, оцепив двор. Все выжили. Все, кто пошёл с нами в бой, стояли на ногах.

- Он принимал его годами, - сказал Гектор. Голос звучал ровно, но в нём слышалась застарелая горечь. - Думал, что контролирует яд. Что он делает его сильнее. Но яд контролировал его. Съедал мозг. Разрушал связи. Он уже давно не Ловчий. Он - развалина.

Я смотрел на Сайлуса. На этого жалкого, дрожащего, безумного оборотня, который когда-то был самым опасным врагом. Который пришёл в «Волчий Клык» пятнадцать лет назад и оставил флакон с «Эклипсом». Который отравил моего отца - и сделал так, что тот убил свою Истинную Пару. Который годами охотился за мной, за моей кровью, за моей силой. Который пытался сломать мою Рину.

Он отнял у меня всё. Сделал меня сиротой. Заставил бежать. Заставил запечатать волка. Пятнадцать лет я жил только ради этого момента. Момента, когда я вонжу клыки в его горло и почувствую, как его жизнь уходит.

Но сейчас, глядя на него, я не чувствовал торжества. Я чувствовал пустоту. И презрение. Глубокое, спокойное презрение.

Он был жалок. Сломан. Уничтожен собственным ядом. Его разум ушёл - осталась только оболочка. И убивать эту оболочку было бы... бессмысленно. Не милосердием. Просто - пустой тратой клыков.

- Ты отнял у меня отца, - сказал я. Голос прозвучал глухо, но в морозном воздухе каждое слово звенело, как сталь.

- Ты отнял у меня мать. Ты отнял стаю. Ты пытался отнять её.

Я шагнул ближе. Он сжался ещё сильнее, прикрывая голову руками.

- Но ты проиграл. Не мне. Ты проиграл себе. Своему яду. Своей жадности. Ты даже не враг. Ты - ничто.

Я наклонился к нему. Мои янтарные глаза горели в темноте. Он смотрел на меня - и впервые за этот бой в его мутных глазах промелькнуло что-то осмысленное. Ужас. Он понял. Понял, что я не убью его. И это было хуже смерти.

- Смотри на меня, Сайлус. Смотри и запомни. Ты жив только потому, что я позволил. И каждый день своей жалкой жизни ты будешь помнить: наследник «Волчьего Клыка» пощадил тебя. Не из жалости. Из презрения.

Он заскулил и уткнулся лицом в снег. Его плечи тряслись. Он плакал.

Я развернулся и пошёл к дому.

Я поднялся по лестнице, перешагивая через осколки стекла и обломки двери, которую вышиб, когда врывался сюда. Мои лапы - уже снова человеческие руки, обратное превращение произошло само, без усилий, - подрагивали от напряжения. В висках стучало. Сердце колотилось где-то в горле.

Я нашёл её в той же комнате.

Она стояла у стены. Всё ещё сжимая горлышко разбитой бутылки - пальцы заковенели на стекле. Стекланный край был в крови. Его крови. Её крови. Их общей.

Когда я вошёл, она вздрогнула. Её тело напряглось, готовое снова драться. А потом она увидела, что это я.

- Дарий...

Её голос был тихим. Надломленным. Она держалась всё это время - пока Сайлус был здесь, пока она защищалась, пока ждала. А теперь, когда я пришёл, её силы кончились. Она начала оседать по стене, и горлышко бутылки выпало из её пальцев, со звоном разбившись о пол.

Я поймал её. Подхватил на руки - легко, как пушинку. Она была такой хрупкой. Такой измученной. Но живой. Тёплой. Её сердце билось часто, но ровно.

- Ты в порядке? - спросил я. Мой голос был хриплым от рыка, но я старался говорить тихо, чтобы не напугать её.

- Теперь да, - она улыбнулась - слабо, разбитой губой, но искренне. Настоящей улыбкой. Той, что грела меня изнутри.

Я оглядел её. Одежда разорвана в клочья. Ссадина на щеке. Кровоподтёк на плече, уже наливающийся синевой. На руке - порез от стекла, которым она оборонялась. Но кости целы. Глаза ясные. Она смотрела на меня - и в этих янтарных глазах был свет. Тот самый свет, который я увидел в первый день, когда она спустилась по лестнице в пабе. Свет, который не смог погасить даже Сайлус.

- Я знала, что ты придёшь, - прошептала она, уткнувшись лицом в мою грудь. Её дыхание было тёплым, и я чувствовал его кожей.

- Я бы пришёл куда угодно, - сказал я. - Через что угодно. Через кого угодно.

Я сорвал покрывало с кровати - в пятнах крови, лёгкое, но плотное - и закутал её. Бережно. Как заворачивают ребёнка. Чтобы ни один кусочек её кожи не касался холода. Потом подхватил её на руки и понёс вниз.

По той же лестнице, по которой только что взбегал в ярости. По тому же коридору, который только что был полон криков и рычания. Теперь здесь было тихо. Только мои шаги. Только её дыхание. Только стук моего сердца.

Выжившая охрана ждала внизу. Те, кого я не тронул. Те, кто упал на колени. Они видели, что случилось с их Ловчим. Видели, как он сжался у дерева и скулил. Видели, как я прошёл мимо него. И теперь они смотрели на меня - и отползали. Никто не смел поднять оружие. Никто не смел даже поднять глаза. Моя сила Альфы всё ещё давила на них - невидимая, но неумолимая, как гравитация. Они скулили. Жались к стенам. Боялись дышать.

Я шёл ровно. Прижав Рину к груди. Она обнимала меня за шею - слабо, но довольно. Её пальцы, холодные, гладили мой затылок.

- Ты замёрзла, - сказал я.

- Немного. Но ты тёплый.

Я поцеловал её в лоб. Кожа была солёной от пота - она дралась, она выживала, она победила. И ещё - привкус крови и снега.

У ворот нас ждал Гектор. Его волки выстроились за ним - те, с кем мы шли на штурм. Кристина стояла рядом с братом, закутанная в чужую куртку, живая. Её глаза, заплаканные, смотрели на меня с благодарностью, которую она пока не могла выразить словами.

Один из волков Гектора - молодой, плечистый, с позывным Волчок - уже стоял у внедорожника. Двигатель работал, из выхлопной трубы валил пар. Когда я приблизился, Волчок протянул мне свёрток.

- Одежда, - сказал он коротко. - Твоя вся... ну, ты понял.

Я кивнул. Моя одежда осталась где-то там, в снегу, разорванная при обращении. Сейчас на мне были только остатки штанов. Волчок дал мне тёплые штаны, свитер и старую, но крепкую куртку с меховым воротником. Я оделся быстро, не опуская Рину на землю - Гектор помог придержать её, пока я натягивал свитер. Она тихо смеялась над нашей неуклюжестью. Этот смех был лучшим звуком, который я слышал за всю ночь.

- Мы уходим, - сказал Гектор. - Картель будет здесь через час. Нужно уходить.

- Уходим, - согласился я. - В Сосновку. В паб. Там Борис. Ему нужна помощь.

- Мы прикрываем, - он хлопнул меня по плечу. - Езжай.

Я сел в машину. Волчок был за рулём. Гектор остался снаружи - он со своими волками уходил другим маршрутом, увозя спасённых.

Внедорожник тронулся. Колёса заскрипели по снегу. Особняк Картеля медленно отступал в темноту, становясь всё меньше в заднем стекле.

Я держал Рину на руках. Она сидела у меня на коленях, закутанная в покрывало поверх моей куртки. Её голова лежала на моём плече. Дыхание было спокойным. Тёплым. Метка пуль-

сировала - уже не тревожно, а мягко, умиротворённо, как сердцебиение спящего зверя. Она была в безопасности. Она была со мной.

- Ты убил его? - спросила она тихо.

- Нет.

- Почему?

- Потому что он уже мёртв. Внутри. «Эклипс» сожрал его.

Она помолчала. Потом кивнула.

- Так даже лучше.

Машина ехала сквозь ночной лес. Снег бился в лобовое стекло, но дворники мерно смахивали его. В салоне было тепло. Пахло бензином, старой кожей сидений - и ею. Мёдом. Полевыми цветами. Моей Парой.

Она задремала. Силы окончательно покинули её. Пальцы, сжимавшие край моей куртки, расслабились. Лицо разгладилось. На губах застыла лёгкая улыбка.

Я смотрел на неё. На то, как свет фар встречных машин - редких в эту глухую ночь - скользит по её лицу. На то, как её ресницы чуть подрагивают во сне. На то, как она вздыхает - тихо, умиротворённо.

Волк внутри меня молчал. Он сделал своё дело. Он защитил Пару. Он наказал врага. Теперь он просто был - тёплый, живой, целый. И я был. И мы были вместе - человек и зверь, наконец-то единые. И Рина - наша Луна - спала в наших руках.

Впереди, за лесом, лежала Сосновка. Там был разгромленный паб. Там был Борис, которого нужно было поднять на ноги. Там была комната с подоконником-диваном, где всё началось.

Но всё это - потом. Сейчас был только этот момент. Эта тишина. Эта девушка.

Я наклонился и поцеловал её в висок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.